

РУССКАЯ РЕЧЬ

ISSN 0131-6117

Академия наук СССР
Институт русского языка

МАРТ АПРЕЛЬ

2 '91

Научно-популярный журнал
издается с января 1967 года.
Выходит 6 раз в год.

МОСКВА "НАУКА"

В ПОМЕРЕ:

ТОЧКА ЗРЕНИЯ

- 3 *Г. В. Судakov.* Русский язык – святыня Отечества ©
ЯЗЫК ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
- 7 *С. А. Фомичев.* «Читатели найду в потомстве я» ©
Из наблюдений текстолога
- 13 *Н. С. Никитина.* Свидетельствует рукопись... ©
Слово в драматургии
- 21 *С. В. Молчанова.* Мотивы освобождения в драме
Л. Н. Толстого «Живой труп» ©
- 27 *В. В. Бровар.* «А бедный конь руками машет...» ©

НАШИ ПУБЛИКАЦИИ

- 33 *Мих. Осоргин.* Язык русской литературы ©

АНТОЛОГИЯ АВТОРСКОЙ ПЕСНИ

- 42 *Вера Матвеева* ©

КУЛЬТУРА РЕЧИ

- Отвечает Служба языка*
- 47 *О. Л. Дмитриева.* Как сокращать слова ©
- 50 *Е. Л. Константинова.* Неможно ©
- 53 *К. С. Горбачевич.* Из словаря синонимов ©
Беседы о языке рекламы
- 61 *Н. Н. Кохтев.* Реклама и речевая норма ©
Язык прессы
- 66 *С. М. Любошиц.* Штампы: мода или необходимость? ©

-
- ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ ЯЗЫКОВЕДЫ**
- 71 *В. В. Колесов.* Судьба Александра Христофоровича Востокова ©
- 79 *Г. С. Варанкова.* Григорий Андреевич Ильинский ©
-
- ИЗ ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ И ПИСЬМЕННОСТИ**
- 88 *Т. В. Сергеева.* «Дьскы безъ кнѣса» в «Слове о полку Игореве» ©
- Православные традиции: праздники, обычаи, обряды*
- 93 Объяснение Символа веры, молитв и заповедей, О Боге
-
- ОНОМАСТИКА**
- 115 *А. В. Суперанская.* Что означают имена? ©
-
- НА КАРТЕ РОДИНЫ**
- 121 *Е. С. Отин.* Харьков ©
-
- ИЗ ИСТОРИИ СЛОВ И ВЫРАЖЕНИЙ**
- 128 *А. Н. Шустов.* Кофейный дом ©
- 134 *И. Г. Добродомов.* Еще раз о *кузькиной матери* ©
За знакомой строкой
- 139 *З. А. Носкова.* «И флёр от шляпы отвернув...» ©
-
- ХРОНИКА**
- 144 «Язык мой – друг мой»
- 146 Авангард в отечественной культуре
-
- СРЕДИ КНИГ**
-
- ПОЧТА «РУССКОЙ РЕЧИ»**
- 151 *В. Н. Сергеев.* Новое ли слово *судьбоносный*? ©
- 155 *М. М. Урумов.* Высокая трибуна обязывает ©
-
- 149 **КРОССВОРД**
-
- 159 **АНКЕТА ЧИТАТЕЛЯ**
-

Обложка выполнена Е. Чукановой ©

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

*В КОНЦЕ ЭТОГО НОМЕРА ПОМЕЩЕНА АНКЕТА.
МЫ РАССЧИТЫВАЕМ НА ВАШЕ СОТРУДНИЧЕСТВО.*

Русский язык — святыня Отечества

Г. В. Судаков,
доктор филологических наук

Язык — отличительная особенность народа, сердцевина его самобытности и национального духа. Забота о развитии и чистоте языка, то есть о сохранении души нации, должна начинаться с внимания к изучению родного языка и литературы в школе. Сейчас русский язык лишь формально значится первым в списке предметов в учебном плане школы и классном журнале, по сути же он остался таковым для учителей словесности. В этом утверждении нет преувеличения. Посмотрите в тетради своих детей или внуков по истории, географии, математике. Впечатление такое, что в них писали иностранцы, плохо знающие русский. Спросите школьников: для чего они учат русский? Вам ответят: для того, чтобы грамотно писать диктанты и сочинения на уроках русского языка. Только на уроках, и только — русского языка. Какая педагогическая идея породила этот оголтелый формализм?! Почему никто из нынешних и бывших школьников, да и кое-кто из учителей не знают, что на уроках русского языка должны учить не только правилам письма, но и обычаям устного речевого общения, речевому этикету, публичному разговору, учить употреблению языка, а не добиваться заучивания суффиксов и надежд? Почему дети и многие взрослые сограждане не чувствуют арматуры и звучности слова, а в обществе нет сознания полезности грамотной и выразительной речи?

Причины тому — несколько, и главная — снижение патриотического чувства. Пренебрежение к родному слову, к народной мелодии — очевидный показатель высокомерного отчуждения от родимой почвы, от святынь Отечества. И не только неверный политический курс и ложные социально-экономические ориентиры тому виной. Серьезные отступления от педагогических истин допустила и школа. Одно из них — недооценка обязательности этапа творчества в усвоении законов языка и правил речеобразования. Сказалось и невнимание к таким образцам русской речи, как фольклор и демократическая словесность древней Руси.

Для нас, русских, по нашей собственной недоброй воле оказались закрыты сборники древних афоризмов, летописи и поучения. В старых русских азбуках и букварях не было пустых фраз вроде «Мама мыла раму». В них включали образцы народной мудрости, учили размышлять и воспитывали: «Кто хочет много знать, подобает тому мало спать»; «Велику власть принимающему подобает велик ум имети»; «Лучше на своей земле костью лечь, нежели на чужбине славну быти». Многие ли слышали раньше эти изречения? Наши дети учат имена греческих богов, но не знают имен первых русских писателей и речи своих предков.

Не хочу пугать слишком революционными предложениями. Не надо полного и единовременного переключения школы на изучение древнерусской литературы и фольклора, ведь ей надо еще освоить и возрожденную русскую литературу 20–70 годов нашего века. Не надо читать всю «Повесть временных лет» и с первого класса изучать историю Киевской Руси. Важно показать изначальную неисчерпаемость и красоту русского слова, важно не количество, а глубина осмысления, с учетом доступности материала для детей. Пусть они восхитятся умом и юмором Даниила Заточника, познакомятся со сводом древних пословиц и поговорок, заключенным в его сочинениях. Пусть почувствуют любовь и печаль в прозаических строках «Слова о погибели Русской земли»: «О светло светлая и украсно украшенная земля Русская! И многими красотами удивлена еси!». Пусть оценят злободневность такой сценки из «Повести о Горе-Злочастии»

Беспечальна мати меня породила,
Гребешком кудерцы рочесывала,
Драгими порты меня одевала
И, отшед, под ручку посмотрела:
Хорошо ли мое чадо в драгих портах? —
А в драгих портах чаду и цены нет.

Действительно, при ценах на «порты» и нынешние чада становятся бесценными.

Зубрежке и переписыванию, практикуемым в школе, следовало бы предпочесть упражнения со словом, творческие игры, показывающие возможность языка. И снова образец — фольклор. То, что осуждает школа, например, повторы, имеет художественное оправдание в устном творчестве. Скажем, «мак маковистый» из хороводной песни — это особо алый, особенно крупный, это особый, необыкновенный мак. Все эти смыслы скрываются в одном слове «маковистый».

Необычайная сила фольклора и народной речи — в свободе выражения. Впечатление вначале такое, что слово бросают во фразу,

как кошку на землю, и, как кошка, оно всегда становится во фразу уместно и прочно, на все четыре лапы. Богатство словообразования, многообразие синтаксиса, неистощимость словаря — все это демонстрируют фольклор и классическая литература, начиная с древности.

Добавим, что игры со словом — увлекательнейшее занятие, поскольку слово — особая игрушка, оно хранит мудрость народа. Пусть ребенок почувствует слово и как красоту, и как духовную энергию, завещание предков. И пусть на первом месте будет знакомство с образцовым употреблением русской речи и в подражание ему — собственное творчество детей, а изучение и освоение правила — во вторую очередь. Это обеспечит необходимый психологический комфорт для учащихся.

Вспомним противопоставление свободы (благодати) и утеснения (закона) у древнерусского философа Иллариона. Так и здесь: свободное творчество без оглядки на правило — это благодать, писание по образцу и правилу — это закон, который сдерживает, пугает, настораживает. Поэтому отодвинем правило на второй план и покажем прелесть обоснованных отступлений от нормы. И еще раз подчеркнем: в школе мы вначале пугаем ребенка необходимостью выучить правило, а потом пытаемся учить творить, но — обязательно по правилу. Как и любое творчество, речевое творчество строго по правилам невозможно. Не надо комментировать отступления от канонов, надо оценивать художественную оправданность отступлений. Кстати, в речевом творчестве народа всегда заметна оглядка на знания и опыт старших, но в единстве с непослушанием заветам старших поколений.

Итак, смысл в том, чтобы учить русскому как родному, а не как иностранному. Восстановить риторику и стилистику в школьных программах. Обновить дидактический материал в учебниках и набор художественных текстов в хрестоматиях. Сейчас главный принцип в подборе этих текстов и заданий — обязательная связь с жизнью: сбор металлолома, помощь сельскому хозяйству, написание заметки в газету. На уроках родной словесности важнее осуществить связь между искусством слова и душой ребенка. А потому пужны совершенные, гениальные, в том числе и древнерусские тексты в учебниках, и хорошо бы иногда действительно по-древнерусски. А опыт такой есть. В школах Вологодчины есть и литературные клубы, и диалектологические кружки. Открыв в этом году в Вологодском пединституте по просьбе жителей города две группы по изучению древнерусского языка, мы с удовольствием заметили среди взрослых и школьников.

Лицом к школе, к речевой практике общества должен повер-

нуться и академический Институт русского языка. Какой учебник русского языка из нынешних и прежних считается лучшим? Тот, который редактировал академик Л. В. Щерба. Кто из современных академиков работает для школы? Никто. Книги для внеклассного чтения учащихся, которые пишет Дмитрий Сергеевич Лихачев, не могут заменить учебную книгу для урока.

Внимание к русскому языку как памятнику культуры ослаблено в Академии наук. Сокращается издание письменных памятников истории и культуры, прекращены публикации книг по истории русского слова и словообразования. У нас нет академической «Исторической лексикологии русского языка». У нас нет и научного журнала по русскому языкознанию. Уменьшается число специалистов — «древников», хотя огромные сокровища лежат неизученными в центральных и провинциальных архивах. Неужели и в XX веке Россия не будет иметь полного издания своих письменных памятников?

Русская культура всегда была сильна художественным вкладом провинций. Поэтому важно не только обеспечить возрождение культуры русской провинции, но и повысить научный уровень краеведения. Ввести уроки родноведения в школах, причем не как формальный пересказ и заучивание картинок из местной истории, а как живой и страстный рассказ ученого, художника, талантливо-го человека о вкладе предков в отечественную и мировую культуру.

Народ выражает себя всего полнее и вернее в языке своем, в культуре. Определяющее свойство языка и культуры — опора на многовековые традиции. Сохранив язык и культурные ценности, мы сохраним себя как нацию. Считая язык и культуру наиболее прочным мостом между прошлым и настоящим, между памятью и нравственностью, я призываю отвести достойное место отечественной культуре и словесности в сегодняшней жизни России ради ее великого будущего.

Вологда

«Читателя найду в потомстве я»

С. А. Фомичев,
доктор филологических наук

«Оттого, чтобы дослышать все оттенки Лиры Баратынского, — заметил И. В. Киреевский, — надобно иметь и тоньше слух и больше внимания, нежели для других поэтов. Чем более читаем его, тем более открываем в нем нового, незаметного с первого взгляда, — верный признак поэзии, сомкнутой в собственном бытии, но доступной не для всякого» (Дециница. 1830. С. LIV). Так критик откликнулся на несколько стихотворений Е. А. Баратынского, помещенных в альманахе А. А. Дельвига «Северные цветы на 1829 год». Среди них был и цикл «Антологические стихотворения», состоявший из пяти миниатюр: 1. «Как ревностно ты сам себя дурачишь...» 2. «Старательно мы наблюдаем свет...» 3. «Мой дар убог и голос мой не громок...» 4. «Глуны не чужды вдохновенья...» 5. «Не подражай: своеобразен гений...»

Может быть, самым странным в этом цикле было его название. Антологическими (греч. *anthologia*, буквально — собрание цветов) в то время назывались лишь стихи, ориентированные на античные образцы. В данном же случае никаких непосредственных откликов на античные мотивы в стихотворениях Баратынского обнаружить нельзя. Вспомним, однако, что антологическое оценивалось тогда в качестве неизменной, вечной меры искусства. Речь же у Баратынского идет о тайнах и назначении поэтического ремесла, хотя тема эта развивается, в основном, от противоположного. Короткие, замкнутые афористическими строками стихотворения обретают одновременно и притчевый, и эпиграмматический (иногда даже автоэпиграмматический) оттенки. Своеобразие такого рода стихотво-

рений было превосходно уловлено А. С. Пушкиным, который писал:

«Эпиграмма, определенная законодателем французской поэтики:

Un bon mot de deux rimes orné

(Словцо, украшенное двумя рифмами – фр.),

скоро стареет и, живее действуя в первую минуту, как и всякое острое слово, теряет всю свою силу при повторении. Напротив, в эпиграмме Баратынского, менее тесной, сатирическая мысль приемлет оборот то сказочный, то драматический и развивается свободнее, сильнее. Улыбнувшись ей как острому слову, мы с наслаждением перечитываем ее как произведение искусства» (Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 10 т. Л., 1978. Т. 7. С. 154).

Важно подчеркнуть, что при чтении стихотворений Баратынского от читателя требуется определенное усилие, активное желание понять мысль поэта, которая выражается, как правило, лишь намеком – причем парадоксального свойства.

Таково, например, второе стихотворение цикла:

Старательно мы наблюдаем свет,
Старательно людей мы наблюдаем
И чудеса постигнуть уповаем:
Какой же плод науки долгих лет?
Что, наконец, подсмотрят очи зорки?
Что, наконец, поймет надменный ум
На высоте всех опытов и дум,
Что? точный смысл народной поговорки.

Семь первых строк, устремляющихся ввысь, подводят к недоуменному, неожиданному обрыву последней строки. И только поняв «точный смысл народной поговорки», мы в полной мере сможем оценить всю глубину выраженного здесь разочарования. Какую именно поговорку имеет в виду поэт? По-видимому, вот эту: «Век живи, век учись, а дураком помрешь». Но снова прочитав – уже под этим углом зрения – стихотворение, мы обнаружим в нем и более глубокое, так и не разрешенное до конца недоумение, завешанное нам. В самом деле, почему оказалось тщетным парение духа? От недостатка ума человеческого? А может быть, от изначальной бессмысленности мира, как о том сказано в «Екклесиасте»: «(...) и предал я сердце мое тому, чтобы исследовать и испытать мудростью все, что делается под небом: это тяжелое занятие дал Бог сынам человеческим, чтобы они упражнялись в нем. Видел я все дела, какие делаются под солнцем, и вот, все – суета и томление духа!» (1, 13–15).

Если верно первое допущение (а точный смысл народной погов-

ворки вроде бы предполагает именно его), значит есть в стихотворении некий трансцендентальный оптимизм, а не только вкус горечи от плода познания.

Автоэпиграмма оборачивается философским эссе.

Эти предварительные наблюдения над поэтикой Баратынского важны для того, чтобы с должным вниманием прочитать центральное стихотворение цикла:

Мой дар убог, и голос мой не громок,
 Но я живу, и на земли мое
 Кому-нибудь любезно бытие:
 Его найдет далекий мой потомок
 В моих стихах; как знать? душа моя
 Окажется с душой его в сношеньи,
 И как нашел я друга в поколеньи,
 Читателя пайду в потомстве я.

На первый взгляд, смиренные, даже самоуничижительные строки. Но это лишь начальное, хотя, несомненно, и сознательно спровоцированное поэтом впечатление. Стихотворение нужно хотя бы правильно прочесть — и тогда своеобразным сигналом его тона станет старославянская форма окончания одного из слов второй строки: не *на земле*, а *на земли*. Ср. у И. В. Гоголя: «Русь, куда ж несешься ты? дай ответ. Не дает ответа. Чудным звоном заливаются колокольчик; гремит и становится ветром разорванный в куски воздух; летит мимо все, что ни есть *на земли* <...>» (Гоголь И. В. Собр. соч.: В 6 т. М., 1959. Т. 5. С. 260).

Но вернемся к Баратынскому. Как читать рифмующееся слово второй строки? На письме здесь «мое», но последняя буква может читаться двояко: как *е* и как *ѣ*. По инерции обыденной первой строки обычно и вторую — произносят: «Но я живу, и на земли моѣ», — пренебрегая окончанием предыдущего слова. И получается невозможная для стиха Баратынского стилистическая какофония. Нет, у него — коли «на земли», так непременно «мое», то есть опять же архаическая (а стало быть, отнюдь не обыденная) форма слова, требующая соответствующей рифмы в третьей строке: «бытие» (а ни в коем случае не «бытиѣ», житьѣ-бытьѣ).

Вообще пристрастие Баратынского к рифме с огласовкой на архаическое *е* вполне очевидно — ср., например:

Так ярый ток, оледенев,
 Над бездною висит,
 Утратив прежний грозный рев,
 Храня движенья вид.

Надпись

Плод яблони со древа упадает:
Закон небес постигнул человек!
Так в дикий смысл порока посвящает
Нас иногда один его намек.

«Благословен святое возвестивший!»

А теперь вновь, уже правильно перечтем первое трехстишие:

Мой дар убог, и голос мой не громок,
Но я живу, и па земли мое
Кому-нибудь любезно бытие <...>

Не правда ли, в такой огласовке строки звучат вовсе не смиренно, а с большим достоинством? И обнаруживается попутно, что и другие слова, которые могли показаться вполне заурядными, обнажают семантическую глубину. «Убог» — ведь это не только «скуден», «беден», но и «у Бога» (приближенный, отнесенный к Богу).

Столь же неоднозначным оказывается и заключающее первую строку слово. «Не громок» — это же не просто «тих». Не здесь не только отрицание, а род приставки, близкой по значению к *без*, отчетливо акцентирующей, в свою очередь, семантику корня слова. «Не громок» таким образом — «без грома», «пегрозный», «доброжелательный». «У Баратынского, — отмечает Юр. Иваск, — вообще очень много таких выражений: отрицательных по форме, но не всегда по смыслу: *необщее выраженье* (у Музы), *незаходимый день* (рай), *неосязаемые власти* (в царстве теней), *нечуждая жизнь* (в пустыне), *нежданный сын* последних сил природы (поэт), *творец непервых сил* (посредственный литератор), *благодать нерусского надзора* (иностранных гувернеров), *храни свое неопасенье*, *свою неопытность* лелей (стихи, посвященные „монастырке“ Смольного института). Эти необычные *не* заостряют его философическую поэзию» (цит. по кн.: Виноградов В. В. Проблема авторства и теория стилей. М., 1961. С. 22).

Осмысленность, как бы подчеркнутость почти каждого слова в стихе обусловлена ритмически. «Стих, — указывал Б. В. Томашевский, — так сказать, обогащает речь новыми знаками препинания, так как он членит речь ритмически, и это дает возможность оживлять те формы интонации, которые малодоступны прозе» (Томашевский Б. В. Стих и язык. Филологические очерки. М.—Л., 1959. С. 166).

Как правило, под логическим ударением оказывается слово, оканчивающее строку, — тем более, если здесь имеется перенос

[enjambement]: «(...) мое / Кому-нибудь любезно бытие (...)». В этом же стихотворении Баратынского, написанном пятистопным ямбом, необходимо также учитывать цезуру после второй стопы («Кому-нибудь / любезно бытие»). Строфически стихотворение состоит из двух четверостиший с опоясывающей (кольцевой) рифмовкой, но и здесь имеется своеобразный строфический «перенос»: фактически первые три строки заключают в себе законченную мысль, как и три следующих:

Его найдет / далекий мой потомок
В моих стихах; / как знать? душа моя
Окажется / с душой его в сношеньи (...)

Если в первом трехстишии утверждалось сиюминутное, сущее, то теперь взгляд поэта переносится в будущее. И подобно тому, как там акцентировалось последнее слово, неожиданно высокое, — *бытие*, теперь столь же весомым оказывается слово *сношенье*.

Все второе трехстишие само по себе состоит из перифьющихся строк; оно связано с предыдущим — первой строкой (*не громок — потомок*), но открыто для решающего аргумента, последнего доказательства, которое по закону стиха должно уравновесить рифмами две последние строки.

И этот вывод венчает все стихотворение, построенное по правилу силлогизма (тезис — антитезис — синтез):

И как нашел / я друга в поколеньи,
Читателя / найду в потомстве я.

Рационализм — сознательная установка поздней поэзии Баратынского, который считал: «Истинные поэты потому именно редки, что им должно обладать в то же время свойствами, совершенно противоречащими друг другу: пламенем воображения творческого и холодом ума поверяющего. Что касается до слога, надобно помнить, что мы для того пишем, чтобы передавать друг другу свои мысли; если мы выражаемся неточно, нас понимают ошибочно или вовсе не понимают: для чего ж писать?» (Баратынский Е. А. Стихотворения, поэмы, проза, письма. М., 1951. С. 425).

В самом деле, стихотворение написано логически стройно. А как насчет «пламени воображения творческого»? Но разве, прочитав осмысленно стихотворение Баратынского, мы не почувствовали высокое достоинство и взыскательную доверчивость, с которыми оно обращено не просто к читателю, но к читателю-другу? Подобному тому, в чьем альманахе было напечатано впервые это стихотворение, — тому, которому были посвящены еще

юношеские строки Баратынского:

Ты помнишь ли, с какой судьбой суровой
Боролся я, почти лишенный сил?
Я погибал – ты дух мой оживил
Падеждою возвышенной и новой.
Ты ввел меня в семейство добрых Муз <...>

Вот какого читателя предчувствует в потомстве Баратынский.

«Хотел бы я знать, – откликнется век спустя О. Мандельштам, – кто из тех, кому попадутся на глаза названные строки Баратынского, не вздрогнет радостной и жуткой дрожью, какая бывает, когда неожиданно окликнут по имени <...> Скупно перешептываться с соседом. Бесконечно нудно буравить собственную душу. Но обменяться сигналами с Марсом – задача, достойная лирики, уважающей собеседника и сознающей свою беспричинную правоту. Эти два превосходных качества поэзии тесно связаны с „огромного размера дистанцией“, которая предполагается между нами и неизвестным другом – собеседником» (Мандельштам О. Слово и культура. М., 1987. С. 50, 54).

«Антологические стихотворения», появившиеся впервые в «Северных цветах», в издании произведений Е. А. Баратынского 1835 года были разобщены. Но в цикле этом была предугадана его последняя книга «Сумерки» (1842), повествующая о трагической судьбе поэта «железного века».

Ленинград

Из наблюдений текстолога

Свидетельствует рукопись...

Н. С. Никитина,
кандидат филологических наук

Живые, говорящие рукописи — сколь ни метафоричными кажутся употребленные в таком словосочетании эпитеты, они и точны. И едва ли найдутся другие, соперничающие с ними в смысловой и эмоциональной выразительности, когда речь идет о черновых, а это значит — о творческих, рукописях литературных произведений, для которых бессмертием, а не забвением обернулось время. Отражая самый процесс творчества, черновая рукопись обнажает пружины этого процесса, позволяя постичь сокровенные глубины авторского замысла. И чем сложнее, неоднозначнее воспринимается созданное писателем произведение, тем насущнее представляется анализ его творческой рукописи.

Потому-то и вызвало к себе такой интерес открытие черновой рукописи романа И. С. Тургенева «Отцы и дети». Ведь, пожалуй, во всей русской литературе нет еще другого произведения, появление которого сопровождалось бы такими ожесточенными спорами, какими была встречена публикация «Отцов и детей». Эти споры ведутся и сегодня, через сто тридцать лет после создания романа. И нам сегодня, как некогда современникам писателя, тоже очень важно понять его роман, осознать в полноте и многозначности его проблематику, ибо он — воплощение той жизни, в которой истоки и нашего недавнего прошлого, и нашего настоящего, и нашего грядущего.

И думается, что интерес, который заключен в черновой рукописи романа, поэтапно, от начала до конца зафиксировавшей процесс его создания, связан прежде всего с уяснением авторской позиции, авторского отношения к героям романа, и в первую очередь — к Базарову. «Положа руку на сердце, — писал Тургенев в одном из своих писем к Герцену вскоре после выхода в свет

„Отцов и детей“, — я не чувствую себя виновным перед Базаровым и не мог придать ему ненужной сладости. Если его не полюбят, как он есть, со всем его безобразием — значит я виноват и не сумел сладить с избранным мною типом. Штука была бы не важная представить его — идеалом; а сделать его волком и все-таки оправдать его — это было трудно» (Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем: В 28 т. Письма: В 13 т. М. — Л., 1962. Т. 4. С. 382—383).

Истинный художник, Тургенев, как, пожалуй, еще немногие, понимал, сколь трудна была эта изначально поставленная им перед собой творческая задача. Решение ее было по плечу разве что таким гигантам, как Шекспир и Пушкин, — на них-то прежде всего и опирался автор «Отцов и детей». Однако великие образцы не заменяют больному художнику его собственной дороги. И та дорога, которой шел Тургенев, создавая свой роман, отражена в его черновой рукописи. Рукопись эта, лишь недавно приобретенная Советским Фондом Культуры и подаренная Институту русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР, изучена далеко не вполне. По об одном и существенном ее феномене можно говорить уже сейчас.

Автор «Отцов и детей» ушел из жизни не понятым своими современниками, не понятым в своем самом, наверное, значимом художественном создании, и не понятым в том, что было в этом романе едва ли не главным, предопределившим и эту его уникальную в русской литературе значимость, и его бурную судьбу в истории читательского восприятия. Писатель считал, что в полном соответствии с авторским замыслом его роман и его главного героя поняли лишь два человека — Ф. М. Достоевский и В. П. Боткин. И хотя не только одобрительные отзывы Достоевского и Боткина, — к сожалению, до нас не дошедшие, — но и самый характер сомнений таких людей, как М. Е. Салтыков-Щедрин, поддерживали Тургенева в мысли, что он не только одолеет поставленную перед собой художественную задачу, но и был не беспочвенен в своих исторических прозрениях, тем не менее, обрушившийся на него поток обвинений в неискренности и даже беспринципности со стороны критики, отношение той лучшей части русской молодежи, черты которой Тургенев и воплощал в Базарове и которая оттолкнула от себя этого его героя, недоверие даже близких — и умнейших — друзей и единомышленников, — все это, казалось бы, не могло не заставить писателя усомниться в том, так ли уж успешно осуществил он свой замысел, так ли уж справедлив и объективен был к Базарову. Между тем, этого то как раз и не произошло.

Писатель не только не принял упреков критики и читателей в предвзятом отношении его к своему герою, но и переадресовал эти упреки самой критике и самим читателям. И сделал это не в частных высказываниях или письмах, но в специальной статье — «По поводу „Отцов и детей“», — ставшей особой главой его «Литературных и житейских воспоминаний». По его убеждению, именно его объективность в подходе к образу Базарова сбила с толку читателя. «<...> читателю всегда неловко, им легко овладевает недоумение, даже досада, — писал он, — если автор обращается с изображаемым характером, как с живым существом, то есть видит и выставляет его худые и хорошие стороны, а главное, если он не показывает явной симпатии или антипатии к собственному детищу. <...> Читатель готов навязать автору небывалые симпатии или небывалые антипатии, чтобы только выйти из неприятной „неопределенности“» (Там же. Сочинения. Т. 14. С. 103).

Тургенев писал здесь, что он «прежде всего хотел быть искренним и правдивым» и что он «честно, и не только без предубеждения, но даже с сочувствием отнесся к выведенному <...> типу». «<...> вероятно, многие из моих читателей удивятся, — продолжал он далее, — если я скажу им, что, за исключением воззрений Базарова на искусства, — я разделяю почти все его убеждения». И в подтверждение своего непростого, но и с его точки зрения бесспорно объективного отношения к Базарову цитировал в статье запись из своего дневника, сделанную в день окончания романа: «„Современник“, вероятно, оболет меня презрением за Базарова, — предвосхищал он то, что и произошло в действительности, — и не поверит, что во всё время писания я чувствовал к нему невольное влечение...» (Там же. С. 100, 98–99, 100–102, 99).

И «Современник», разумеется, не поверил. Да и могло ли быть иначе, если в справедливости заявленного в статье усомнились даже те, кто неизменно и лучше других понимал Тургенева, чьему суду он беспрекословно доверял? Даже такой тонкий критик и ценитель Тургенева, как П. В. Анненков, оставляя вне подозрений искренность писателя, все-таки полагал, что, когда дело касается процессов творческих, художник сам себе не судья, так как не всегда способен объективно оценивать свои чувства, без которых нет и не может быть подлинного вдохновения. И Тургенев в собственном творческом опыте постигал глубины этой непреложной истины. И если он до конца остался непоколебленным в убеждении, что он честно и с сочувствием отнесся к Базарову, то, значит, были у него для этого основания и гарантии.

Тургенев, как понимал он возникшую перед ним в «Отцах и детях» задачу, не мог идеализировать Базарова, но и должен был оправдывать его, потому что в Базарове выделась ему историческая реальность русской жизни, начало, быть может, самой драматической главы в истории России. И Тургенев был не сторонним наблюдателем, но действующим лицом этой неотвратимо развёртывавшейся драмы, ибо принадлежал к поколению тех самых отцов, которые в его романе столь беспомощно противостоят Базарову. Ведь это его, Тургенева, автора «Записок охотника», которые, как скажет после его смерти М. Е. Салтыков-Щедрин, «положили начало целой литературе, имеющей своим объектом народ и его нужды» (Салтыков-Щедрин М. Е. Собр. соч.: В 20 т. М., 1970. Т. 9. С. 459), молодые революционные демократы объявили отжившим свой литературный век и фактически изгнали из того самого «Современника», который он в сороковые годы возрождал вместе с Некрасовым и Беллинским. А ему тогда было чуть более сорока лет, и большую половину своего творческого пути ему еще предстояло пройти. Нелегко было в этих условиях сохранить объективность художнической позиции. Однако Тургенев не только ее сохранил, но и поднял еще до небывалой в его творчестве, да и во всей русской литературе, высоты.

Уже в самом заглавии романа Тургенев обозначил то, что могло ему достичь этой высоты и что тем не менее впервые и со всей отчетливостью открыла теперь черновая рукопись. Но какими бы полюсам ни разошлись братья Кирсановы и Базаров, — с Аркадием или без него, — между ними нет и не может быть пропасти и их всегда будет соединять необрывающаяся нить родства, потому что они — отцы и дети. И не одних братьев Кирсановых, но и Базарова он наделял своими собственными чертами. «Главное в нем — это его *правдивость*», — так писал о Тургеневе уже после его смерти Лев Толстой (Толстой Л. Н. Полн. собр. соч.: В 90 т. М.—Л., 1934. Т. 63. С. 149). Тургенев же считал честность самым ценным, что может и должно быть в человеке, и этим качеством он наделял Базарова. «Он никогда не лгал и не „сочинял“, — это вписано на полях черновой рукописи в характеристику Базарова, и текстологам еще предстоит решать, когда и по чьей воле вывало из окончательного текста романа это «не лгал». Ведь и в белой рукописи романа, хранящейся в Парижской Национальной библиотеке, эта вписанная на полях черного автографа фраза осталась нетронутой. Нет в черновой рукописи романа и следа тех сентенций, которые вложил писатель в уста Базарова в двадцать первой главе романа. Уже переписав

его набело, Тургенев сделал здесь две вставки, происхождение которых иначе как вторжением посторонней воли, пожалуй, не объяснишь, хотя они и вписаны его собственной рукой: слишком уж противоречат они изначальным и столь отчетливо заявленным в черновой рукописи романа авторским представлениям о Базарове. Здесь же, в белой рукописи, после известного рассуждения Базарова о том, что принципов вообще нет, а есть ощущения, Тургенев таким образом конкретизировал этот нигилистический тезис героя обращенным к нему вопросом Аркадия:

«— Что ж? и честность — ощущение?»

— Еще бы!»

А через несколько строк и, по-видимому, тогда же появилась и еще одна вставка — пресловутая и циничная тирада Базарова о клевете.

В этой позднейшей авторской правке несомненно сказалась посторонняя воля, и конечно, в первую очередь требование М. Н. Каткова, редактора «Русского вестника», где «Отцы и дети» впервые увидели свет, равно как и настоятельные дружеские рекомендации П. В. Анненкова, читавшего роман еще в рукописи. И то, и другое засвидетельствовано в переписке Тургенева. И тем большую ценность в свете этого обретает черновая рукопись, где писатель от начала до конца оставался наедине со своими героями и критерием собственного сердца поверял объективность своей художнической позиции. Усомниться в непогрешимости этого критерия значило бы для Тургенева усомниться в гениальности самого Шекспира, которого он назвал однажды «всепрощающим сердцеведцем» (Тургенев И. С. Указ. собр. соч. Т. 15. С. 51), пытаясь выразить в этих словах то главное, что, по его убеждению, делало Шекспира величайшим поэтом всех времен и народов.

Быть может, самые выразительные страницы черновой рукописи — те, на которых рождалась сцена решающего свидания Базарова с Одинцовой. В Базарове, в его душевной муке, растворял Тургенев себя, боль своего и ему одному ведомого опыта. Уже через много лет после появления «Отцов и детей», опровергая очередной упрек в том, что он «в Базарове хотел представить карикатуру на молодежь», Тургенев досадовал в одном из своих писем: «Базаров, это мое любимое детище, из-за которого я рассорился с Катковым, на которого я потратил все находящиеся в моем распоряжении краски, Базаров, этот умница, этот герой — карикатура?!? Но, видно, тут ничего не поделаешь» (Там же. Письма. Т. 10. С. 281). Искренность и правомерность этого и многих других подобных ему авторских признаний подтверждает черновая рукопись «Отцов и детей», — единственный, но и неопод-

мый, как в своей беспристрастности, так и в своей осведомленности, свидетель мыслей и чувств Тургенева, воплотившихся в образах его романа.

Обращение к рукописи наполняет процитированные выше строки тем живым и конкретным человеческим смыслом, который заставляет вспомнить об исконном значении слова «детище», — том самом, что одно только и указано в «Толковом словаре» В. И. Даля: «сын или дочь, дитя, малое или взрослое». Да и сам Тургенев редко и лишь в пору первого их появления в печати называл так свои произведения, что же касается их героев, то этой чести он удостоил едва ли не одного Базарова.

Вчитываясь в дышащие экспрессией страницы черновой рукописи с их многослойной авторской правкой, кажется, полной мерой постигаешь и богатство красок, находившихся в распоряжении писателя. Это богатство поражает не яркостью и многообразием, но, скорее, точностью выбора, — той продиктованной высокой требовательностью большого художника точностью, которой тургеньевская проза, наверное, в первую очередь обязана и своей поэтической образностью, и лаконизмом. Как ни сложно было отношение Тургенева к Базарову, писатель нигде на всем протяжении романа не поступился сложностью создаваемого им типа. Конфликт, обозначенный уже в заглавии романа, имеет еще более драматизирующую его подоплеку во внутреннем противостоянии базаровского нигилизма и неприемлющей его и ему сопротивляющейся натуры Базарова, щедро одаренной писателем той полнотой подлинно человеческих качеств, которые делают ее открытой всем впечатлениям бытия. В черновой рукописи эти качества проявлялись в речах и поступках героя порой более отчетливо, чем в окончательном тексте, и оттого его образ иногда кажется здесь тоньше, мягче, раннее, непосредственнее, чем тот, каким он в конце концов стал.

Базаров, у которого пристрастие к виолончели Николая Петровича Кирсанова вызывает изумление и хохот, совсем иначе реагирует на пение своего отца. «Это замечательно», — говорит он, услышав из уст Василия Ивановича мейерберовский мотив. Но так было и осталось только в черновой рукописи. В окончательном же тексте эта фраза стала другой, более идущей к характеру нигилиста: «Замечательная живучесть». Базаров, доказывающий Аркадию, что принципов вообще нет, а есть ощущения, настаивающий на примитивизме этих самых ощущений и единственно их признающий, на следующий день тому же Аркадию признается, говоря о матери: «Я тебя уверяю, что я чувствую, как она вздыхает за стеной». Но так опять-таки было в черновой

рукописи и уже там было исправлено на ставшее окончательным: «Я слышу, как она вздыхает за стеной». Зная, какой болью отзовется в родителях его внезапный отъезд, Базаров поддается настроениям друга и на его слова: «Мне жаль их обоих», — откликается: «Да и мне их жаль... Но что делать?..» Однако тут же Тургенев подвергает базаровскую фразу правке: «Жаль... Полноте!» А потом и вовсе зачеркивает ее, равно как и спровоцировавшие ее слова Аркадия. Все это написанное и зачеркнутое в рукописи, как бы уходило в подтекст следовавшего затем обещания Базарова: «Я к ним еще вернусь». Но печатный текст, где уже нет следов произведенной в черновике правки, едва ли дает основания говорить об этом подтексте, придававшем утешающим словам Базарова оттенок самоутешения и надежды.

«Чему помочь нельзя, о том и говорить не сто́ит», — так сказано Базаровым в черновой рукописи. Переписывая роман, Тургенев внес в эту сокровенную мысль героя, отражавшую существеннейшую сторону его «самоломанного», по его же собственному определению, характера, больше категоричности и экспрессивности, заменив «не сто́ит» на «стыдно». Эта правка очевидно встает в один ряд с рассмотренными выше примерами и в известной степени объясняет и обосновывает их.

Обнаженная красная рука, — а в рукописи еще и большая, — это первая деталь внешности Базарова, предваряющая даже его портрет в самом начале романа. Потом, когда его молодые герои окажутся в имении Одинцовой, Тургенев упоминает о длинных пальцах Базарова. А еще позже, после того, как уязвленный речами Аркадия, Базаров в нещуточном порыве схватить его за горло «растопырил свои длинные пальцы», Тургенев вписал над строкой самый, наверное, выразительный для их характеристики эпитет — «жесткие». Не сразу найдя его, писатель через несколько страниц, и в той же двадцать первой главе романа, употребил его вновь, теперь уже явно акцентируя на нем внимание читателя: кроткая Арина Власьева, исполняя желание сына, «тихонько положила свою мягкую ручку на его жесткую и широкую ладонь».

Жесткие руки — это не столько отражение внешнего облика Базарова, сколько проявление его внутренней сути, которую Тургенев постигал во всей ее противоречивой многозначности и масштабности. И, кажется, не найди он такого, прямо-таки разящего Базарова штриха, на полях рукописи могли бы не появиться вставки, высвечивающие уже живые эмоциональные глубины этой жестко сдавленной души. Показательно, быть может, что именно здесь, в двадцать первой главе романа, Тургенев выудил своего

«самоломанного»,— и «самоломанного» своими жесткими руками,— героя вспомнить о деде, участнике суворовского похода, и о его рассказах. Здесь же писатель позволил Базарову в присутствии Аркадия и, наверное, главным образом для него, пусть даже и с оттенком пренебрежительного снисхождения, но и с нескрываемой гордостью, говорить о былых успехах отца по части классической филологии.

«...сына Вашего ждет великая будущность»,— говорит Аркадий отцу Базарова. Не без колебаний дались Тургеневу эти слова: два зачеркнутых и не поддающихся пока прочтению варианта зафиксировано в рукописи к эпитету «всликая». Но то не были, по-видимому, сомнения в масштабности героя, в его исключительности и особой исторической предназначенности. Иначе на предпоследней странице рукописи Тургенев не заменил бы решетку, окружавшую могилу Базарова, на железную ограду, а на последней — для страстного и грешного сердца героя не нашел бы и не вписал над строкой еще одно определение — «бунтующее».

Через полтора десятилетия после создания «Отцов и детей» Тургенев напишет М. Е. Салтыкову-Щедрину по поводу Базарова: «Знаю одно: никакой предвзятой мысли, никакой тенденции во мне тогда не было» (Там же. Т. 11. С. 190—191). А через сто тридцать лет рукопись романа подтвердит эту с таким трудом принимавшуюся современниками писателя истину.

Ленинград

Слово в драматургии

• СЛОВО • В • ДРАМАТУРГИИ • СЛОВО • В • ДРАМАТУРГИИ •
 СЛОВО • В • ДРАМАТУРГИИ • СЛОВО • В • ДРАМАТУРГИИ •
Мотивы
освобождения
в драме Л. Н. Толстого
«ЖИВОЙ ТРУП»

С. В. Молчанова

Перечитывая Л. Н. Толстого «Живой труп», обращаешь внимание на особенности драматического действия, своеобразие которого проявляется и на языковом уровне. В поле зрения исследователей, как правило, попадали индивидуальные речевые характеристики персонажей: цыганский говор Маши, галлицизмы Карениной, «мертвенность» фраз Виктора, наконец, нервная, сбивчивая речь Федора Протасова. Нам же хотелось бы понаблюдать за словами одного тематического ряда, доминантами которого являются: *освободиться, освобождение*. Анализ их неслучайного употребления помогает проникновению в психологический подтекст драмы, объясняет авторскую сосредоточенность на теме «сухода».

В начале пьесы «чуткая девочка» Саша, свояченица Протасова, первой произносит: «*Оставить* мужа, отца своего ребенка, и вы (Анна Павловна — С. М.) *хотите*, чтобы она была спокойна» (Толстой Л. Н. Собр. соч.: В 22 т. М., 1982. Т. 11. С. 275; далее цитируется это издание). Обратим внимание на глагол «оставить», который как бы подготавливает авторский замысел, и заметим, что оттенки психологических реакций героев проявляются в словах, выделенных нами курсивом. Например, в ответной реплике Анны Павловны: «⟨...⟩ я, мать, не только допустила, но *радуюсь* тому, что моя дочь *бросает* мужа. ⟨...⟩ *Надо радоваться*, а не печалиться, что *можешь освободиться* от такого дурного человека,

освободиться от такого золота». Утвердительно «можешь освободиться» подкрепляется: «радуюсь, что бросает». И когда Анна Павловна обращается к Каренину: «<...> как же любить такого человека — *тряпку* <...>», то смысловой обертоном слова «бросить» особенно обостряется. Великосветское общество отторгает, освобождается от того, кому «стыдно, так стыдно» жить по его неписаным законам.

И только голос защитницы Саши поднимается до пронзительной ноты: «<...> я только знаю, что *нельзя разлучаться* с мужем, особенно с таким, как Федя». Не употребляют слово *разлучаться*, когда оставляют скверного или чужого человека. Разлучаются с тем, с кем были связаны дружественными, родственными и, дорогими отношениями.

Мать Лизы, жены Федора Васильевича Протасова (Феди), однако настойчиво повторяет: «На месте Лизы я бы не теперь, а уж год тому назад *бросила* его». Не подобрать ей другого слова! Для нее главное, что Лиза «молода и еще может быть счастлива», если она «будет *свободна*». В разговоре с Виктором Карениным Анна Павловна находит свой синоним слову «свобода».

Каренин. Да, но какая же может быть *свобода женщины, связанной браком?*

Анна Павловна. *Развод. Он обещал развод, и мы настоим.*

Свобода низводится до развода. А «<...> *разорвать* было менее трудно, чем кажется». Для Анны Павловны все ясно: Федя нарушил клятву, значит «<...> он сам лишает себя *всех прав* мужа и *дает* ей *полную свободу*». Выражением, где само слово «свобода» обесцветилось, Анна Павловна приукрашивает свою мысль, но в контексте всей пьесы начало этой казенной фразы звучит пастораживающе: здесь стежок к теме будущего и мнимого, и настоящего самоубийства.

Появляется Лиза. Сколько противоречий в ее словах: «<...> и *согласилась разорвать*», а через минуту: «Всё лучше, чем *расстаться* с ним. <...> Я не могу расстаться с ним. <...> Я хотела, я старалась, но я не могу. Все, что хотите, но только бы не *разлучаться* с ним». Правда там, где «я хотела, я старалась». Вслед за Лизой ее мать машинально произносит «расстаться», но в сочетании с такой характеристикой Федя, что это звучит проницательно: «*Мот, пьяница, развратник, и ты не можешь с ним расстаться?*»

Наконец, происходит встреча с героем, о котором было высказано столько противоречивых суждений. Не случайна первая реплика Федя Протасова: «Это степь, это десятый век, это *не свобода, а воля...*» Единственный раз прозвучит в драме слово

«воля», но оно сполна характеризует главного героя. *Свобода* и *воля* — слова одного синонимического ряда, в реплике Протасова они противопоставлены и выступают в роли антонимов. Следует торопливый разговор Феде с Карениным: «Я ведь говорил, что если я опять не сдержу слова, то чтобы она *бросила* меня. Я не сдержал, и *кончено*». Протасов затягивает последний узел конфликта.

Настойчивый мотив уходит с первого плана: Федор у цыган; внимание сосредоточено на взаимоотношениях Лизы и Каренина. Есть иллюзия освобождения. Только Саша не принимает сближения сестры с Карениным и едет к Феде. Ей Протасов объясняет то, что он сделал. Обычное слово «ушла» подчеркивает естественность Фединогo поступка: «(...) на моем месте, — ты бы наверняка сделала то, что я, то есть *ушла бы, перестала бы мешать чужой жизни...*». (*Наверное* сказано утвердительно.) И, не желая остаться непонятым, он добавляет: «Знаешь, толстую бумагу перегибай так и этак. И сто раз перегнешь. Она все держится, а перегнешь сто первый раз, и она *разойдется*. Так между мной и Лизой». Глагол «разойдется», с одной стороны, очень материален и прекрасно передаст зрительную часть образа (разойдутся волокна бумаги). Но важнее другое: глагол «очеловечен».

О себе Протасов упоминает как о чем-то неодушевленном: «Препятствие это (*показывает на себя*) *будет устранено*». Потом возникшую механистичность перебивает озарение, так свойственное Протасову: «(...) и лучше я *ничего не могу сделать* и не вернуться, и *дам им свободу* (...)». Брошенная реплика работает на развитие действия, она предопределяет будущий поступок.

Третий акт возвращает нас в общество, где почти физически ощущается желание порвать с непонятым, неудобным человеком. В разговорах героев без конца варьируется тема развода, «создавшегося положения». Знакомое «бросить» из реплик Анны Павловны переходит и в речь матери Виктора: «Он совсем переменялся с тех пор, как эта женщина *бросила* мужа. (...) Не может хорошая женщина *согласиться оставить* мужа». Собеседник Анны Дмитриевны Карениной, князь Абрезков, поправляет: «(...) не она, а он *оставил* ее» и заключает: «Ну как же ей жить с таким человеком? (...) Он (Федя — С. М.) *сам* (...) советует ей это сделать». Князь хорошо воспитан, выражается деликатно, его лексика не просто нейтральна, она будто лишена жизни.

Но истинную деликатность проявляет цыганка Маша. Даже упрекая Федею, она не ранит его презрительным «бросил», а употребляет сдержанное «развелся»: «Если бы любил, давно бы *развелся*».

В беседе с князем Абрезковым Федя по инерции втягивается в сферу округлых светских фраз. Речь его приобретает оттенок холодности за счет истертых, лишенных эмоционального настроя оборотов: «Мои *отношения* с моей женой (...) *совершенно прекращены* (...) Я в сознании своем давно не муж и *считаю ее* (Лизу — С. М.) *совершенно свободной*. (...) что же им нужно? *Развод?* Я давно сказал им, что готов дать (...)». А через несколько реплик Федю поражает новая мысль: «Скажите, что *сделаю то, что они хотят*. Ведь они хотят жениться, — чтобы *ничто не мешало им жениться?*» Неодушевленное *ничто*, отнесенное Федей к самому себе, возрождает прежнюю механистичность. Вместе с тем развитие драматического действия (и темы самоубийства) опять подталкивается идеей освобождения.

С начала четвертого акта мотив освобождения приобретает какую-то иступленность. Раскрывается Федина мысль о самоубийстве. Но Маша вовремя останавливает его и предлагает иную развязку. Разговор их взвинчен, уже нет прежнего опасения обидеть, ранить словом. Федя: «Хотел их *отпустить*, обещал. (...) И тебя бы *развязал*». «Отпустить» через значение «освободить» синонимически связано с фразеологизмом «развязать руки». Избегая лексических повторов, автор неотступно возвращается к одной и той же мысли: «Потом *нужно точно их освободить*, и жену и его». И Маша, разумно обрывая бесполезный спор, заключает: «Я от тебя не отлеплюсь. (...) А что ты плохо живешь, пьешь да кутишь ... А ты *живой человек* — брось». Вот и все». Впервые под этим «брось» подразумевается бросить не жизнь Протасова в кругу официальной семьи (аспект, очень важный для самого Л. Н. Толстого), в обществе, а ту, которой он заслонялся от общества. Вместо пренебрежительного оттенка слово приобретает разумный, справедливый смысл. Через несколько минут Протасов «исчезнет», реальностью станет оксюморон, вынесенный в заголовок драмы, но в это мгновение Маша говорит ему: «Ты *живой человек*».

Четвертый и пятый акты композиционно построены зеркально трем предыдущим, в которых инициаторами интриги являлись семья Лизы и Каренины — главный герой только реагировал на их действия. Теперь же решительный шаг совершает Федор Протасов, а остальные принимают его поступки как данность. Поворот в действии — результат поворота в характере главного героя.

В четвертом акте Лиза ждет развода. Она ощущает завершенность в своих отношениях с мужем: «(...) то, что я узнала про эту цыганку, *совсем освободило* меня. (...) Это по ревности, а (...) *освобождение*. (...) Но с тех пор, как я узнала, (...) что я,

стало быть, *не нужна* ему, *я освободилась* <...>. Последовательность выделенных курсивом слов вскрывает ход мысли Лизы. Что-то «освободило» – воздействие внешнее. Есть «освобождение» – ощущение реального факта. И, наконец, «я освободилась» – указание на свершившееся внутри, в сознании, идущее от самой себя к себе же. Развитие мысли, характерное для авторской речи Л. Н. Толстого. Сложная прозаическая фраза Толстого находит аналогию в драматургической реплике.

В ответ на откровение Лизы Каренин обнажает диалектику своего душевного состояния: «Потом... <...> ты решила оставить его». Каренин подчеркивает – *ты решила*. Психологически это для него очень важно. И вот исполнение желания – Виктор и Лиза читают письмо Протасова: «<...> Я мешаю <...>, следовательно я *должен уничтожиться*... <...> Я и *уничтожаюсь*. <...> *Мой исход* короче, дешевле и вернее». «Мой исход» не может не напомнить трагический уход самого Л. Н. Толстого из Ясной Поляны, ставший фактически самоубийством.

Протасов – максималист. Ему предлагали развестись, он предпочел «уничтожиться». Раздваивающее чувство привело к настоящему раздвоению личности, причины которого гораздо серьезнее и глубже, чем только личные отношения с женой.

В начале пятого акта о случившемся говорится, как о чем-то далеком и невозвратном. Федя констатирует: «Она (Лиза – С. М.) от меня осталась вдовой». На даче Карениных царит полное умиротворение. Перед кульминацией Лиза произносит простую фразу: «И как вдруг все *разрешилось*». Все произошло как бы само собой. А вслед за этим с ненавистью: «Он жив! Боже мой! Когда *он освободит* меня!»

Драма стремительно катится к финалу, сталкивал, наконец, в пестром действии лицом к лицу главных героев. Судебный следователь подсказывает, как далеко могли зайти честные, нравственные люди, если бы Протасов не решил все за них: «Вы обвиняетесь <...> еще в том, что уговорили своего мужа, подкупив его деньгами, совершить обман – подобие самоубийства, с тем чтобы *освободиться* от него»

Во второй раз и уже окончательно Протасов вынужден решать за всех. Он узнает приговор и ужасается: «<...> опять меня *свяжут* с ней, то есть ее со мной?» Освобождение приходит с прежней стороны, реальное и подавляющее своей обнаженностью. Федя: «Прости меня, что не мог... иначе *распутать* тебя... Не для тебя... мне этак лучше. Ведь я уж давно... готов...» Еще один поразительно точный глагол находит Л. Н. Толстой для финала.

Распутан узел («свяжут – распутать»), распутан сложнейший психологический конфликт.

В дневнике писателя за 1903 год, в записи от 4 июля приведены два списка, вероятно, художественных сюжетов. Во втором списке читаем: «1) Труп; 2) Своя драма...» (Толстой Л. Н. Указ. соч. Т. 22. С. 163). Много позже, 24 сентября 1910 года в «Дневнике для одного себя» Л. Н. Толстой записывает: «Они (Чертков и Софья Андреевна – С. М.) разрывают меня на части. Иногда думается: уйти ото всех» (Там же. С. 420). Мысль, близкая той, что мы находим в его произведении, – вырваться из круга злупрепне чуждой ему жизни.

Анализ диалогов действующих лиц драмы «Живой труп» позволил нам выявить «сплошную линию словесных действий» (К. С. Станиславский). Слово в драме не только выражает мысль, чувство или отношение персонажей друг к другу, но является поступком, волевым актом. Стремление к освобождению (истинному или мнимому – это уже тема другого исследования) героев пьесы выражается именно через эти слова-поступки.

«А бедный конь руками машет...»

В. В. Бровар

Николай Алексеевич Заболоцкий (1903–1958) входил в Объединение реального искусства (ОБЭРИУ), существовавшее в Ленинграде с 1927 до начала 1930 года. Членами литературной секции ОБЭРИУ были К. К. Вагинов, А. И. Введенский, Д. И. Хармс, И. В. Вахтерев, Ю. Д. Владимиров, Д. М. Левин и др., опубликовавшие свой манифест в «Афишах Дома Печати» (1928. № 2), в котором провозглашали себя «творцами не только нового поэтического языка, но и создателями нового ощущения жизни и ее предметов». «Достоянием искусства», по их мнению, становится «конкретный предмет, очищенный от литературной и обиходной шелухи», и в поэзии «с точностью механики» его передает «столкновение словесных смыслов».

Стихотворение Н. Заболоцкого «Движение», строка из которого вынесена вами в заголовок статьи, было написано 6 декабря 1927 года и вошло в сборник «Столбцы» (1929), привлечший сразу большое внимание к его автору своей оригинальностью, необычностью поэтических образов. «Столбцы» с их специфической поэтикой оказались важным событием литературной жизни 20-х годов, они неразрывно связаны с художественно-эстетическими представлениями той эпохи.

Н. Заболоцкий в «Столбцах» предстает прежде всего как поэт города – Петрограда-Ленинграда 20-х годов. Действие происходит в той части города, где жил поэт – в районе не официальном, но торжественном. Обратимся к стихотворению «Движение» – цели предстоящего разговора:

Сидит извозчик, как на троне,
Из ваты сделана броня,
И борода, как на иконе,
Лежит, монетами звеня.

А бедный конь руками машет,
 То вытянется, как налим,
 То снова восемь ног сверкают
 В его блестящем животе.

После внимательного прочтения стихотворения видно, что оно посвящено не уличной сцене, в которой участвуют извозчик и его лошадь, а самому движению как процессу (в противоположность статичности). Установка на изображение «чистого» движения обусловлена необычным, нетрадиционным видением мира. Эта непосредственность восприятия объясняется способностью поэта смотреть «на предмет голыми глазами». И следует очень осторожно относиться к упрощенному пониманию ранней поэзии Заболоцкого, будто бы рассчитанной на детское восприятие или похожей на пародию. Необходимо помнить слова самого поэта: «...то, что я пишу, не пародия, это мое зрение» (Воспоминания о Н. Заболоцком. Изд. 2. М., 1984. С. 199). Подтверждением сказанному и является его «Движение», в котором все образительные средства подчинены главной задаче – передать мир таким, каким его видит поэт. А посему: простота стихов Заболоцкого лишь кажущаяся, на самом деле поэт сковывает себя жесткими рамками, отбрасывая вторичное, то, что привнесено в сознание человека опытом, автор «передает свои впечатления от вещей, не заботясь о том, как „надо“ их видеть и как „полагается“ об этом говорить» (Турков А. Николай Заболоцкий. М., 1966. С. 23).

У Заболоцкого в ранней поэзии соотношение «предмет – словесный образ» динамично, подвижно, взаимнообратно; по его собственному выражению, стихи создаются так: «<...> дневные впечатленья / В свою книжечку писать» (Вопросы к морю). Возможен также и обратный процесс, когда уже написанное может вновь стать материальным: «Но я, однообразный человек, / Взял в рот длинную сияющую дудку, / Дул, и, подчиненные дыханию, / Слова вылетали в мир, становясь предметами» (Искусство).

Основной композиционный прием «Движения» – контраст: первая и вторая части противопоставлены друг другу по признаку «неподвижность (статичность) – движение (динамичность)». Эта антитеза определяет и некоторые другие стихотворения Заболоцкого. Например, в «Футболе» («Ликует форвард на бегу. / Теперь ему какое дело! / Недаром согнуто в дугу / Его стремительное тело. / Как плащ, летит его душа, / Ключица стучается звонко / О перехват его плаща. / Танцует в ухе перепонка, / Танцует в горле виноград, / И шар перелетает ряд») пробивается «динамическая предметность, насыщенная дыханием реальной жизни <...>» (Македонов А. Николай Заболоцкий. Жизнь. Творчество. Метаморфо-

зы. Л., 1968. С. 78), а неподвижность, окаменелость реализуются в стихотворении «Часовой» («На карауле ночь густеет. / Стоит, как башня, часовой. / В его глазах одервенелых <...> А часовой стоит впотьмах»).

Для наиболее экспрессивного изображения движения автору необходимо сначала показать покой, неподвижность как фон движения (первые четыре строки стихотворения). Изображение покоя дается как бы анфас, это прямая проекция, и сравнение «как на иконе» не случайно: святых на иконах в профиль не изображали; зритель-читатель смотрит снизу вверх — извозчик прямо перед ним, он приподнят, толст, объемён («из ваты сделана броня»). Взгляд снизу позволяет увидеть голову извозчика на фоне его огромной фигуры, его длинную, широкую бороду, как будто переходящую в конскую гриву, в которую, как правило, вплетались монеты, бляхи (отсюда перенос: «...борода... монетами звеня»).

Во второй части после союза *а* следует резкий переход от статуйности изображаемого к динамичности, намечающийся в конце первого предложения: «...монетами звеня» (звенеть при покое они, естественно, не могут, следовательно, неподвижность извозчика в первой части стихотворения относительна по сравнению со стремительно несущимся конем). Меняется и точка отсчета. Если в первом предложении вид спереди (анфас), то во втором — вид сбоку (профиль). Все стихотворение — это два «кадра» (первое и второе предложения). Во втором «кадре» движение передается предельно экономно, с сознательными лакунами, выделяются только наиболее значащие элементы, при этом представлены две фазы: «то вытянется, как налим» — зафиксирован момент, когда задние и передние ноги животного вытянуты — и некая фантазмагория — удваивающееся количество ног. Цель автора здесь — с помощью контраста наиболее выразительно показать движение: конь вытянут в линию, он застыл на мгновение — сверканье ног; ср. выражение «пятки сверкают» («конь — линия» — единичность и удвоенное количество сверкающих ног — множественность). К сказанному следует прибавить, что в стихе «то вытянется, как налим» лишь два ударения (минимум), на втором и последнем слогах, поэтому мы невольно скандируем строку, подчеркивая тем самым замедленность движения. Динамичность здесь нарушается покоем, и создается впечатление, что конь как бы долго парит над землей (статуйность внутри движения).

Композиция «Движения» также подчинена основной задаче — демонстрации динамики. Стихотворение состоит из восьми

строк, это единый текст, включающий две фразы, равные в стиховом измерении (по четыре строки). Эти фразы несомненно противостоят друг другу по целому ряду признаков, касающихся как содержания, так и его отражения.

Это произведение Заболоцкого представляет несомненный интерес с точки зрения метрики. Сам поэт «долго считал, что оба четверостишия — рифмованные» (Воспоминания о И. Заболоцком. С. 406). В отношении первого четверостишия это утверждение сомнений не вызывает (*троне* — *иконе*, *броня* — *звоня* — точная перекрестная рифма). Характерно, что понятие рифмы для Заболоцкого гораздо шире: у него есть структуры, большие, чем рифма (ср.: *троне* — *броня* — *иконе* — *звоня*), после которых простая рифма может показаться читателю недостаточной, то есть первые четыре строки — свехрифма.

В других случаях автор «Движения» умело компенсирует бедную рифму иными средствами. Что же заставило его долгое время «заблуждаться»? Ответ на этот вопрос, по всей вероятности, в вокалической структуре второго предложения, где выделяются следующие ударные гласные: *е* — *о* — *а* — *а/ы* — *и/о* — *о* — *о* — *а/о* — *а* — *е*.

Нетрудно заметить определенную вокалическую организацию этого фрагмента. Три стиха из четырех — это ряды в строгом порядке повторяющихся гласных *о* — *а*, с различными модификациями, где усиливается то первый элемент (*о-о-о-а*), то второй (*о-а-а*). Выпадают из этой последовательности лишь звуки *е*, расположенные симметрично в начале и в конце четверостишия и своеобразно оформляющие его. Аналогичный прием звуковой аранжировки используется и в первой части стихотворения. Резко выделяется в звуковом отношении стих «то вытянется, как палим». Контраст «узких» гласных переднего ряда верхнего подъема *ы*, *и* (как варианты одной фонемы) и доминирующего звукового комплекса «широких» гласных *о*, *а* переднего ряда верхнего подъема оправдывается семантически тем, что данная строка является сравнением, и поэтому здесь логично звуковое противопоставление. Возможно, вторжение чуждой звуковой темы спровоцировано ударным гласным метафоры (*палим*) — *ы*, ассоциирующимся с чем-то длинным, скользким, узким (как и гласный *и*).

Не случаен именно в этой строке и пиррихий на втором и третьем слогах, усиливающий это обособление. Высказывание Заболоцкого о рифмованности второй части стихотворения имеет основания в самом тексте, где в первых и третьих стихах ударные звуки *а* (*машет* — *сверкают*), свидетельствующие о неполной (не-

точной) рифме — ассонансе (ср. также конечные согласные *т*). Для организации звуковой структуры используются и слоговые созвучия: *руками машет* в первой строке и *снова восемь ног* в третьей; второй и четвертый стихи имеют одинаковое количество слогов и перекликаются: *нашим* и *блестящим животе*, при этом повторяющийся союз *то — то* является дополнительным средством организации четверостишия в единое целое.

Представления о динамике реализуются и на звуковом уровне. Показательно, что опорный комплекс как первой (*п — о — о/а — е — а/а — о/и — е — а*), так и второй (см. выше) части стихотворения составляет пара звуков *о — а*. По-видимому, сочетания *тр* (*троне*), *бр* (*броня, борода*) отражают прерывистость, перебой; отдельные же согласные передают свист — *с* (*сидит, сделана, снова восемь, сверкают, блестящем*), напоминают о мелькании — *л* (*сделана, лежит, нашим*).

Можно заметить, что Заболоцкий по-своему представляет «значение» звуков: основные предикаты покоя (*сидит, лежит*) содержат гласные переднего ряда, а предикаты движения (*машет, сверкают*) — заднего (хотя, казалось бы, динамичнее, острее именно гласные переднего ряда — здесь же все как бы вывернуто наизнанку).

На грамматическом уровне оппозиция «неподвижность — движение» представлена противостоянием статических глаголов (*сидит, сделана, лежит*), подкрепляемых сравнениями, словно пригвождающими к месту (*как на троне, как на иконе*), первой части и динамических глаголов второй части (*машет, вылетается, сверкают*). Глаголы, обозначающие состояние (*сидит, лежит*), переданы одной формой — 3 л. ед. ч. наст. вр. Значение интенсивности, процессуальности и повторяемости действий второго четверостишия передают союз *то — то* и наречие *снова*.

Все существительные первой части, выражающей полный покой, употребляются в форме ед. числа (кроме «монетами»): *извозчик, трон, вата, броня, борода, икона*. Далее начинается движение — слышен звон, этому сопутствует и появление мн. числа («монетами звеня»). Отметим параллели: покой — единичность, движение — множественность. Во второй части точка отсчета меняется: движение совершается уже относительно *коня — налим* (ед. число), *руками* (мн. число) и *живота* (ед. число), *ногами* (мн. число). Но остается неизменным сложное противопоставление: статичность и единичность — динамичность и множественность. Или другими словами: единичность — здесь есть знак неподвижности, множественность — знак движения.

Идея динамики, описания движения резкими штрихами в черно-белой гамме определяет также и поэтику «Движения», в частности нарочитую «нелиричность», которая усиливается и синтаксисом стихотворения. Неэкспрессивные конструкции с правильным порядком слов «существительное – глагол» (*конь машет, восемь ног сверкают, борода лежит*) были бы более уместны в прозе, нежели в поэзии. Отсутствие или невыразительность эпитетов (*бедный конь, блестящий живот*) также не способствуют поэтизации образа, который создается самим словом или сочетанием слов (*из ваты сделана броня... борода ... монетами звеня ... конь руками машет...*), выраженных конкретными существительными (частями тела: *руки, ноги, живот, борода* или предметами: *трон, броня, икона, монеты*).

В целом это стихотворение служит прекрасным образом подчинения всей системы поэтических средств главной цели – иллюстрации идеи динамики. Сам текст имитирует движение – ритмом, рифмой, звуками, образами, синтаксическими конструкциями, и Н. Заболоцкому удается создать словесный памятник движению в соответствии с принципами поэтической декларации ОБЭРИУтов.

Мих. Осоргин

Среди писателей русского зарубежья большой известностью пользовался уже знакомый читателям нашего журнала (см.: Русская речь. 1988. № 5–6; 1990. № 1) Михаил Андреевич Осоргин (1878–1942). Например, в 1933 году по количеству выданных в русской Тургеневской библиотеке (Париж) книг он шел на равных с Куприным, уступал Бунину, но опережал Чехова. Его произведения широко переводились на иностранные языки, что было для отечественной литературы на Западе отнюдь не рядовым явлением.

Особенную популярность приобрело творчество М. А. Осоргина в Швеции. Там дважды издавался его известный роман «Сивцев Вражек» (1932, 1936), печатались романы «Свидетель истории» (1935) и «Книга о концах» (1936), повесть «Вольный каменщик» (1938), сборник этюдов «Происшествия зеленого мира» (1940). М. А. Осоргин был приглашен к сотрудничеству стохгольмским журналом «Bonniers litterära magasin», для которого он специально написал о России и русской словесности. В журнале помещено семь работ М. А. Осоргина, в том числе одна — о М. Горьком. Уже после смерти писателя в журнале появилась статья «Язык русской литературы» (1943, № 8. С. 644–647). На русском языке она публикуется впервые по оригиналу, хранящемуся в собрании Т. А. Осоргиной (Париж). И хотя статья предназначалась для чужестранного читателя, она представляет интерес и для соотечественников. Для нее характерны свежесть взгляда, меткость суждений и изящество стиля.

Язык русской литературы

История шагает вперед с такой неудержимой стремительностью, что художественной литературе не только нельзя надеяться идти с нею вровень, но даже грозит опасность растерять свое прошлое. В этом очерке русской литературы я не сделаю попытки знакомить вас с новинками так называемой советской литературы (вчера новое — сегодня уже серебрится сединами!); мне хочется поговорить о нашем литературном прошлом, тем более, что я не смею предполагать в читателе «Litterära magasin» обстоятельного знакомства с историей искусства нашей обширной страны, занимавшей общественное мнение Европы преимущественно политическими и социальными событиями. Есть и еще серьезный повод для именно такой беседы: мы, русские, еще и сами недостаточно разобрались в сокровищнице своего литературного прошлого; порою мы считаем погасшими факелы, которым еще суждено светить, порою придаем слишком большое значение тому, что скоро и окончательно утратило способность влиять на будущее. Это так естественно! Разве и другие народы не повторяют, с усердием школьников, имена, славные одним звучанием и окончательно окаменевшие в памятники, — все еще не догадавшись о гораздо большей истинной жизненности тех, кому история литературы до сих пор не дала должной и заслуженной оценки?

В нашей литературной истории очень многое определяется тем, что русский язык, необычайно богатый и совершенно еще не установившийся (влияние огромных пространств), находится в длительном процессе разработки и непрерывного развития. Это не вопрос о диалектах, как он стоял и еще стоит, например, в Италии, отчасти во Франции. Нет, все русское основное население СССР говорит на едином русском языке, но каждая область

вносит в него свои провинциализмы, всасывающиеся в язык и растворяющиеся в нем, если только их не отбрасывает за ненужностью, невзвучностью, невыразительностью «общерусское» ухо. Наряду с постоянным обогащением литературной речи идет и ее очищение от провинциальных излишеств, не столько в отдельных словах, сколько в формах выражения.

Естественно, что в основе литературного языка лежит язык образованных общественных слоев, но его нельзя связать с определенными географическими районами России, например, с Москвой или Ленинградом (бывшим Петербургом), хотя именно эти центры, богатые журналами и издательствами, являлись и являются главной лабораторией художественной речи. Они намечают новые литературные направления, в них вырабатывается и шлифуется стиль, но богатейший языковой материал доставляет русская провинция, вся ширь и все дали страны.

Основная, классическая, старая русская литература по преимуществу провинциальна. Один из главных основоположников русской художественной речи, Александр Пушкин, жил преимущественно в Петербурге и даже считается певцом этой столицы. Но свой литературный словарь, для его времени исключительно богатый, он почерпнул в провинции, в деревенской глуши, в своем родном имении, в путешествиях по России, главным образом в изучении памятников стариной письменности и русских народных сказок. В противоположность ему, язык другого знаменитого поэта, Михаила Лермонтова, при всей художественной изобразительности, неизмеримо беднее и скуднее даже в его подражательных поэмах «русского склада», бывших плодом случайного и поверхностного изучения былин. Пушкин не был провинциалом, но он глубоко знал и понимал язык срединной России, сроднился с ним и, используя его богатства, создал свой чистый, богатый и необычайный по художественной простоте *пушкинский* русский язык, до сих пор остающийся образцовым. Лермонтов не возвысился над языком столичного дворянства, и в этой области литературного созидания его роль совершенно ничтожна.

Писатели большинства западных народов имеют дело с языком, кристаллизовавшимся в определенные формы, подчинившимся более или менее строгим законам грамматики и синтаксиса. Самый их языковой материал собран, статистически учтен, филологически проверен и в значительной степени использован. Роль художника литературы сводится, главным образом, к выработке новых приемов литературного стиля, к творчеству изобразительного письма; берутся отборные жемчужины и шлифованные камни — и создается искусный подбор, с согласованием величины,

блеска, цветовых оттенков, световых переливов. Продолжается, конечно, и обогащение литературного словаря путем усердного изучения народной речи или старинных сказаний, но это — задача специалистов, рядовому писателю малодоступная

Русский писатель имеет дело с языковым богатством, находящимся еще в степени хаоса, огромного нагромождения синонимов, областных слов и выражений, неустойчивой грамматикп, произвольных синтаксических правил. Прежде чем думать о формах стиля, он вынужден творить самый язык, сортировать слова, пролагать путь сквозь чащу и путаницу речений, создавать нормы языковых законов, теряясь в разнообразии и неустойчивости обычаев. Я лишен, конечно, возможности ссылаться на примеры и решусь на простое утверждение, что там, где, например, француз ограничен выбором двух-трех выражений точной мысли, там русский достигнет этой точности лишь путем утверждения десятка словесных комбинаций, пока отыщется среди них лучшая и яснее всего отвечающая данной мысли. Не будет излишней самонадеянностью, если я прибавлю еще, что для русского писателя, хорошо знающего свой язык, не существует непередаваемых выражений в языках иностранных, хотя бы дело шло о народных пословицах и самой изысканной «экзотике»

Нам не приходится словотворчествовать, создавать слова и обороты, каких в языке не было, так как запас слов существующих и почти неиспользованных превышает во много раз обиходный и даже литературный словарь.

Я потому так долго останавливаюсь на качествах русского языка, что хочу обратить внимание читателя на особые задачи, стоящие перед русским писателем: он не может довольствоваться готовыми языковыми запасами, он должен значительную часть своей творческой энергии отдать разработке литературного языка в первоначальных стадиях, как старинный художник, сам изготовлявший краски для своих полотен, а не покунавший их в готовых тюбиках. Если он руководится только готовыми образцами, сам не изыскивая, ценность его работы понижается независимо от того, богата ли его творческая мысль, жизненна ли его идеология.

Соответственно этому, нам приходится оценивать роль писательских единиц совсем особой меркой, не всегда понятной иностранцу, читавшему его лишь в переводах. Я приведу в пример творчество весьма известного за границей Достоевского, идеологическая роль которого бесспорна, но языковое творчество которого сравнительно ограничено. Я должен, впрочем, оговориться, что мои личные оценки могут встретить самое серьезное возражение

критиков русской литературы. Языковой словарь Достоевского не беден, но это — словарь ограниченной среды и узко очерченной области; преимущественно это — словарь петербургских средних классов и городской бедноты. Достоевскому совершенно чужда природа, деревня, провинция, его творчество отдано душевным эмоциям, оно ими безраздельно связано. Языковая живопись — в неисчерпаемом богатстве красок — ему чужда, и его трудно сопричислить к сонму писателей-художников. Я назвал бы Достоевского писателем большой славы, и ни один справедливый критик не назовет его учителем. Любопытно, что в нашей литературе нет школы Достоевского, как есть школы Тургенева, в особенности Толстого, великих языковедов и ярких живописцев.

Полная противоположность Достоевскому — Николай Гоголь, автор «Мертвых душ», «Ревизора», «Тараса Бульбы», писатель огромной языковой мощи, художник слова величайшей силы, обогативший нашу литературу и создавший свой, «гоголевский» язык. Укажу еще на сравнительно слабую известность за границей таких классических писателей, как Сергей Аксаков и Николай Лесков. Первый из них, начавший писать в преклонных годах, автор «Семейной хроники», остается единственным в своем роде и непревзойденным мастером русской речи; богатство его литературного языка неизмеримо, как изумительна и художественная простота его стиля. Гоголь, бывший его другом, был в то же время и усердным его учеником. Лесков, писатель более поздней эпохи, известен не столько, как романист (впрочем — идеологическая слабость его романов), сколько автор небольших рассказов, образцовых в языковом отношении. Несколько вредила ему манера словотворчества, излишнего при естественном богатстве языка. И все-таки этот средний, по общим оценкам, русский классик был настоящим Учителем и создателем литературной школы (из младших его учеников укажу на Ремизова и Замятина).

К творцам языка нужно отнести Тургенева и Толстого, литературные заслуги которых, в особенности Льва Толстого, конечно, этим не исчерпываются. «Записки охотника» Тургенева — целый подвиг языкового творчества. Толстой обладал знанием языка, близким к совершенству, хотя в литературном своем стиле нередко грешил галлицизмами, в особенности в ранних произведениях. Оба этих автора глубоко провинциальны, в лучшем смысле слова, сыны средней России, равнинной, красочной, живописной по природе и речи. Творчество Тургенева идеологически устарело, его романы не читаются с былым интересом, — но его язык по-прежнему жив и чарующ для русского уха. В еще большей степени можно сказать то же о творчестве Льва Толстого, гиганта рус-

ской литературы, которого сам Тургенев называл «великим писателем земли русской».

Я прохожу мимо имен писателей, почти совершенно неизвестных иностранцам, отчасти забытых и русскими читателями, но сделавших богатейшие вклады в сокровищницу русского литературного языка (таков, например, Мельников-Печерский, автор романов «В лесах» и «На горах»). К их числу принадлежат так называемые «писатели-народники», плеяда творцов средней талантливости, полузабытых, полуетвержденных, но также сыгравших большую роль, как в смысле обогащения языка литературного за счет народной, сельской речи, так и в смысле очищения его от иностранных, чуждых ему влияний. Я вполне сознаю трудность сколько-нибудь убедительной разработки избранной мною темы на языке иностранном: полную невозможность доказывать свои утверждения цитатами образцов. Надеюсь, однако, что основная моя мысль ясна: правильная оценка творчества русского писателя невозможна без учета вносимых им в русский язык богатств из неисчерпаемого источника бытовой провинциальной речи. От него требуется не только обширнейшее знание труднейшего из языков, но и непрерывная работа изыскателя, пионера. Пользуясь только работой, произведенной другими, он обесценивает свой личный труд и лишает его главного значения: лишь повторяя других, нельзя создать своего. И это не только в области мысли и в создании образов, но в равной, а то и в большей степени в области творческого обогащения литературной речи за счет огромных неисчерпанных и неисчерпаемых языковых запасов.

Революция, всколыхнувшая Россию, спутала прежние пути постепенной и систематической кристаллизации литературного языка. Одновременно появилось великое множество новых писателей, людей из провинции, из маленьких местечек, старающихся, конечно, писать языком, принятым и утвержденным литературными верхами, но, к большому счастью, не свободных от речи местной, что именно и ценно в их неумелых писаниях. То, что раньше было предметом ученых и искусных изысканий, теперь само всплыло на поверхность из глубины народной речи. Временно получился совершенно нелепый и сумбурный литературный стиль, сильно напоминающий язык прежних «народников». Но, по мере того, как происходит естественный литературный отбор, художественная русская речь возрождается очень обогащенной этим провинциальным участием. Советская литература

двух десятилетий, духовно скудная, вынужденно и ученически повторяющая «ударные» идеи обязательной пропаганды, остается для будущего драгоценным языковым материалом, как в далеком прошлом таким бесценным материалом оказались для нашей литературы безыскусственные писания волжского разбойника и московского сыщика Ваньки Каина или знаменитого в истории церковного раскола протопопа Аввакума*. Такой же ценный сырой материал для изучения составят со временем местные «стенгазеты», фабричные листовки, даже тексты распоряжений и приказов местной администрации, в которых крайняя безграмотность и попытки подражания языку центров путаются с непосредственной образностью и цветистостью речи обывателя глухой окраины.

Сейчас в России нет образцовой литературы, по есть словесный океан, в котором пока захлебываются и тонут утлые лодочки идеологов обязательного политического знамени. В этом нет ничего страшного, это — революционная неизбежность. И если Советскому Союзу суждено сохранить свою целостность и прочность в противовес общеевропейской разрухе, если вообще будущее мира не подпадет под зловещую звезду культурного умирания за счет развития внешней техники, — мы вправе ждать на пространствах СССР рождения и развития литературы на языке неисчерпаемого и еще растущего языкового богатства. Для творчества нужен талант; развитие всякого таланта ограничено материалом, имеющимся в его распоряжении. Мы можем смело сказать, что для нашего литературного творчества, поскольку речь идет об его форме, запасы и качества материала безграничны.

Я не думаю, чтобы беседа о русском языке была бесполезной для иностранного читателя. Интерес к русскому языку за последнее время так велик, число изучающих его во всех странах так быстро растет, что поправка к прежней несправедливости уже осуществлена. Не нужно забывать, что по числу на нем говорящих, русский язык занимает в Европе первое место.

В то же время говорить о русской литературе, оставляя в стороне русский язык, — совершенно невозможно. Нашим большим несчастьем всегда была непереводаемость, точнее — лишь относительная переводаемость оттенков нашей литературной речи.

* Недавно в Париже вышло на французском языке замечательное исследование М. Pascal о «Жизни протопопа Аввакума, им самим написанной».

Лев Толстой — всемирно признанный литературный гений. Но иностранец не может чувствовать в нем и десятой доли того, что в нем *слышит* и чувствует русский. То же самое может сказать каждый о своей национальной литературе; разница лишь в том, что русский имеет на это исключительные права, — что подтвердит любой беспристрастный специалист по сравнительному языковедению.

При таком специальном подходе к русской литературе, естественно, меняются и падают некоторые общепринятые оценки ее классических памятников. Исторически первое место среди наших классиков останется за Пушкиным, как за основателем нового литературного языка. Иностранная критика русской литературы отдает Пушкину вежливую дань по традиции и, так сказать, по доверию, в особенности со дня столетнего юбилея его смерти; но полной оценки его творения еще не получили. Творческие заслуги поэтов так называемой «пушкинской плеяды», напротив, сильно преувеличиваются, как и стихотворцев позднейших, вплоть до Блока и его сверстников, символистов, несомненных новаторов и мастеров стиля, однако мало обогативших наш литературный язык. Из русских классических прозаиков первые места займут Аксаков, Гоголь, Толстой, Тургенев и Лесков, к которым следует присоединить Гончарова, исключительного мастера правильного, точного и художественного русского языка. Сравнительно скромное место займет Чехов, еще более скромное Максим Горький. Как уже сказано выше, совершенно в стороне от специально языковых творческих задач останутся Лермонтов и Достоевский, и судьбу их разделит позднейший поэт Тютчев, язык которого чрезвычайно скуден и неграмотен. Соответственно падает значение Некрасова, старательно пользовавшегося народным говором, но в форме показной, а не органически воспринятой.

Из писателей современных, старшего поколения, мало оценена роль Куприна и Бунина, хотя последний и удостоен Нобелевской премии: оба они — настоящие знатоки языка, и внешняя форма произведений Бунина превосходит их внутреннее значение. Напротив, их современник, в свое время прославленный Леонид Андреев, не дал в этом отношении решительно ничего, если не сыграл роль отрицательную. Совершенно особняком стоит и плодовитейший писатель Алексей Ремизов, которого справедливо называют «писателем для писателей», скорее ученым исследователем языковых богатств, чем мастером занимательного ху-

дожественного чтения. В переводах Ремизов исчезает, и ценнейшее в его писаниях не всегда доступно и рядовому русскому читателю. Ремизов — создатель новой литературной школы и значение его было бы исключительным, если бы эмиграция не оторвала его от большой русской литературы и в значительной степени не затушила его творчества. Школе Ремизова многим обязана оставшаяся в России группа писателей, носившая имя «Серапионовых братьев», среди которых следует отметить Михаила Зощенко.

Выше я отметил, что подход к русской литературе с подчеркнутыми языковыми требованиями настолько меняет общепринятые оценки, что может вызвать и недоумения, и ряд резких возражений. Но это отнюдь не внешний подход, так как русский язык — душа нашей литературы, ее сущность и та особенность, которая выделяет ее из всех прочих литератур, к которым избранный мною критерий оценок в полной мере не применим. Охотно признаю, что мои оценки могут быть произвольными, иногда ошибочными; но опыт их должен быть произведен, и современный русский критик, обсуждая творчество писателя, вынужден прежде всего исследовать его обиходный словарь и весь его языковой багаж, — и лишь потом перейти к его чисто стилистическим и идеологическим заслугам или провалам.

Иной вопрос — справился ли я хотя бы в слабой мере с весьма трудной задачей — объяснить читателю-иностранцу значение и важность применения этого своеобразного метода оценки литературного творчества.

Публикация О. Г. Ласунского

Раздел ведут А. Крылов и Вл. Шовиков

Вера Матвеева

Ее жизнь оборвалась после сложнейшей операции и долгой болезни 15 лет назад, 11 августа 1976 года.

Биография ее коротка. Родилась Вера Ильинична Матвеева 23 октября 1945 года в поселке Куйбышевка-Восточная (ныне г. Белогорск) Хабаровского края в семье военнослужащего. В 1970 году окончила Московский инженерно-строительный институт. Жила в подмосковном городе Химки, работала корреспондентом журнала «Наука и жизнь».

В 1967—1974 годах ею написано всего около 50 песен, в основном на свои стихи. Тем не менее ее произведения прочно входят в репертуар многих современных исполнителей авторской песни. Кроме авторского миньона более чем десятилетней давности, в 1989 году фирмой «Мелодия» выпущен альбом из двух пластинок В. Матвеевой, одна из которых напета дуэтом исполнителей Г. Богдановской и Е. Лебедевой. Московским городским центром авторской песни подготовлена книга песен Веры Матвеевой, которая выходит в 1991 году в издательстве «Новости».

* * *

Ах, разбудили меня, разбудили,
за грустный расчет засадили:
сколько отпущено дней?
В первой колонке – те, что с водою уплыли
и не вернутся ко мне.
Рядом в колонке – те, что прошли напрасно и безобразно,
и лучше туда не смотреть.
В третьей колонке – те, что даны на праздник,
только вот что-то их нет, нет, нет...

Ах, разбудили меня, разбудили,
за горький расчет засадили:
сколько отпущено бед?
В первой колонке – те, что уже разразились
и не вернутся ко мне.
Рядом в колонке – те, что не заслужила, я их сложила,
но лучше туда не смотреть.
В третьей колонке... Но я этот лист отложила –
очень уж много в будущем бед, бед, бед...

Ах, разбудили меня, разбудили,
за страшный расчет засадили:
радостей сколько дано?
Что ж вы пустые листы мне вручили? –
радости нет ни одной.
Вы покопайтесь в своих запыленных архивах
неторопливо, чтобы не пропустить.
Мне тоже ведь хочется быть хоть немножко счастливой,
хоть немножко любимой хочется быть, быть, быть.

Весна 1970

* * *

Стань водою и травой,
стань голубыми огнями земли далекой.
Я отправлюсь за тобою
в путь по дорогам пехоженым, в путь пелегкий,

Я побегу и поплыву и полечу,—
в небе и в море легко мне и весело очень.
Слышишь, ветер хохочет?

Ты — мой ветер, и все на свете
я отдала бы тебе за порыв внезапный.
Унеси ты меня, мой ветер,
так, чтобы не было больше пути назад мне.
Чтоб ни травы, и ни воды, и ни звезды
не было в мире ненастной и яростной ночью,—
только ветер хохочет!

Позабудь про дела на время,
дай наглядеться в глаза твои, ясный сокол.
Я бесцельна, а ты бесценен,
но, веришь, я тоже умею летать высоко.
Видишь, внизу белый прибор и облака
над головой в лучах паутины непрочной?
Слышишь, ветер хохочет?

Я печалюсь, что пусто рядом,
что ты — на счастливых немых побережьях дела,
и тебе от меня не надо
ни слов, ни вниманья — ты сам по себе, предельно.
Это пройдет, как летний дождь, как зимний снег.
Я постараюсь, чтоб ты так и не догадался,
что же ветер смеялся...

{?}

Прогулка по городу

Не ищи меня, пожалуйста:
я ушла гулять по городу
полутенью, полусветом
мимо заспанных домов,—
я спасу от одиночества
эти улицы и дворики,
позабывтые домами
ради отдыха и снов.

Я ушла гулять по городу,
слушать ветер и безветрие,—
тихий дождик пусть размочит
и сотрет мои следы.
Не ищи меня, пожалуйста,
потому что больше нет меня:
я ушла в вечерний город —
царство грез и темноты.

И отсюда мне не выбраться —
это что-то непонятное:
заманил меня в ловушку
этот город-крысолов,
жарким лепетом безумного
прошептал слова невнятные
и повел меня, и бросил
в лапы вымыслов и снов.

Если скажут, что погибла я,
если где-нибудь услышишь вдруг,
что заснула — не проснулась:
не печалься и не верь.
Не заснула я, любимый мой,
я ушла гулять по городу, —
просто вышла и бесшумно
за собой закрыла дверь.

〈До октября 1972〉

Вера Матвеева — четырнадцатый «персонаж» нашей Антологии. Казалось бы, в тринадцати предшествующих выпусках мы уже наметили главные контуры поэтики авторской песни, коснулись важнейших закономерностей ее языка. Но вот перед нами необычный случай, требующий нового взгляда. В песнях Веры Матвеевой мы не найдем ни словесной игры, ни повышенного внимания к фразеологизмам, ни иронического переосмысления речевых клише, ни обнажения поэтического приема — особенностей вроде бы для авторской песни неизменных. В то же время совершенно очевидно, что само поэтическое видение мира, самый тип лирической героини Веры Матвеевой связаны с традицией авторской песни прочнейшим образом. В чем же здесь дело?

В поисках песенного слова Вера Матвеева шла своим, особым путем. Ритмическая и вообще звуковая организация ее стиха полностью подчинена музыкально-мелодической стихии. Слушая пение Веры Матвеевой, мы явственно ощущаем, что фонетическое строение текстов с большой степенью точности передаст природный тембр ее голоса. Отсюда установка на музыкальность каждого слова:

Хоть и ничего и не жду от тебя,
по мне без тебя и земля — не земля...
Смотри, не погасни же, мой огонек, —
быстро время летит.

Любовь

Три слова: *быстро, время, летит* — стоят совершенно отдельно друг от друга, их синтаксическая связь абсолютно несущественна. В каждом слове — и ощущение движения в пространстве, и ощущение временной протяженности.

Когда слово подается таким крупным плапом — в нем неизбежно воскрешается потенциальная многозначность. «Ах, разбудили меня, разбудили...» — слово прямо-таки звенит, будит — не от сна, а от душевной сонливости, уводит от обыденности к важнейшим для человека вопросам о том, как «быть, быть, быть».

И простая прогулка по городу перерастает в символическую жизненную дорогу и отрицание смерти, вера в бессмертие приобретают щемящую достоверность, эмоциональную убедительность: «Просто вышла и бесшумно за собой закрыла дверь».

Вера Матвеева достигла большой внутренней свободы стиха. Она не любила устойчиво-канонических метров, жестких строфических конструкций, пользовалась самыми простыми или же намеренно размытыми, приблизительными рифмами. Она шла в сторону белого стиха, а порою и верлибра, намечая совершенно новые для авторской песни ритмические возможности:

Вот и хлынул дождь
по щекам и по стеклам,
бьет листву и лес
и беснуется в лужах

в каком-то неистовом танце...

Девочка ушла,
и качели мокнут.

Качели

В песне «Стань водою и травой...» метафора, намеченная в первом стихе, развивается во всем интонационно-ритмическом движении текста. Жажда предельной естественности и полноты жизни не декларируется, а воплощается в музыке слова. Поэтому песни Веры Матвеевой сохранили свою полнозвучность и подвозначность.

Отвечает Служба языка

Как сокращать слова

О. Л. Дмитриева,
кандидат филологических наук

Вопросы о том, какие слова и словосочетания можно и нужно сокращать и как правильно это делать – довольно часты в практике справочно-консультационной службы русского языка. Это понятно: неправильное и неуместное сокращение – нарушение грамотности письменного текста.

Сокращения в русском языке осуществляются по разнообразным моделям и типам: буквенные, слоговые, смешанные, частично сокращенные образования, готовые заимствования из других языков. Можно сформулировать общие требования, предъявляемые к сокращениям слов и словосочетаний. Это соответствие характеру и назначению текста. Так, вопросы, связанные с сокращениями, чаще всего возникают при работе с текстами научными, справочными, специальными. Наиболее часты вопросы о сокращениях, принятых в библиографировании – описательном процессе, требующем при полноте и ясности информации ее краткости и унифицированности. Другим общим требованием является понятность (наличие расшифровки) и количественно целесообразное применение сокращений. Сокращения должны быть нейтральными и благозвучными. Необходимым требованием является соблюдение полного единообразия принципов и унификации формы сокращений. Распространенные и общеупотребительные сокращения при датах в цифровой форме должны быть такими: в., вв., г., гг. (1799–1837 гг., 80-е гг.), до н. э. ок. (около), ст. (столетие). Сокращения при перекрестных ссылках и сопоставлениях допустимы в такой форме: гл., п. (пункт), подп. (подпункт), разд., рис., с. (не стр.), см., ср., т. (таблица, том), ч.

Для грамотного сокращения важен правильный выбор границы отсечения сокращаемой части. Универсальным требованием является отсечение максимального количества буквенных знаков (с границей всегда по согласному) с условием, что при этом не обесмысливается оставшееся сокращение. Например, из ряда сокращений слова *лингвистический* – *лингвистич.*, *лингвист.*,

лингв. — правильным является сокращение *лингв.* Приводим список отсекаемых сегментов при сокращениях:

-авский	-анпый	-ельский	-иальный	-ический	-одский
-адский	-анский	-енный	-ийский	-кий	-ольский
-ажпый	-арский	-енский	-ипский	-ний	-омический
-азский	-атский	-ентальный	-иопный	-пый	-орский
-айский	-афический	-ерский	-ирский	-ованпый	-ский
-альпый	-сйский	-еский	-ительный	-овский	-ской
-альский	-ельпый			-огический	-ческий

Имена существительные допустимо сокращать одинаково во всех падежах единственного и множественного числа (это правило снимает проблему склонения для сокращенных существительных и их изменение по числам). Сокращения, принятые для существительных, распространяются на прилагательные и страдательные причастия, образованные от этого корня: издание, изданный — *изд.*, академия, академический — *акад.*, геодезия, геодезический — *геод.* Сложные и сложносокращенные имена существительные не сокращаются (*облздравотдел*), за исключением тех, сокращенное написание которых практикуется словарями: библиография — *библиогр.*, рукописный — *рукопис.*

Итак, большинство вопросов связано со словами, в которых знаком сокращения является точка. Приведем ответы на самые частые вопросы о сокращениях в библиографиях и текстах:

автор — авт.	исторический — ист.
автореферат — автореф.	кандидат — канд.
академик — акад. (по Академик АН СССР)	монография — моногр.
алфавитный — алф.	опубликованный — опубл.
аннотация — аннот.	подзаголовок — подзаг.
ассистент — ассист.	реферат — реф.
брошюра — бр.	рецензия — рец.
введение — введ.	свыше — св.
всесоюзный — всесоюз.	содержание — содерж.
гражданин — гр.	сокращение — сокр.
дефектный — деф.	справочный — спр.
журнал — журн.	страница — с.
вестник — вестн.	тезисы — тез.
информационный — информ.	товарищ — т. и тов.
исследовательский — исслед.	

Отдельно выделим ответы на вопросы о правильном сокращении слов с двойными согласными: бюллетень — бюл.

всероссийский — всерос.
 диссертация — дис.
 дискуссия — дискус.

иллюстрация — ил.
 корреспондент — кор.
 российский — рос.

Как видим, в сокращенном сегменте слова остается лишь одна из согласных; исключение составляет сокращение *отт.* (от *оттиск*).

Вопросы возникают и в связи с существованием других различных структурных разновидностей условных графических сокращений — с использованием двух точек типа *т. е.* (то есть), дефиса типа *б-ка* (библиотека). Сокращения, использующие дефис, вызывают особые затруднения, т. к. не обобщаются правилами, но унифицируются в словарях. Наиболее распространенные и общеупотребительные из них таковы:

доктор — д-р	отделение — отд-ние
издательство — изд-во	промышленность — пром-сть
институт — ин-т	район — р-н
количество — кол-во	университет — ун-т
министерство — мин-во	училище — уч-ще
общество — общ-во	

В сложных прилагательных с дефисным написанием каждая составная часть сокращается так же, как отдельные прилагательные, дефис при этом сохраняется: научно-исследовательский — *науч.-исслед.*, профессионально-технический — *проф.-тех.*, социал-демократический — *с.-д.*

Как сокращать устойчивые сочетания? — В устойчивых сочетаниях и составных наименованиях следует сокращать отдельно каждое слово, руководствуясь правилами или Словарем сокращений: книжное издательство — *кн. изд-во*, так называемый — *т. н.*, член-корреспондент — *чл.-кор.*

Сокращения слов в названиях и заглавиях изданий не допускаются.

Справочные сведения о сокращениях можно получить в изданиях: Словарь сокращений русского языка. Под редакцией Д. И. Алексева. М.: Русский язык. 1983; Справочная книга редактора и корректора: Редакционно-техническое оформление издания. М.: Книга. 1985. С. 72–84.

Неможно

Е. Л. Константинова

Как нечто само собой разумеющееся воспринимается нами сегодня употребление наречия *нельзя* в качестве отрицательной формы к наречию *можно*. Но так было не всегда. Взяв в руки словари начала XIX века, мы обнаружим в них существование трех антонимичных пар: *можно — невозможно*, *льзя — нельзя*, *возможно — невозможно*. Различие между ними заключается, прежде всего, в сфере употребления: *возможно — невозможно* придает речи эмоциональную окрашенность, характерную для возвышенного стиля, и сохраняется до настоящего времени. Две другие пары претерпели изменения.

В «Словаре Академии Российской» (СПб., 1814. Т. III) отмечено: «*Можно*, подразумевая глагол есть, значит то же, что *льзя* или *удобно*» (С. 819). «*Льзя*, речение непеременимое, употребляемое в просторечии вместо глагола *можно*, например: *Льзя ли сие сделать? не льзя*» (С. 631). Вышедший в 1834 году «Общий церковно-славяно-русский словарь» П. И. Соколова и составленный более десяти лет спустя вторым отделением императорской Академии наук «Словарь церковнославянского и русского языка» (СПб., 1847) подчеркивают синонимичность и отрицательных форм этих двух наречий: «*Нельзя* в виде глагола безличного, не можно».

Однако первоначально более употребительная просторечная форма *нельзя* с течением времени вытесняет из литературного языка наречие *можно*. Появившийся во второй половине прошлого века «Толковый словарь живого великорусского языка» В. И. Даля указывает уже на областной характер данной формы: «*Нельзя* — гл. безличный в виде наречия, зап. *неможно*» (1914. Т. II. С. 1357). А более поздние словари рассматривают *неможно* как форму устаревшую. «*Неможно*, наречие (устаревшее)» (Толковый словарь русского языка / Под ред. Д. Н. Ушакова. 1938. Т. II. С. 519).

В современном русском языке после выпадения *льзя* и *неможно* из двух антонимичных пар получилась одна: *можно — нельзя*. Как отмечает В. И. Чернышев в работе «Отрицание „не“ в русском языке» (Л., 1927. С. 2), выпавшая часть *неможно* в современном литературном языке и в говорах обыкновенно не допускается, но встречается в народе и у старых авторов.

Выпав из общего употребления, форма *неможно* обращает на

себя внимание лингвистов и нередко толкуется ими по-разному. Вспомним пушкинское:

«В одну телегу впрячь неможно
кони и трететную лань»

Полтава

Профессор Гельсингфорского университета И. Е. Мапдельштам считал, что форма *неможно* использовалась А. С. Пушкиным только для размера (О характере гоголевского стиля. Гельсингфорс, 1902. С. 222). С ним спорит Д. Н. Мирошник в работе «И. В. Гоголь. Его роль в укреплении русско-украинских языковых связей» (Харьков, 1959. С. 206): «Нельзя согласиться с Мапдельштамом, который предполагает, что у Пушкина эти слова приведены для рифмы. Для Пушкина, как и для Грибоедова, Лермонтова, литературной нормой является слово *нельзя*. *Не можно* привлечено поэтом с целью стилизации речи, так как эти слова выражают мысли Мазепы и связаны с украинской темой поэмы».

С выводом Д. Н. Мирошника, однако, трудно согласиться, если принять во внимание, что у А. С. Пушкина форма *неможно* встречается и в произведениях, не связанных с украинской тематикой.

Ужель не можно мне,
Любуясь девою в печальном сладострастье,
Глазами следовать за ней и в тишине
Благославлять ее на радость и на счастье

К...

За морем царевна есть,
что неможно глаз отвесть.

Сказка о царе Салтане

Более того, если попробовать заменить форму *неможно* на *нельзя* в последнем примере, то от этого не пострадает ни рифма, ни мелодия стиха: «За морем царевна есть, // что нельзя и глаз отвесть». Таким образом, представляется возможным утверждать, что для А. С. Пушкина форма *неможно* еще остается архаической литературной нормой и привлекается при необходимости наряду с формой *нельзя*.

Выпадение формы *неможно* из общего употребления приводит к тому, что она часто воспринимается и как речевая ошибка. Если ее слышат в речи иностранца, то почти наверняка возникает мысль о том, что употреблена она неверно, вразрез с нормами русского языка. Так, у Ф. М. Достоевского в «Игроке» (1866) форма *неможно* встречается в речи француза де-Грие: «Madame, этак ставка нейдет... нет, нет, *не можно*... — коверкал он по-русски» (гл. XII).

В данном случае авторское *коверкал* не оставляет сомнения в том, что русский человек подобную форму не употребил бы.

Обратимся еще к одному примеру. Вероятно все, кто знаком с героем повести Н. С. Лескова «Железная воля» Гуго Пекторалисом, обратили внимание на странно рифмующиеся слова, составившие весь его запас на первое время по прибытии в Россию: *можно — невозможно — подрожно*. При первой встрече с рассказчиком немец говорит: «Скажут можно — я еду, не можно — не еду, подрожно — я дам подрожно, вот и все» (гл. IV). И далее: «Ага, можно, а я тут третий день — и третий день все на камин пальцем показывал, а мне отвечали не можно».

Так чем же является форма *неможно* в данном случае?

В связи с тем, что звучит она в речи немца, мы предполагаем, что это неправильная словоформа. Но не будем торопиться и попробуем разобраться. Даже сегодня нас не особенно удивит появление формы *неможно* как возражения, относящегося к предшествующему *можно*. Спокойно воспринимается следующий диалог: «Помилуйте, доктор, за границу? Как это можно? — Отчего не можно?» (Гончаров. Обломов). Хотя и здесь, не вызывая, правда, чувства дискомфорта своим присутствием, форма *неможно* ассоциируется у нас с временами, уже минувшими. Видимо, так же обстоит дело и в нашем случае. Немцу на вопрос: «Можно?» отвечали: «Не можно».

В какой-то мере подтверждает эту мысль и то, что форма *неможно* не чужда языку Н. С. Лескова, она неоднократно встречается в его письмах. «Я уж и разобраться не могу теперь, что лъзя и что не можно» (Д. Н. Цертелеву от 23 янв. 1892 г. Собр. соч. Н. С. Лескова в 11 т. М. 1958. Т. 11. С. 513). «Вы всех лучше понимаете, „что лъзя и то, чего не можно“» (И. С. Аксакову от 26 окт. 1881 г. Там же. Т. 11. С. 252). В данном случае форма *неможно* выдает любовь писателя к необычным, но зато выразительным словам, создающим особенную, шутливо-доверительную атмосферу.

Таким образом, устаревшие, вышедшие из употребления формы могут трактоваться порой даже как искажения норм языка, не будучи таковыми, особенно, если этому способствует и внелингвистическая ситуация.

Из словаря синонимов

К. С. Горбачевич,
доктор филологических наук

«...Нет в языке слов равнозначущих совершенно, потому что с лексиконным значением в голову приходит с каждым словом идея века, народа, местности, жизни».

*Из письма П. А. Плетнева Я. К. Гроту.
29 сентября 1845 года.*

Подготавливаемый словарь синонимов, в котором использованы богатые традиции русской лексикографии, существенно отличается от ранее изданных синонимических словарей. Он предназначен для активного владения русским словом. Справочные задачи нового словаря соединяются с учебно-дидактической направленностью этого пособия, что достигается соблюдением нормативно-стилистического режима и ориентацией на действительно актуальную лексику.

В словаре расширены и углублены ценностные характеристики слов-синонимов, показано их реальное соотношение и функционирование в современной речи. Это осуществляется посредством смысловых уточнений, стилистических оценок (пометы и комментарии), а также набором типовых речевых и коротких цитат, иллюстрирующих употребление каждого конкретного слова. По сравнению с другими синонимическими словарями здесь значительно расширена сочетаемостная характеристика слов, поскольку даже тождественные в смысловом и стилистическом плане синонимы обычно имеют лишь частично совпадающую сочетаемость, а показ этих особенностей словоупотребления дает нередко оптимальный эффект при выборе нужного слова.

Используя широкий спектр стилистических помет и комментариев, новый словарь в то же время опирается на прочно утвердившуюся в отечественной лексикографии систему оценочных характеристик. Что касается иллюстрированного материала, то основным принципом подбора цитат являлась их значимость либо для самой идентификации синонимов, либо для подтверждения их функциональных особенностей.

Ниже приводятся отдельные словарные статьи из подготавливаемого словаря синонимов.

Авария — катастрофа — крушение. Значительное повреждение какого-либо механизма, транспортного средства и т. п., приводящее обычно к тяжелым последствиям, человеческим жертвам.

АВАРИЯ. Железнодорожная авария. Авария на электрической станции. Потерпеть аварию. Попасть в аварию. Избежать аварии. □ Произошла авария в начале Лиговского проспекта. Прорвало кабель, и целый квартал остался без света. А. Адамович, Д. Грашин. Блокадная книга.

КАТАСТРОФА. Обычно об аварии с трагическими последствиями. Крупная катастрофа. Автомобильная, железнодорожная катастрофа. Катастрофа на море, в океане. Погибнуть в авиационной катастрофе. Жертвы катастрофы. Предотвратить катастрофу. Установить причины катастрофы. □ Крейсера как не бывало... Только большое облако пара и дыма густо закружилось над местом катастрофы. А. Новиков-Прибой. Подводники. Реакторная установка [на Чернобыльской АЭС] была предрасположена к катастрофе. Суть аварии такова: 26 апреля 1986 года режим работы энергоблока в стадии выхода его в ремонт и проведение испытаний роковым образом совпали. А. Головкин. Полураспад.

КРУШЕНИЕ. В соврем. употр.— обычно о железнодорожной аварии. Поезд потерпел крушение. □ — А отчего, по-моему, происходят крушения поездов? Ответи две-три гайки, вот тебе и крушение. А. Чехов. Злоумышленник. Пулемётчики... приказали готовить себе поезда — но не решились ехать, боясь умышленного крушения. А. Солженицын. Март Семнадцатого.

Машина — автомобиль — автомашинна — авто. Вид транспорта с двигателем внутреннего сгорания.

МАШИНА. Легковая, грузовая, гоночная, пожарная машина. Поток, колонна машин. Стоянка машин. Водить машину. Грузиться на машины. Сесть в машину. Купить, продать машину. Поставить машину в гараж. Отдать машину в ремонт. □ Машины разгрузили, Шоферов накормили, И вновь автомобили Отправились в Москву. С. Маршак. Как искали Наташу. За ним закрепили автомобиль, и Людмила Николаевна ездил теперь в лимитный магазин на машине. В. Гроссман. Жизнь и судьба.

АВТОМОБИЛЬ. В соврем. употр.— обычно о легковом виде транспорта. Легковой автомобиль. Спортивный автомобиль. Новая марка автомобилей. Купить, продать автомобиль. Владелец автомобиля. Регистрация автомобиля. Права на вождение автомобиля,

Ремонт автомобиля. □ *Автомобиль стал его постоянной мечтой, он караулил каждую машину на улице.* В. Быков. В тумане.

АВТОМАШИНА. В соврем. употр.—обычно о грузовом, воишском и т. п. виде транспорта. *Поток, колонна автомашин. Грузить, разгрузить автомашину. Стоянка автомашин. Ремонт автомашины.* □ *Против крыльца стояло не две—три автомашины, а семь... В большинстве машин сидели наготове шоферы.* В. Богомолов. Момент истины.

АВТÔ, *нескл., ср. Устар.* О легковом автомобиле. [Мексикапец], *предлагая сесть в авто,* говорит: — *Прошу вас сесть в свой автомобиль.* В. Маяковский. Мексика.— *Ну у вас, например, есть авто?—Ты про машину,—вмешался Сеня.—Ясно, есть!..* Л. Кассиль. Чаша гладиатора.

Болезнь — недуг — заболевание — нездоровье — недомогание — немощ (немочь) — хворь — хворость — хвороба. Нарушение нормальной жизнедеятельности организма; состояние больного человека.

БОЛЕЗНЬ. *Длительная, хроническая болезнь. Профессиональная, наследственная болезнь. Первые, психические, инфекционные болезни. Язвенная, гипертоническая болезнь. Болезнь сердца, почек, глаз. Осложнение после болезни. Пропустить занятия из-за болезни. Справка о болезни. Оправиться после болезни. Предупредить болезнь.* □ *Настоящие болезни пришли позже.. Обычно недуги, как известно, подкрадываются, и подкрадываются незаметно.* Л. Пантелеев. Шварц. *От него скрывали душевную болезнь Саши... С [19]82 года его душевный недуг обострился.* В. Набоков. Дар.

НЕДУГ. Обычно о тяжелой, затяжной болезни. *Застарелый недуг. Старческие недуги. Смертельный, роковой недуг. Преодолеть недуг.* □ *С самого начала 1920 года его [А. Блока] силы стал подтачивать какой-то загадочный, неизлечимый недуг, который и свел его так скоро в могилу... Этого [тяжелых бытовых условий] он даже не заметил бы, если бы не та жестокая хворь, которая исподволь подкралась к нему.* К. Чуковский. Современники.

ЗАБОЛЕВАНИЕ. О возникновении болезни, а также о самой болезни (обычно в речи медиков). *Пропустить момент заболевания. Желудочно-кишечные, психические заболевания. Предохранить от заболевания гриппом. Снижение уровня сердечно-сосудистых заболеваний.* □ *Если Лизе тяжело сказать дома о характере заболевания, то пусть до поры до времени болезнь называется как-нибудь по-другому.* К. Федин. Необыкновенное лето.

НЕДОМОГАНИЕ. Болезненное состояние, ощущение бо-

лезни. *Легкое недомогание. Почувствовать недомогание.* □ *Человек боится болезни., но не ходит к врачу, старается не замечать своих недугов и т.д.* В. Гроссман. Жизнь и судьба.

НЕЗДОРОВЬЕ. *Устаревающее.* Обычно о длительной, хронической болезни, болезненном состоянии. *Не явился на занятия по нездоровью.* □ *Нездоровье мое осложненное, затяжное. Весь я разбит.* М. Булгаков. Мой дневник. *Здесь, в Киеве, нездоровье Антона Семеновича [Макаренко] сильно бросается в глаза, но, даже изнуренный тяжелой болезнью, он сохраняет ту же военную выправку.* К. Чуковский. Современники.

НЕМОЩЬ (НЕМОЧЬ). *Устар. и разг.* Обычно о скрытой, длительной болезни, сопровождающейся слабостью, упадком сил. *Старческие немощи.* □ *А к желтизне лица, тоже истудалого, словно бы припешан цвет золы. Однако это, быть может, лишь игра освещения? Или вправду какая-то немочь точит, сдает Описимова?* А. Бек. Новое назначение.

ХВОРЬ, ХВОРОСТЬ, ХВОРОБА. *Устар. и прост.* *Вот так бы все время жить., ни одна хворь тебя бы не коснулась.* В. Шукшин. Постскрипtum. *Он не жаловался ей на свои хворости и тоску.* Ю. Нагибин. Дорожное пропстствие. *Мама не знала ни своего горя, ни своих болезней: ей хватало чужих хвороб.* Б. Васильев. В списках не значился.

Врач — доктор — лекарь — эскулап — целитель — врачеватель. Лицо с медицинским образованием, лечащее больных.

ВРАЧ. *Участковый, дежурный, лечащий врач. Главный врач больницы. Глазной, зубной врач. Врач-невропатолог. Врач-рентгенолог. Вызвать врача на дом. Показать врачу. Врач осмотрел больного.* □ *С ним увязался старичок врач. Но больные остяки (ханты) к доктору не шли... Тогда Николаев, искренне сочувствующий незадачливому эскулапу, предложил коварный план — врачу помериться силами со всемогущим шаманом.* А. Омельчук. Ее величество Обь.

ДОКТОР. *Устаревающее.* В соврем. употр.— обычно при обращении к врачу (Скажите, доктор...). *Известный доктор. Пригласить доктора.* □ *Мой берлинский доктор Баре адресовал меня к здешнему врачу.* Н. Станкевич. Письма. *На примете у него есть хороший доктор., очень было бы неплохо, если бы этот врач посмотрел Павлюка.* П. Пилин. Знаменитый Павлюк.

ЛЕКАРЬ. *Устар. и разг.* В соврем. употр.— обычно шуточно или пренебрежительно. *Уездный лекарь. Доморощенный лекарь.* □ — *Вот что, Федор, щипка себе другого врача, а я тебе отныне не лекарь.* А. Чаковский. Блокада. *Как ему быть с раной, как*

лечить ногу...? Видно, понадобится доктор. Только найдется ли тут какой-нибудь лекарь, на которого можно было бы положиться. В. Быков. Карьер.

ЭСКУЛАП (в древнеримской мифологии — бог врачевания). Обычно шутливо или иронически. О плохом враче, причиняющем своим лечением боль, страдания. *Я ускользнул от Эскулапа Худой, обритый — но живой; Его мучительная лапа Не тяготеет надо мной.* А. Пушкин. *Я ускользнул от Эскулапа... — Если врач заранее считает, что больной должен умереть, толку от такого эскулапа не жди.* В. Дягилев. Доктор Голубев.

ЦЕЛИТЕЛ Ъ и (устар.) **ВРАЧЕВАТЕЛЬ**. Обычно о лицах, применяющих народные средства медицины. *Народные целители. Обратиться за помощью к местным целителям.* □ *Отец Андрей прослыл за молитвенника и целителя, ...бойко пошла торговля бутылочками с деревянным маслом, святой водицей, даже песочек из пещеры подвижника славился целебной силой.* Н. Кузьмин. *Круг царя Соломона. Елена... была у филиппинских целителей, и они ее вылечили окончательно и бесповоротно, в то время как все остальные врачи, включая светил, опустили руки.* В. Токарева. *Лошади с крыльями. Древние врачеватели.* □ *Ни он сам [декабрист А. Луцкий], ни его врачеватели не предполагали, что ему суждена еще очень долгая жизнь.* В. Чивилхин. Память.

Голубой — лазурный — лазоревый — бирюзовый — небесный — электрик. Один из основных цветов спектра — средний между зеленым и синим. Цвета ясного неба, светло-синий.

ГОЛУБОЙ. *Голубые глаза. Голубое небо. Голубая даль. Голубой дымок. Голубая краска. Голубая рубашка. Голубой бант.* □ *Блещет парус одинокой В тумане моря голубом.* М. Лермонтов. *Парус. Глаза у братьев схожи — того цвета, который нередко зовется голубым, не лазоревые, ярко-небесного оттенка, а скорей пепельные, синевато-серые.* А. Бек. Новое назначение.

ЛАЗУРНЫ Й, ЛАЗОРЕВЫ Й. Ярко-голубой (обычно о явлениях природы). *Лазурное небо, море. Лазурный небосклон, простор. Лазоревые волны. Лазоревая высь, даль.* □ *А вдали, на жнивьях золотых, Стоит туман прозрачный и лазурный.* И. Бунин. *В степи. Особенно глаза его запомнились — не просто голубые, а лазурно-эмалевые, «небесного» цвета.* Б. Зайцев. Андрей Белый. *Сквозь расцветающие кусты синело небо, чистое. лазоревое, теплое.* А. Н. Толстой. Овражки.

БИРЮЗОВЫ Й. Цвета бирюзы; нежно-голубой с зеленоватым оттенком (обычно о явлениях природы). *Бирюзовое небо. Бирюзовая высь. Бирюзовые волны.* □ *Смугло-розовое небо неза-*

метно переходило в нежный зеленоватый, почти бирюзовый цвет. А. Куприн. Ночлег. Краски [на иконостасе] чистые и плотные, сочетающие алые, розовые, желтые, бирюзово-голубые, травянисто-зеленые, зеленовато-синие цвета. В. Солоухин. Черные доски.

Н Е Б Ё С Н Ы Й. Светло-голубой. Платье, косынка небесного цвета. □ На нем была голубая, небесного цвета венгерка. Д. Григорович. Проселочные дороги. Неизвестный вручил Николке голубое письмо... На нежном небесном листке было написано: «Милая, милая Леночка!» М. Булгаков. Белая гвардия. Отворил дверь бесстрастный долголицый надзиратель с небесно-голубыми погонами. А. Солженицын. В круге первом.

Э Л Е К Т Р И К, неизм. Голубой с сероватым отливом. Костюм, платье цвета электрик. □ Менее интересны сапфиры Монтаны: они стально-синего цвета или цвета электрик с полуметаллическим блеском. А. Ферсман. Очерки по истории камня.

Девушка – девица – барышня – дева – девка – деваха. Лицо женского пола, достигшее физической зрелости, но не состоящее в браке.

Д Е В У Ш К А. Хорошенькая, миловидная, симпатичная девушка. Нежная, скромная, гордая девушка. Бойкая, энергичная девушка. Познакомиться, расстаться с девушкой. Встретить, полюбить девушку. □ Это была уже не прежняя тонкая, хрупкая, бледнолицая девушка, а зрелая, красивая, сильная женщина. А. Чехов. Три года.

Д Е В И Ц А. В соврем. употр.— обычно в непринужденной речи с оттенком одобрения или осуждения. Скромная, гордая девица. Модная девица. Избалованная девица. Накрашенная, разодетая девица. □ Однажды я встретил его на лодочной станции с жеманной волоокой девицей. К. Паустовский. Повесть о жизни. Девуцы были не шикарные, как в кино, а весьма деревенские девахи. В. Токарева. Хешпи енд. ◇ Д Е В И Ц А. Нар.-поэт. Красна девица. Девица-красавица. □ Ночка темная. Время позднее – Скучно девице Без товарища. А. Кольцов. Ночка темная.

Б А Р Ы Ш Н Я, род. мн. б а р ы ш е н ь. Устар. Обычно о девушке из привилегированных сословий. Воспитанная барышня. Жеманная, капризная барышня. □ [Ася] держалась очень чинно, почти чопорно. Ей явно хотелось разыграть передо мною новую роль – роль приличной и благовоспитанной барышни. И. Тургенев. Ася. □ В соврем. употр.— обычно шутливо или прощически.— Милая барышня,— говорю я.— Давайте договоримся, что такое интервью. А. Крон. Бессонница.

ДЕВА. *Традиц. поэт. Печальная, задумчивая дева.* □ *Юношу, горько рыдая, ревнивая дева бранила.* А. Пушкин. Юношу громко рыдая... *Не верь, не верь поэту, дева; Его своим ты не зови.* Ф. Тютчев. *Не верь, не верь поэту дева...* □ В соврем. употр.—обычно шутливо или иронически.—*Ну как же?! Любит одного, целуется с другим.—Вот мы о чем,—улыбнулась Марта.—Ничего особенного. Современная дева.* А. Кленов. *Поиски любви.*

ДЕВКА, ДЕВАХА. *Прост.* Обычно фамильярно с оттенком одобрения или осуждения. *Статная, дородная девка. Задорная, озорная девка. Гулящая девка.* □ *Дура девка, сама себе жизнь покалечила... Мне эту непутевую деваху было жаль.* В. Богомолов. *Момент истины. Девушки таскали доски, держали, где велел [старшина]. Зенитчицы оказались девахами шумными и задирстыми.* Б. Васильев. *А зори здесь тихие...*

Думать — размышлять — раздумывать — мыслить — соображать — помышлять — мозговать (обмозговывать). Погружаться в какие-либо мысли, размышления, предаваться раздумью.

Сов.: подумать (обдумать), размыслить (редко), помыслить, сообразить, обмозговать.

ДУМАТЬ. *Думать о детях, об отце. Думать о встрече, поездке. Думать о своей жизни, о будущем. Думать над задачей, проектом. Напряженно, постоянно думать. Уметь самостоятельно думать. Тщательно обдумать решение.* □ *Она думала, ломала голову, но ничего не могла придумать.* С. Баруздин. *Рождение Карабаева. Думал старшина, ворочал мозгами, а от дела не отвескался.* Б. Васильев. *А зори здесь тихие...*

РАЗМЫШЛЯТЬ. *Думать неторопливо, обстоятельно, обычно о чем-либо серьезном, важном. Размышлять о жизни, о смерти. Размышлять о будущем, о прошлом.* □ *Старику [Жмухину] затотелось важных, серьезных мыслей, хотелось не просто думать, а размышлять.* А. Чехов. *Печенег. Я лежу, уставившись в потолок, и размышляю о высоких материях, о том, что все в мире относительно.* В. Некрасов. *В окопах Сталинграда.*

РАЗДУМЫВАТЬ. *Думать долго, напряженно, нередко колеблясь в принятии решения. Раздумывать о случившемся. Невсегда раздумывать!* □ *Долго стояла Оксана, раздумывая о странных речах кузнеца.* Н. Гоголь. *Ночь перед Рождеством. [Тузепбах:] Подаю в отставку. Баста! Пять лет все раздумывала и, наконец, решил.* А. Чехов. *Три сестры.*

МЫСЛИТЬ. *Устаревшее.* *Думать углубленно, сосредоточенно, сопоставляя и обобщая познанное (употр. обычно в торжественной, приподнятой речи). Мыслить о былом, Мыслить образно,*

отвлеченно. Самостоятельно мыслить. Ничего не хочется делать.., лень мыслить; но думать не лень: это две вещи разные. И. Тургенев. Фауст. «Мы все — умрем, мир — останется жить». Так мыслить мог только настоящий деятель. К. Чуковский. Воспитание словом. ◇ В соврем. употр.— часто шутливо.— Я не мыслю себе..— начал было Окошкин.— Мыслят мыслители.., а толковому оперативному работнику надо соображать. Ю. Герман. Один год.

СООБРАЖАТЬ. Сопоставляя, обдумывая что-либо, находить ответ, конкретное решение чего-либо. Соображать, как выйти из затруднительного положения. □ Я догадался, что Балик своим феноменально устроенным мозгом запоминает решения математических задач...— думать, соображать в области точных знаний он не может. Ю. Нагибин. Школьный альбом.

ПОМЫШЛЯТЬ. Устаревающее. Мысленно представлять себе что-либо, питать надежду на свершение чего-либо (обычно в отрицательных конструкциях). И не помышляй об этом! □ [Сальери:] Я стал творить, но в тишине, но в тайне, Не смея помышлять еще о славе. А. Пушкин. Моцарт и Сальери.

МОЗГОВАТЬ (ОБМОЗГОВЫВАТЬ). Прост. Обдумывать неторопливо, всесторонне. Это надо хорошенько обмозговать. □ Они тогда еще обмозговывали житье-бытье, насколько хватало разумения. Ч. Айтматов. И дольше века длится день.

Беседы о языке рекламы

Реклама и речевая норма

Н. Н. Кохтев,
кандидат филологических наук

Реклама стремительно входит в нашу жизнь. Ее помещают в газетах и журналах. Звучит она по радио и телевидению. Реклама стала делом серьезным и прибыльным. И все реже можно встретить бессмысленные рекламно-рифмованные строки типа:

Комнате уют
Карниз и шторы
Придают.

Создание рекламы — это весьма сложное искусство, которое подчиняется своим законам. Рискую навлечь гнев ее составителей, сказав, что хороший рекламный текст можно встретить весьма редко. Во всяком случае, на газетной полосе царствует серое «стилистическое равноправие», оставляющее читателей равнодушными.

Итак, каковы же эти законы?

Прежде всего реклама должна подчиняться литературной норме, т. е. должна быть написана образцовым литературным языком, потому что текст, имеющий ошибки, создает помехи в восприятии. Смысл же рекламы должен сразу и точно восприниматься нашим сознанием, вызывать четкие ассоциации. Чаще всего в рекламных текстах встречаются стилистические ошибки, связанные с выбором слова и построением фразы.

Что же следует учитывать при выборе слова? Прежде всего использовать слова в тех значениях, в которых они употребляются в литературном языке и зафиксированы в словарях. Конечно, может быть и метафорическое, индивидуально-авторское использование слова, это уже стилистический прием. Но речь в данном случае идет о неверном использовании семантики слова, когда автор не знает его точного значения. А это всегда приводит к стилистической ошибке, возникает нарушение литературной нормы. Это очень опасно: рекламу читают многие, ошибку могут запомнить. Вот несколько примеров. В одной строительной рекламе использовалось словосочетание «строить учреждения». Можно ли так сказать? Нет, конечно. Ведь учреждение — это, во-

первых, создание либо нового общества, либо новых порядков, то есть обозначает процесс от глагола *учреждать*. И, во-вторых — организация, ведающая какой-то отраслью работы, скажем, научное учреждение, детское учреждение. Таким образом, ни строить, ни возводить учреждение нельзя. Строятся здания — жилой дом, магазин, склад, институт и т. п. В рекламе была нарушена лексическая норма, поскольку использовалось слово без учета его семантики.

А вот в следующем примере — другая ошибка, связанная с семантикой. Один салон услуг для новобрачных «предлагает обслуживание свадеб и юбилеев ведущими, баянистами, скрипачами, дискотеками и ансамблями...». На первый взгляд, здесь все в порядке. Действительно, все слова использованы в своих точных значениях. Но дело в том, что дискотеки попали в один ряд между скрипачами и ансамблями. То есть, произошло логическое нарушение строения фразы. Видимо, следовало бы написать так: «...скрипачами, ансамблями, а также дискотеками». Да и словосочетание «предлагает обслуживание» имеет официальную окраску. Вероятно, целесообразнее было бы «к услугам новобрачных баянисты, скрипачи, ансамбли...»

В результате развития языка образовались устойчивые связи между словами. Мы говорим: *играть роль, иметь значение*. Нарушение этих связей приводит к ошибкам. Проанализируйте такую фразу: «Следовательно, пожар — это не только уничтожение огнем материальных ценностей, приобретенных на сбережения, заработанные многолетним трудом...» Кажется, все правильно. Но вчитайтесь внимательнее... Можно ли *заработать сбережения*? Конечно, нет. Их можно *накопить*. Зарабатывают деньги.

А вот еще пример. Постарайтесь сразу же найти ошибку:

«Лада-Самара» —
сочетание
современного дизайна,
интересных замыслов
и новых
конструкторских идей.

Проведем с вами стилистический эксперимент. Снимем в этой фразе все лишнее, «обнаружим» содержание, оставив лишь ключевые слова, и получим: «Лада (машина) — сочетание дизайна, замыслов и идей» — получилась полная бессмыслица. Что такое дизайн? Это различные виды проектировочной деятельности, имеющей целью формирование эстетических и функциональных качеств предметной среды; художественное конструирование; соответствующая область искусства и научного знания (словарное

определение). Замысел — задуманный план действий или деятельности, намерение. А что такое идея? Это понятие, представление, отражающее действительность в сознании человека, мысль, намерение, мысленный образ чего-либо (тоже словарное определение). Как видам, нельзя сказать «сочетание дизайна, замыслов и идей».

Кого не утомляет бессодержательное многословие? Это бич многих статей и выступлений. Особенно опасно многословие в рекламе, поскольку оно затуманивает мысль, делает ее аморфной. Посмотрите сами: «Красочный путеводитель и альбом в яркой, со вкусом оформленной обложке, буклет, рассказывающий о жизни предприятия или колхоза, и проспект промышленных изделий, красивая открытка и интересный плакат, каталог и приглашительный билет, афиша и грамота, диплом и другие виды печатной рекламы, выполненные грамотно и на высоком художественном и полиграфическом уровне, бесспорно, привлекают внимание. Издает все это Республиканское управление рекламы. Оно выпускает все виды печатной рекламы по заказам промышленных предприятий, колхозов, министерств и ведомств, научных учреждений, торговых организаций, предприятий бытового обслуживания и др. организаций».

Кроме изданий, выпускаемых на заказных началах, Управление издает работы планового порядка, так называемые собственные».

Вряд ли целесообразно давать столь подробное перечисление видов рекламы, поскольку оно не исчерпывает всего ряда, а лишь усложняет восприятие данной фразы. Она перегружена определениями, которые не несут конкретной информации (красивый, интересный, красочный). Можно сократить и другие предложения без ущерба для информации. Вызывает озадаченность утверждение авторов, что реклама будет выполнена грамотно. Ведь это основное и бесспорное требование. Кому же пужна безграмотная реклама?

При выборе слова необходимо учитывать его стилистическую окраску. Выделяются стилистически возвышенные и стилистически сниженные слова. Например, *водрузить, старец, отчизна, зодчий, воин* — слова высокие; *профан, лодырь, мура, рассказы* — слова просторечные, сниженные. И еще словам свойственна так называемая функционально-речевая окраска, которая определяет принадлежность слова к одному из функциональных стилей: разговорному, официально-деловому, публицистическому, художественному. Скажем, *пигалица, фокусничать, волынка, болтать, начальный* — слова разговорного стиля. Чаще всего окраски сов-

падают. Приведенные слова разговорного стиля имеют сниженный характер. Вот пример: «Если у вас имеются шкурки натурального меха, и вы хотите из них пошить себе пальто, обращайтесь в ателье...» Слово *пошить* в значении «сшить» профессионально-сниженное и в рекламе, конечно, неуместно.

Выбирая слова при составлении рекламы, следует принимать во внимание степень их распространенности. Иногда в массовой рекламе встречаются узкоспециальные термины, не всегда понятные широкому кругу читателей. Так, бюро знакомств «предлагает искать спутника жизни по одной из самых информативных анкет в СССР; осуществить возможность поиска в желаемом диапазоне социально-личностных требований; воспользоваться гарантиями полной анонимности и секретности...». Уверен, что среднюю часть сообщения большинство читателей-неспециалистов вряд ли поняли, а если и поняли, то весьма приблизительно. Действительно, что значит «возможность поиска в желаемом диапазоне социально-личностных требований»? Ведь «социально-личностный» — термин психологии.

Профессиональные слова и выражения не всегда целесообразно использовать в рекламных текстах даже узконаправленного характера. Например: «Хозрасчетное предприятие приглашает сложившиеся коллективы со своими объемами в любой области деятельности». Мысль этой фразы следует передать словами общелитературного языка, поскольку «коллективы со своими объемами» — профессионализм. Можно было бы предложить, примерно, такой вариант: «Хозрасчетное предприятие приглашает коллективы, имеющие свое направление и объем работы...» Приведем еще пример из листовки, рекламирующей строительство: «Пансионат должен завершить ансамбль, создав комплекс для круглогодичного отдыха самого разного возрастного состава отдыхающих сотрудников... и их семей». «Возрастной состав» — это канцеляризм, без которого легко обойтись. Но главное — в этом предложении нарушена синтаксическая норма: неясно, что чем завершается: пансионат ансамблем или ансамбль пансионатом. Подобное нарушение чаще всего связано с порядком слов, управлением, согласованием, неоправданным усложнением синтаксических конструкций.

Разберем лишь несколько примеров. «Совместное предприятие снимет две двухкомнатные, две трехкомнатные и одну 4- или 5-комнатную квартиры на длительный срок в центре или вблизи станции метро с телефоном для проживания сотрудников предприятия. Телефоны...» В приведенном фрагменте рекламы нарушен правильный порядок слов. Получается «с телефоном для

проживания». Более правильно было бы написать так: «... и одну 4- или 5-комнатную квартиру с телефоном».

«Найти друга, решить многие вопросы общения вам поможет хозрасчетный клуб., где вы встретитесь не только со специалистами и «компьютерной свахой», но и к вашим услугам будет единственная в Москве аудио- и видеотека...» В этом предложении несколько ошибок. Во-первых, фраза неверно построена: «встретитесь не только со специалистами, но и к вашим услугам...» По законам нормативной грамматики, «встретитесь не только с тем-то., но и с тем-то...» Можно сказать и так: «не только встретитесь., но и к вашим услугам...» А далее, какие такие «вопросы» общения клуб поможет решить (вопросы – универсальное слово, не имеющее предметного значения), и в каком значении здесь употреблено слово «встретитесь»? Кстати, слово *вопросы* часто мелькает в рекламе. Например, фирма приглашает специалистов, «владеющих вопросами микропроцессорной техники». Почему «вопросами», а не самой микропроцессорной техникой?

Один кооператив, готовящий для поступления в вуз, «гарантирует качество обучения полным возвратом денег в случае неудачи на конкурсных экзаменах». Здесь, конечно, логическая ошибка: качество обучения можно гарантировать высоким уровнем преподавания, но никак не «полным возвратом денег», который свидетельствует лишь о благих намерениях кооператива и его порядочности.

Давайте проанализируем следующий рекламный текст: «Если вы хотите найти спутника жизни, друга или подругу, имейте в виду, что с 1990 года в рамках постоянно действующей экспозиции по различным городам США организуется служба знакомств». В этом тексте по крайней мере два недостатка. Вряд ли можно опять смысл выражения «в рамках постоянно действующей экспозиции». Почему «в рамках» и какой «экспозиции»? Другой недостаток связан с порядком слов. Имеются два варианта понимания фразы: «...с 1990 года в рамках постоянно действующей экспозиции по различным городам США...» и «...по различным городам США организуется служба знакомств». Так какой же смысл вкладывают авторы в эту фразу? В зависимости от смысла и порядок слов будет различный.

Точность слова, формы или синтаксической конструкции – залог правильной, грамотной, эффективной информации.

Язык прессы

Штампы: мода или необходимость?

С. М. Любошиц,
корреспондент газеты «Московский комсомолец»

Стремительно меняется наше общество, вместе с ним изменяется и словарный состав языка, его лексика. В нашу жизнь вторгаются новые явления, что-то возрождается, что-то уходит навсегда. В обиход возвращаются такие понятия и слова, как милосердие, благотворительность, благородство, филантропия. Значения некоторых слов расширяются, меняется сфера их употребления, в наш лексикон входят совершенно новые слова и словосочетания. Многие из них, употреблявшиеся раньше лишь с негативным оттенком, теперь кажутся вполне безобидными.

Естественно, мы не только вспоминаем и возрождаем старое, забытое, но и постоянно изобретаем что-то новое, заимствуем из других языков. Особенно активно идет процесс освоения латинизмов. Мы вдруг разом заговорили об *альтернативных* и *безальтернативных* выборах, проектах и предложениях. Вся наша жизнь стала состоять из сплошных *альтернатив* и... *плюрализмов*. Каких только «плюрализмов» у нас нет! Во-первых, мы немедленно «высказались не только за *плюрализм мнений*, но и *плюрализм политический*» (Комс. правда. 1990. 12 апр.). Нас призывают «действовать в рамках *плюрализма*» (Комс. правда. 1990. 12 апр.), но не простого — «социалистического», у которого опять-таки «широкие рамки» (Правда. 1990. 18 апр.). Да, если раньше плюрализм мог быть только буржуазным, то теперь он и «социалистический», и «внутрипартийный» (Правда. 1990. 18 апр.),

и «экономический» (Известия. 1990. 24 апр.). А не так давно политический обозреватель «Известий» А. Е. Бовин назвал в телевизионной программе «Взгляд» нашу страну *плюралистической*. Прямо на глазах родился авторский неологизм, не зафиксированный пока ни в одном словаре. Но в самом деле, как говорить — *плюральный* страна? Согласитесь, звучит не по-русски. Вот так наш родной язык осваивает иностранные слова, употребляя их в самых неожиданных сочетаниях, образуя от них производные.

Читая газеты, вы можете обнаружить и кое-что удивительное. Например, кто бы мог подумать, что у нашего не так давно появившегося *плюрализма* уже появилась *структура*, и не простая, а *политическая*? Причем она меняется. «Известия» так и сообщают: «*Меняется политическая структура нашего плюрализма*» (Известия. 1990. 11 апр.).

Так что же все-таки меняется? «Политическая структура» нашей множественности, а может, политический характер борьбы «множества социальных групп и представляющих их интересы партий и иных организаций»? (Словарь иностранных слов. М., 1989).

В том же помере «Известий» обнаруживаем, что «фактически в нашем *политическом спектре*... „партия порядка“ стремится занять то место, которое утратило... идеологическое рутинерство. И опять читатель пребывает в некотором затруднении. Ведь *спектр* — это «совокупность всех значений какой-либо величины, характеризующей систему или процесс» (Словарь иностранных слов). Может быть, имеется в виду политическая структура нашего общества? Вот еще подобный пример: «— Я знаю, что есть попытки порассуждать о моей позиции и моих привязанностях, месте в политическом спектре», — читаем в интервью В. А. Медведева, напечатанном в «Комсомольской правде» (1990. 29 апр.).

А делегат XXI съезда комсомола, например, уверен, что на съезде будет «большой базар, умопомрачительные выступления и полный *спектр отрицания*» (Моск. комсомолец. 1990. 13 апр.).

Да, «в Президентском совете представлен широчайший *спектр взглядов*» (Правда. 1990. 26 апр.), в нашем обществе существует «огромный *спектр мнений*» (Правда, 1990. 18 апр.), и наряду с этим «расширяется *тематический спектр* газеты». Но не слишком ли мы злоупотребляем таким популярным сейчас *спектром*, спешим вставить его к месту и не к месту? Иногда ведь можно обойтись простыми, хотя и менее «красивыми», но более уместными словами.

Никто не спорит: нам без новых слов, без расширения их значений не обойтись. Но зачастую мы подхватываем новое сло-

вечко, прозвучавшее в чьей-то официальной речи, интервью. Стоило кому-то из наших политических деятелей только уюмянуть о *плюрализме*, как это слово было тотчас повторено тысячи раз нашей прессой, пока не превратилось в стертый штамп. Та же история произошла и со *спектром*. Еще раньше — со словами *коренной* и *радикальный*. Ну-ка, какие у нас раньше были проблемы и преобразования? Правильно, *коренные*. Какой раньше была наша перестройка? Опять-таки *коренной*. Но вот прозвучало слово *радикальный*, и все мы, как по мановению волшебной палочки, стали «радикалами» и провозгласили уже не *коренную*, а «*радикальную* переделку всего нашего общественного здания» (Известия. 1990. 24 апр.). У нас появилось «радикальное мнение» (Известия. 1990. 14 апр.) по поводу «степени радикальности реформ» (Известия. 1990. 24 апр.). И вообще пошли разговоры о «важном аспекте *радикализации* реформы» (Правда. 1990. 27 апр.), мы стали «*радикально* разворачивать экономическую реформу» (Правда. 1990. 27 апр.). Вы чувствуете, как непросто нас теперь понять? На каком странном, прямо-таки оруэлловском новоязе мы стали общаться друг с другом? Можно согласиться с тем, что «первая же сессия (Верховного Совета СССР — С. Л.) показала, что общество заметно более „радикализировано“, чем его представители в Кремлевском Дворце». Хотя, оно просто настроено более решительно. Но вот как выговорить: «„Низы“ *радикализируют* свои требования»? (Известия. 1990. 11 апр.). Может, «низы» просто выступают с более конкретными требованиями? А может, с более кардинальными? И что тогда может с этими требованиями произойти? Неужели их начнут «*кардинализовать*»? Кто знает? Все может случиться.

Ведь стали же мы все вдруг не опаздывать, а *запаздывать*. «*Запаздывает* штаб, со своими рекомендациями, как всегда *запоздал* крайагропромсоюз» (Правда. 1990. 17 апр.), не говоря уже о том, что *запаздывают* всевозможные законы и даже «массовое сознание *сильно запаздывает...*» (Известия. 1990. 19 апр.).

А ведь *запаздывать* — всего-навсего «немного опаздывать». Стоит только перевести на русский литературный язык все эти так полюбившиеся журналистам словечки — и очень многое в нашей прессе разделит судьбу мыльного пузыря.

У каждого есть любимое словцо, которое, будучи употребленным вовремя и к месту, заставляет прислушаться, обращает на себя внимание, «заигрывает» и отличит речь или реплику одного оратора от десятков других. И вот эти-то индивидуальные особенности речи зачастую бездумно перенимаются, повторяются и множатся. Результат один: то, что еще недавно обращало на

себя внимание, становится обыкновенным штампом. Читая обо всех этих *подвижках и запаздываниях*, уже с трудом можно отличить Ивана Ивановича от Ивана Петровича. С уверенностью можно утверждать лишь одно: текст относится ко второй половине 80-х годов XX века. Потому что раньше, хоть и знали мы такие слова, но к нашему лексическому активу они не принадлежали.

Помните, еще недавно мы захлебывались «человеческим фактором»? Но ведь осознали же, что это не самое удачное изобретение. И теперь вновь предпочитаем говорить о самом обычном человеке, без всяких «факторов». Мы нашли этому слову другое применение, более точное. И если уж начинаем говорить о факторах, то только о «факторе сопротивления», который надо учитывать, и о «факторе общественной консолидации» (Правда. 1990. 18 апр.), о «дестабилизирующем факторе» и о факторах, которыми определяется нестабильность (Правда. 1990. 17 апр.).

Может, и от *демократизации* — «внедрения демократических начал, реорганизации какого-либо общества, союза и т. д. на демократических основах» (Словарь иностранных слов) — мы перейдем к самой обычной *демократии*? Конечно, до этого нам придется пережить «развертывание процессов демократизации» (Правда. 1990. 28 апр.). Кстати, почему мы так любим все непременно *развертывать*? В конце концов все мы научимся «действовать в рамках демократии» (Комс. правда. 1990. 12 апр.). И опять возникает вопрос: почему мы так любим действовать непременно *в рамках*? Может, достаточно просто научиться уважать демократию?

Листаешь газеты, и странные мысли приходят в голову. Ну почему мы все так одинаковы? Странная получается вещь: стремясь уйти от штампов, стараясь раскрепостить наш язык, мы оказались в плену каких-то замысловатых, порой даже труднопереводимых на русский язык словосочетаний. Словно соревнуемся, кто кого обгонит, кто раньше и чаще начнет употреблять очередное модное словцо. Призывая отказаться от стереотипов, мы крепко-накрепко срослись с ними. Вот тоже явление, или, выражаясь газетным языком, *реалия* нашего времени, которая пока остается неизученной.

Очень хочется не «продвигаться вперед», а просто идти, не сворачивая при этом в «деструктивную колею». Давайте начнем думать не только о том, «какие приоритеты и чему отдавать» (Правда. 1990. 29 апр.), но и о том, как мы говорим. И если уж действительно надо отдавать эти самые *приоритеты*, то давайте отдадим их нормальному, не изуродованному никакими штампа-

ми языку. Тому самому, что отличает нас друг от друга. Пусть у каждого из нас прорежется голос, и тогда мы сможем почувствовать всю красоту и богатство русского языка. Право же, над этим стоит потрудиться.

*УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!
В КОНЦЕ ЭТОГО НОМЕРА ПОМЕЩЕНА АНКЕТА.
МЫ РАССЧИТЫВАЕМ НА ВАШЕ СОТРУДНИЧЕСТВО.*

Судьба
Александра Христофоровича
Востокова
1781—1864

В. В. Колесов,
доктор филологических наук

Не думаю, что обязан, шаг за шагом и строка за строкой, проследить жизнь и труды выдающегося ученого, которому суждена была столь долгая жизнь: сегодня ему уже 210 лет. На то есть специальные книги, статьи, диссертации, а в кратком сообщении хочется, прежде всего, взглянуть в облик человека, успевшего сделать в жизни столь многое, неизмеримо важное — он не ограничился вкладом в науку (это ведь долг ученого), но затронул существенные грани культуры, изменяя ее (а это уже — судьба).

Поговорим о судьбе... в ней и то, что суждено от предков, и суждения современников, и суд потомков.

Взгляните на портреты А. Х. Востокова, их несколько. Романтический облик молодого поэта, вид — восторженный, лириче-

ское облачко грусти на высоком челе... Сосредоточенный взгляд зрелого человека, размышляющего над тайнами человеческой речи... Седовласый старец, уже на последнем пороге жизни, сделавший многое и все еще недовольный собою... А там, за этим порогом, все новые изображения: законченный образ ученого, портреты нового стиля, слегка идеализирующие того, кто на них представлен. Все более чеканный профиль, все меньше личностных черт, все мудрее взгляд. Так и мы, обращаясь ко времени, в какое творил человек, видим там только Личность, ученого, академика, забывая о том, как эта личность создавалась.

Открытия Александра Востокова — на уровне мировых. Без преувеличения можно сказать, что равны они другим революциям в науке (как позже открытие атомного ядра или теории относительности), но, конечно, с неизмеримо большим значением для культуры. Хотя бы потому, что гуманитарное знание вообще обогащает людей, насыщая их пищей духовной, делает их сильнее и защищеннее, в частности — и в отношении к возможным издержкам естественнонаучного знания, нравственно не окрашенного. К тому же все, что связано с понятием об относительности, гуманитариям было известно уже и в эпоху Средневековья, тогда как сравнительно-исторический метод исследования (открытие Востокова и его современников) принес с собою совершенно новое представление о диалектике развития, о формах и вариантах существования национальных языков и культур, да и о культуре как особом создании человеческого гения. От других создателей первого научного метода гуманитарных наук А. Х. Востоков отличался только одним: он показал, что метод исследования научных фактов не может быть чисто «историческим» или только «сравнительным», потому что первый неизбежно превращается в способ изучения изменений, преобразований, сдвигов отдельных элементов языка, культуры, общества и т. п.; второй же грешит постоянным стремлением рассматривать разные системы в одной плоскости тут и сейчас существующих элементов опять-таки вне их целого, вне системы.

Система без развития и развитие без системы никак невозможны — этот вывод А. Х. Востокова не сразу поняли его современники. Пожалуй, гуманитарная наука еще и в XX веке тщетно пыталась достичь такого же синтеза обоих методов, который был предложен Востоковым в начале XIX века. Динамика или статика? система или элемент? — что важнее и что определяет цельность систем? Споры идут еще и сегодня. Беда современной науки во многих ее вариантах в том, что выход из такой диалектической раздвоенности предмета ищет она в схематических

обобщениях, в панхронии всевременности, в типологии. А в результате искажается историческая перспектива развития данной системы национального языка и культуры. Как многие классики филологии, А. Х. Востоков шел к обобщениям, изучая факты, современные ученые предпочитают придумывать термины для фактов уже известных. Они объясняют (сами себе) уже известное, тогда как классики филологии в прошлом веке открывали новое. Почти всё, что знаем мы о древнейшем славянском (праславянском) языке, открыто и уяснено тогда, в XIX веке. А. Х. Востоков открыл, например, наличие в древнеславянском языке особых гласных, которые произносились сверхкратко («редуцированные» *ъ* и *ь*) или носовые «юсы», а дальнейшие их изменения привели к расхождению славянских языков и наречий, к необратимым изменениям в грамматике и лексике. Сумев обнаружить главное в древних системах языка, Востоков тем самым обеспечил верное направление в дальнейшем развитии славянской филологии.

Судьба Востокова... Он писал на русском языке, в ту пору малоизвестном в Европе. Именно трудами таких писателей и ученых, как Востоков, наш язык и стал со временем мировым, но в начале XIX века на нем не читали в Европе. Пользовались заметками, исследованиями, консультациями, советами, даже письмами Востокова, но при этом подчас забывали сослаться на него...

А эта жизнь? Тяжелые бытовые условия. Дымные печи, пыль на шторах, промозглый ветер, ранние сумерки осенью и зимой, колючая поземка у парапетов Английской и Академической набережных. Никаких физических упражнений, только одинокие прогулки на свежем воздухе (тогда говорили — «на чистом воздухе»), когда удастся. Постоянная работа в книжных хранилищах, в библиотеках, за письменным столом, купленным по случаю и в рассрочку. Это каторжный труд подвижника, который поставил себе цель — и отверг все соблазны мира. Статский монах, ушедший в мысли...

А ведь все начиналось иначе.

Он входил, например, в общества, сыгравшие роль в становлении декабристских идей и самого движения. В одном из таких обществ Востоков был секретарем, дружил и переписывался со многими видными деятелями своего времени. Внობрачный сын остзейского барона фон Остеннека (в русском переводе — Востоков), он, подобно любому бастарду того времени, ощущал дискомфорт от двусмысленности своего общественного положения, искал выход — и в признании также. Решительно вышел из ка-

детского корпуса и — через площадь — пошел в Академию художеств; не всякий дворянин решится на изменение своего положения. Служил в Публичной библиотеке — какой состоятельный человек так поступит? Пишет прекрасные стихи, которые нравятся даже Пушкину — и оставляет их ради чего? ради старинных фолиантов, которые нужно еще разобрать, раскрыть, описать... Рьяный борец за социальную справедливость, мечтающий о вольнолюбивых временах средневекового Новгорода, он не примкнул к декабристам, когда те вышли на Сенатскую площадь, оставил общественную стезю, забыл увлечения юности. Забыл? Наверное, нет, но, человек практичный и осмотрительный, ясного разума, твердой цели, он видит, что больше пользы принесет он в тихом ученом звании. Шпагу он сменил на перо.

25 лет неустанно, день за днем, по различным источникам и словарям собирает он слова, выражения, фразы, группирует их, сопоставляет, размышляет над формальным их сходством (звучат одинаково!) и некоторыми различиями в значениях. Четверть века напряженной работы, за которую денег не платят, лент не дают, чинами обходят, да еще и подсмеиваются.

И вот 1820 год — выходит знаменитое «Рассуждение о славянском языке, служащее введением к грамматике сего языка, составленной по древнейшим одного письменным памятникам». Напечатано по настоянию адмирала и кавалера А. С. Шишкова, президента Академии Российской, который настоятельно и неотступно призывает Востокова «видеть, какими путями шел ум народа, составляющего язык!» Без настойчивости президента «Рассуждение...» вышло бы много позже, и не числится бы Востокову в числе основоположников нового научного метода (немецкие основоположники этого метода издали свои основные труды в 1817—1819 годах).

Для самого Востокова «Рассуждение...» всего лишь «введение». Всю оставшуюся ему часть жизни он работает так же напряженно, занятый тем, чтобы доказать положения, в «Рассуждении...» выставленные как открытия. Создает основательный корпус сведений о славянской филологии, и это звание составило отечественную филологию в классическом ее виде.

Он описывает и издает старинные памятники письменности. Издание и Остромирова евангелия (1056—1057 гг.), и описания рукописей Румянцевского музея (редчайшее собрание самых древних русских и славянских рукописей, ныне хранится в Библиотеке им. Ленина), и множества заметок о конкретных рукописях, — все это помогает А. Х. Востокову наращивать плоть фактов на прочном скелете рождающейся научной дисциплины.

Затем он составляет и издает различные словари, также оставшиеся в истории науки классическими; во многом они определили впоследствии источники и методы работы над составлением самых разных словарей. Это и академический словарь русского и церковнославянского языка (1847 г.), и целиком составленный Востоковым словарь церковнославянского языка по древнейшим текстам (1861–1862 гг.). Наконец, академик выпускает грамматику – и грамматику современного русского языка, и грамматику церковнославянского языка. То, что в других филологиях (германской, скандинавской, романской и пр.) исполняли разные поколения ученых, Востоков делает сам, один: и метод исследования, и постановка проблемы, и обоснование «проекта», и собирание материалов по источникам, и первичное их обобщение в словарях, и, наконец, их окончательный синтез в грамматиках, – все это исполнил один человек.

В трудах А. Х. Востокова возникает творческая традиция русской науки. Конечно, она заложена не только Востоковым, но краеугольный камень возложил сюда он.

Таковы внешние контуры жизненного пути А. Х. Востокова. Первоначально широкий, но неопределенный интерес к социально-политическим проблемам века сужается у него до пределов культурного, а затем – еще уже – духовного «самоопределения славянства». Сужение проблемы привело к углублению ее – от морализующе романтической до объективно исторической. Широкий общественный фон деятельности и личные интересы Востокова в социальных вопросах не исчезли, но ушли как бы в подтекст его деятельности, прочитав собою все его устремления, стали динамическим импульсом его плодотворной жизни. Жизнь обрела свой смысл, стала активной именно благодаря своей целенаправленности. Совсем не случайно, что в николаевские времена именно область филологии («литература» вообще) стала опорной базой гражданского неповиновения.

Последовательный историзм исследований А. Х. Востокова, касались ли эти исследования славянского прошлого или русского настоящего, современники осознавали как «правду развития» (синюим запретному слову «прогресс»), как утверждение неизбежности всяких изменений, как диалектика и как метод – пусть пока всего лишь в области филологии. Не забудем, что русской философии в то время нет еще, она только-только рождается – в поэтических текстах, в декларациях славянофилов и западников, в публицистике «новых людей». И когда в 1849 г. неизвестный рецензент «Отечественных записок» горько признает, что «в продолжение четверти века Востоков был один в России пред-

ставителем своей методѣ»,— слова его касаются не одной лишь филологии. Историзм как принцип сознания и есть научный принцип такой «школы» и этого «метода». К ним и восходят позднее принципы русской философии Серебряного века.

Важен и вклад А. Х. Востокова в становление и кодификацию норм современного русского литературного языка. Именно Востоков противопоставил свои взгляды на литературный язык (как высшую форму языка национального) взглядам Н. Греча, И. Давыдова и других сочинителей русских грамматик, скоренных по немецким или французским образцам. Именно Востоков тщательно описал основные особенности русского языка, впервые представив его строго научным методом: он показал, что норма литературного языка не придумывается учеными, а строится на закономерностях реальной системы этого языка, отражая законы изменения живого (и, следовательно, родного для говорящих) языка. К этому выводу Востоков пришел, описывая грамматику мертвого «церковнославянского языка»; стало ясным, что церковнославянский и русский на самом деле — это не стили и не «наречия» одного и того же языка, как еще полагали в то время поклонники М. В. Ломоносова. «Словарь церковнославянского и русского языка» возможно было еще составить в 1847 году, но после церковнославянского словаря Востокова такая идея стала анахронизмом. Казалось бы, слишком просто, чисто внешний факт, но за ним скрывается целый план дальнейшей работы над словарями современного русского языка — сначала это Толковый словарь В. И. Даля, затем академический словарь Я. Грота и А. Шахматова и т. д., вплоть до современных нам словарей. Искусственная запруда прорвана. Установлен реальный объект исследования — русская лексикология — и открыты пределы его распространения, источники и методы. На новом витке исторического познания славянского языка Востоков повторил открытие Мелетия Смотрицкого. Подобно последнему, Востоков описал особенности русского языка на фоне прекративших развитие норм языка церковнославянского (но на словаре, а не на грамматике, как Мелетий Смотрицкий).

Мы говорим, что от Пушкина ведет свое начало современный русский литературный язык. Да, «слог» поэта стал образцом для подражания, но в его основе лежала городская речь начала прошлого века. Общепринятый образец не всегда становится законной нормой. Иногда это просто мода. Но случилось так, что именно «слог» Пушкина как образцовый положен был Востоковым в основу его «Русской грамматики». Скорректированные ученым правила употребления слов и форм закрепились как норма, обяза-

тельная для всех. Востоков проникательно понял, что язык литературы (пушкинской также) и литературный язык вовсе не одно и то же, что литературный язык иначе относится к использованию возможных в речи вариантов и стилей, чем язык художественных произведений.

Идеальное совмещение интуиций и опыта двух гениальных творцов, поэта и ученого, в их общей работе по отделке и кодификации литературных норм родного языка дали известный всем результат. Двадцать восемь изданий «Русской грамматики» Востокова (в двух вариантах — как стабильный учебник для гимназий и как авторитетная грамматика академического типа), которые были осуществлены на протяжении полувека, начиная с 1831 г., совершенно подавили прочие труды по современному русскому языку. Несколько поколений русских интеллигентов воспитано на этом образце. И не ясно, сколь прямыми и непосредственными были бы связи современного литературного языка с текстами именно Пушкина, если бы не Востоков, тактично и умело оценивший феномен пушкинской речи, точно очертивший границы общенационального его использования. Пока его современники ориентировались на заимствованные грамматические каноны, за три года работы А. Х. Востоков сумел представить цельную систему реального русского языка и при этом указал возможные направления его изменений. Ведь как историк, Востоков вовсе не думал, будто нормы неизменны, словно вечный стандарт. Потому-то метод и остается главным в работе ученого: все изменяется по законам природы, общества, но метод всегда поможет выявить наступивший момент изменения, определить его признаки и характер, описать как состоявшееся событие и прогнозировать дальнейшее его развитие.

Грамматика — всего лишь средство упорядочивания слов в речи, — так можно было бы сформулировать основной взгляд Востокова на проблему языка и его системы; это утверждение о целостности языка как воплощения пародной рече мысли («...какими путями шел ум народа...»). Высшее достижение каждого лингвиста в том и состоит, что грамматическую категорию он осознает и выявляет в самом языке, а не путем внешнего сравнения с другими языковыми системами. Тут у Востокова также много заслуг, а некоторые категории, им обозначенные («категория состояния», например), стали предметом живейшего обсуждения и позднее, направив мысли ученых в правильное русло. Востоков заглянул в такие глубины языка, что даже мелкие его замечки стали своеобразным толчком для последующих исследований — в сторону психолингвистики, стилистики, культуры речи;

Востоков уже в свое время различал логическое, психологическое и формально грамматическое в каждом факте реальной речи...

Позднее русская лингвистика неизбежно разделилась на две ветви, аналитически представлявшие различные аспекты научного исследования языков: формальная московская школа и семантическая петербургская. А. Х. Востоков как родоначальник еще соединял в своем лице обе крайности, он преимущественно филолог (в широком смысле), а не узко профессионально — лингвист. Его интересует даже не слово, как лексическая единица, а — логос, то единство слова, звучания и смысла, которое характерно для старых представлений о языке и слове (логосе). Для него значение слова важно не меньше, чем форма, отсюда и особый интерес к лексикологии и лексикографии, к истории грамматических форм и категорий, к проблеме родства языков (направлена на изучение национального менталитета, т. е. уровня самосознания на формах языка — «обыденное сознание»), но отчасти это же приводило и к смещению некоторых формальных принципов описания языковых фактов; так, для Востокова формообразование и словообразование еще одно и то же, а классификация грамматических форм отчасти весьма архаична.

Внешне небогатая событиями жизнь этого застенчивого и неразговорчивого человека оказывается содержательной и цельной. Она вся устремлена в одну точку, и точка эта — новая филология, новая лингвистика. Сегодня трудно понять, что именно определило целенаправленность поиска Востокова: его личный замысел или потребности времени. Кажется, что в основе его выбора лежит гениальное предвосхищение событий, которое и вело его за собою, несмотря на превратности судьбы, нередкую бедность и тяжелый труд. Это позволяло ему не слишком отклоняться в сторону, откладывать на будущее и разбрасываться, но все сделанное направить к единственной цели. «Потребности времени» здесь не при чем, потому что Востоков шел впереди своего времени. И то, что сегодня представляется само собой разумеющимся, хорошо известно и всем понятно, некогда достигалось большим трудом и многими издержками. Нынешние аксиомы были когда-то гипотезами, и Востоков был среди тех, кто эти гипотезы выдвигал.

Ленинград

Григорий Андреевич Ильинский

1876—1937

Г. С. Баранкова,
кандидат филологических наук

Судьба Г. А. Ильинского была во многом типична для судьбы русского интеллигента, сформировавшегося еще в дореволюционный период и попавшего в бурный водоворот событий 20–30-х годов нашего века. Вся жизнь этого замечательного ученого-филолога, оригинального лингвиста и талантливого археографа была отдана науке, но это беззаветное служение трагически оборвалось в 1937 году, мрачную пору сталинских репрессий. Часть научного наследия Григория Андреевича так

и осталась неизданной, более того, его неопубликованные труды оказались в разрозненном состоянии и, по-видимому, потребуются немало усилий, чтобы найти части его работ, соединить их и издать.

Г. А. Ильинский родился в 1876 г. в Петербурге. Его отец был преподавателем логики, психологии и французского языка. Окончив гимназию, юноша в 1894 г. поступил на историко-филологический факультет Петербургского университета. Здесь он получил прекрасную историко-лингвистическую и филологическую подготовку. Достаточно только назвать имена его преподавателей — а это были С. К. Булич, А. И. Соболевский, П. А. Сырку, В. И. Ламанский — чтобы понять, в какой научной атмосфере формировалось мировоззрение молодого студента. Он принимал активное участие в деятельности лингвистической секции Неофилологического общества, где был прочитан его первый доклад «К истории церковнославянского аориста».

В студенческие годы постепенно определялся круг интересов Г. А. Ильинского: это рукописные славянские памятники, археографическому исследованию и изданию которых он отдавал много времени и сил, это и вопросы этимологии, морфологии и слово-

образования славянских языков, и, наконец, сбор библиографии по этим направлениям и рецензирование многих русских и зарубежных работ.

Еще студенческое сочинение Г. А. Ильинского «Орбельская Триодь» было удостоено в 1898 г. золотой медали. По окончании университета Г. А. Ильинский был оставлен в университете для подготовки к профессорскому званию (1898–1903 гг.). В эти годы он был отправлен в заграничную командировку для продолжения своего лингвистического образования и изучения славянских рукописей, хранящихся в библиотеках Белграда, Загреба, Пловдива и других южнославянских центрах древней письменности.

Прага и Берлин, Лейпциг и Вена радушно встретили молодого ученого, а лекции таких крупнейших славистов, как В. Вондрак, А. Лескин, А. Брюкнер, Э. Бернекер, И. Зубатый, оказали значительное влияние на формирование его научных взглядов. Огромное впечатление произвел на Григория Андреевича академик И. В. Ягич. Вот как он описывал свою встречу с Ягичем в письме к А. А. Шахматову: «Говорить с Ягичем — истинное наслаждение. Сколько ума, оригинальности, меткости в каждой фразе!» (Цит. по книге: Журавлев В. К. Григорий Андреевич Ильинский. М., 1962. С. 9).

В магистерской диссертации Г. А. Ильинского «Сложные местоимения и окончание родительного падежа единственного числа мужского и среднего рода» сделана попытка с помощью морфологического метода подойти к объяснению языковых фактов, однако при этом ученый не отказывался от учета фонетических соответствий. Этот метод был противоположен фонетическому подходу ученых Московской лингвистической школы.

Начав свою преподавательскую деятельность в 1904 г. в Петербурге, Григорий Андреевич продолжил ее в Харькове, затем работал в Нежине, был профессором Юрьевского (ныне Тартуского) университета. Тема докторской диссертации ученого — «Грамоты болгарских царей» — была связана с его поездкой на Афон и в Рильский монастырь в 1907 г. Он собрал и опубликовал в своей работе грамоты, научное издание которых отличается точностью в передаче текста строка в строку, тщательностью комментариев палеографического характера. К текстам грамот был составлен словарь-индекс. Издание сопровождалось подробным исследованием лексики грамот, в котором его автор показал себя знатоком этимологии и диалектов праславянского языка. Ильинского-издателя интересовали тексты старославянского, среднеболгарского и сербского языков. Им изданы Слепенский Апостол XII в. (М., 1912), Македонский глаголический листок XI в. (СПб.,

1909), Охридские глаголические листки XI в. (Пг., 1915), Софийский Октоих XIII в. (СПб., 1905) и ряд других древнеславянских текстов.

В этот же период Григорий Андреевич активно занимается историей славянских языков и литератур, а также сравнительной грамматикой славянских языков, этимологией и праславянской диалектологией. Им была создана «Праславянская грамматика» (Пежин, 1916) — первый опыт описания праславянского языка с учетом главных итогов его исследования. За эту работу, которая была высоко оценена учеными разных стран, Ильинский был награжден премией Академии наук и золотой медалью.

В тяжелое время гражданской войны Г. А. Ильинский два года работал в Воронеже, затем переехал в Саратов. Биограф Григория Андреевича В. К. Журавлев отмечает, что в Саратове ученый «подготовил к печати обширный труд „Введение в изучение русского языка“. Рукопись его пока не найдена» (Журавлев В. К. Указ. соч. С. 30).

В послеоктябрьский период Ильинский принимал активное участие в деятельности различных научных обществ: Научно-исследовательского института языка и литературы, Комиссии по научному изданию древнеславянских текстов, Комиссии по диалектологии и ряда других. В 1921 г. он стал членом-корреспондентом Российской академии наук, в 1929 и 1930 — Болгарской и Польской академий. В 1930 г. академики Б. М. Лянунов, Е. Ф. Карский, В. М. Истрин и В. Н. Перетц предложили избрать Ильинского действительным членом АН СССР. Однако на заседании Московского отделения Академии наук его кандидатура была отклонена по причине того, что он «занимает совершенно непримиримую позицию, стоя на базе индоевропейской теории, без попыток перестроиться» (Журавлев В. К. Указ. соч. С. 32). Дело заключалось в том, что в 1929–1930 гг. Григорий Андреевич повел решительную борьбу против яфетической теории Н. Я. Марра, так как считал ее ошибочной и антинаучной. Ильинский продолжал отстаивать свои научные принципы с позиции сравнительно-исторического метода в языковедении и не мог пойти ради конъюнктурных соображений ни на какие компромиссы. В 1930 году ему пришлось уйти на пенсию, но он продолжал работать.

В 1934 г. в Болгарии вышел большой труд ученого — «Опыт систематической кирилло-мефодиевской библиографии», которым Ильинский занимался на протяжении всей своей жизни, собирая и обобщая работы по кирилло-мефодиевской проблематике. Это был первый в славяноведении опыт подобного рода, получивший высокую оценку современников.

В последние годы своей жизни Григорий Андреевич продолжал работать над вторым изданием «Православянской грамматики», которое, однако, не вышло в свет из-за критического отзыва Марра. Также неопубликованным остался Этимологический словарь славянских языков Ильинского, который подводил итоги этимологическим исследованиям, всегда занимавшим видное место в его научных трудах. Им было составлено более 200 этимологий, опубликованных в качестве отдельных этюдов.

По сведениям Ф. Д. Ашнина, Г. А. Ильинский был арестован 11 января 1934 года по обвинению в контрреволюционной деятельности и приговорен к лишению свободы на 10 лет с заключением в исправительно-трудовой лагерь на Соловках. В том же году наказание было заменено трехлетней ссылкой в Западную Сибирь. По истечении этого срока в 1936 году ученый поселился в городе Томске, где устроился работать библиотекарем в местном краеведческом музее. 19 ноября 1937 года он вновь был арестован по той же печально известной 58 статье. 14 декабря 1937 года Г. А. Ильинский был расстрелян. Полностью реабилитирован по обоим делам в наши дни.

Значительная часть научного наследия Г. А. Ильинского осталась неизданной и разбросанной по разным архивам. Отдельные материалы хранятся в Ленинградском отделении Архива Академии наук СССР, в Ленинградском областном архиве, а также в Рукописном отделе Института русского языка АН СССР.

Здесь сохранились фрагменты работ ученого (ф. 13 №№ 21, 22, 23, 24, 25, 26). Это V глава неизвестной работы, посвященной истории изучения церковнославянского языка (№ 25), Приписки к Супрасльской рукописи XI в. (№ 24), Юрьевская и Хутынская грамоты, содержащие текст, словоуказатель, палеографические и лингвистические комментарии к тексту грамот (№ 23), работа «К теории прогрессивного смягчения заднепечных согласных в православном языке» (№ 22).

Изучение фрагментов работ, находящихся под номерами 24 и 26, привело нас к выводу, что это одна работа по истории русского языка. Возможно, что перед нами считавшаяся ранее утраченной рукопись «Введения в изучение русского языка» (см. Журавлев В. К., с. 30), написанная ученым в 20-е годы в Саратове. Эта большая работа состоит из семи глав и включает общие понятия по истории русского языка и очерк истории его изучения.

Первая глава посвящена определению места и задач исторической грамматики русского языка, во второй главе дан обзор истории изучения русского языка, которая разделена автором на

четыре периода: а) от Ломоносова до Востокова; б) от Востокова до Срезневского и Буслаева; в) неограмматическое направление, представленное именами таких ученых, как И. А. Бодуэн де Куртене, Ф. Ф. Фортунатов, Ф. Е. Корш, И. В. Ягич, А. И. Соболевский, А. А. Шахматов, Р. Ф. Брандт; г) современное состояние изучения русского языка.

Третья глава посвящена вопросу происхождения и развития прарусского (восточнославянского) языка, который тесно связан с вопросом прародины славян, временем распада праславянского языка и историей праславянства. В IV главе рассмотрено образование и развитие «малорусской народности и малорусского наречия», обозначена территория расселения юго-западного сектора восточнославянских племен, сообщается о начале южнорусской письменности. Здесь же говорится об образовании Малой Руси и о происхождении и значении имени Украина, приводится классификация современных украинских наречий и говоров.

Пятая глава посвящена образованию и развитию белорусской народности, определены племена — предки современных белорусов, дана характеристика белорусского наречия в конце XIII в. и белорусской письменности, объясняется происхождение названий «Белая Русь», «Черная Русь», приведена классификация современных белорусских наречий и говоров.

В шестой главе Г. А. Ильинский делает обзор вопросов, связанных с образованием и развитием великорусской народности, сообщает сведения о ходе великорусской колонизации в XI—XII вв. (северянской, вятицкой, кривицкой и новгородско-словенской), дает характеристику великорусских говоров в древности и в современном их состоянии, определяет памятники великорусской письменности XI—XVI вв., говорит об образовании великорусского литературного языка. В седьмой главе собраны материалы об образовании русской нации и русского литературного языка. Дается объяснение происхождения названия *Русь*, значительное место уделено здесь историческим предпосылкам возникновения русской нации, которые рассматриваются автором диалектически как единство центробежных и центростремительных сил, действовавших на Руси в разные периоды ее истории. Выясняется взаимоотношение церковнославянского и древнерусского языков в различные исторические эпохи, исследуется влияние русских говоров и других языков на современный русский язык.

Центральное место в работе занимают главы IV—VI. В них Григорий Андреевич указывает на своеобразное положение украинского, белорусского и русского языков среди других славянских языков, считая, что эти три языка восходят к праславянскому

языку через посредство правосточнославянского, или прарусского языка, в то время как другие славянские языки (болгарский, сербохорватский, чешский, польский) являются прямыми потомками праславянского языка. Существование этой промежуточной ступени — правосточнославянского языка — является свидетельством близкого родства трех названных языков, происходящих из одного источника. Важное место в своей работе ученый отводит вопросу заселения восточными славянами земель по течению Днепра, Волги и в области озера Ильмень, прародине современных русских, украинцев и белорусов. Процесс колонизации восточными славянами указанных территорий закончился, по мнению Г. А. Ильинского, не позже начала VII века.

В основу деления прарусских говоров ученым положен принцип дуализма: он признает существование двух восточнославянских групп — юго-западной и северо-восточной. Юго-западная группа положила начало украинским говорам, а северо-восточная — белорусским и русским. Колыбелью украинских говоров Г. А. Ильинский считал северо-восточные отроги Карпат, а предками современных украинцев — племена дулебов, бужан (вольтыян), лучан, белых хорватов и древлян. Говоря о происхождении белорусов, Григорий Андреевич подчеркивал, что «в этническом и лингвистическом отношении белорусы находились в более близком родстве с великорусами, чем с малорусами». Их общность, по мысли ученого, сохранялась достаточно долго, в то время как «малорусы, точнее южнорусы, уже выделились в самостоятельную племенную особь».

Предками современных белорусов он называет племена дреговичей, а предками русских считает полян, северян, вятичей, кривичей и словен. Касаясь вопроса происхождения и образования каждой из перечисленных народностей, Г. А. Ильинский отмечает постоянные передвижения и перераспределения восточнославянских племен (кривичей, северян, словен). Наиболее значительную в политическом и культурном отношении роль ученый отводит полянам, территория расселения которых «совпадала с территорией великорусской прародины вообще». Их центром был город Киев: «Исключительно выгодное положение Киева на великом пути из варяг в греки, а также все возраставшее его значение как центра могущественного государства и средоточия христианской культуры, конечно, не могло не отразиться самым благоприятным образом и на всем укладе общественного и духовного быта Киевской области, и нет сомнения, что уже в XI в. культурный уровень киевских полян был значительно выше других восточнославянских племен...»

Оригинален взгляд Г. А. Ильинского на основу и особенности древнекиевского говора, характеристике которого он посвятил специальный параграф шестой главы своей работы. Исходя из предположения, что «треугольник Припять — Днепр — Ирпень (Уж), по всем соображениям, должен считаться прародиной северо-восточной отрасли прарусского народа, в частности, ее восточной великорусской части», он придерживался твердого мнения, что в VIII—IX вв. «Киев мог быть только восточнорусским городом». «Но, — продолжает ученый, — благодаря своему исключительно благоприятному географическому положению, Киев уже в XI в. сделался общерусским городом не только в экономическом, политическом, религиозном и культурном отношениях, но и в этнографическом: все главные русские народности имели там своих представителей, и на улицах „матери городов русских“ новгородцы встречались с курянами, волыняне с суздальцами, дреговичи с вятичами и т. п. Этим и объясняется, почему русское койнэ того времени — цел. язык, — применяясь к народному говору и упрощая свой состав, не принимал в себя почти ничего, что рознило русские наречия, но усваивало многое из того, что их соединило. При таких обстоятельствах естественно, что памятники, писанные на этом языке, в диалектическом отношении носят безразличный, индифферентный характер; их почти в одинаковой степени могли признать своими и поляне, и дреговичи, и северяне, и вятичи, и кривичи.

Но так продолжалось только до середины или конца XI в. Вследствие постепенного отхода северян к северо-востоку в область Сейма, Десны и Оки и вследствие все возрастающего натиска номадов на южные пределы Киевской земли, ее столица все более и более начала утрачивать свой первоначальный великорусский характер. Полной украинизации Киева помешал лишь татарский погром, впрочем, не столько помешал, сколько отсрочил ее на полтора века. С конца XIV в. разоренная Киевская область... стала вновь заселяться, но не столько полянами, которые не только этнически, но и по имени перестали в это время существовать, сколько родственными им волынянами, подолянами и галичанами. В результате их колонизации Киев в середине XV в. стал чисто малорусским городом, говорившим ... на сев.-укр. наречии».

Давая в шестой главе развернутую характеристику правеликорусского языка, Г. А. Ильинский говорит о разделении великорусских племен на северную и южную части, делает обзор южно-великорусских (поляне, северяне, вятичи) и северновеликорусских (кривичи, словене) племен, касается вопроса великорусской

колонизации в XI–XII вв., которая привела к нераспределению восточнославянских племен. Значительный интерес представляет и предпринятая автором попытка описания диалектных различий великорусских говоров в XI–XII вв. Г. А. Ильинский отмечает трудности, с которыми сталкивается исследователь, составляя такие описания. Они заключаются в том, что церковнославянский язык сохранившихся по преимуществу церковных памятников «не позволяет нам приподнять завесу, скрывающую от нас картину древнерусских говоров». Ученый пишет, что «мы можем только взглянуть на нее через узенькие щелочки, образуемые случайными описками русских переписчиков древнецерковнославянских рукописей».

Г. А. Ильинский показывает языковые отличия южновеликорусского наречия от северновеликорусского, заключающиеся, по его мнению, в ранний период «...не столько в своеобразии фонетических процессов, сколько в более или менее слабом уклоне от правеликорусской артикуляции некоторых гласных и согласных». В работе дается также характеристика полянско-северянского говора, отличительной чертой которого в XI–XII вв. является строгий консерватизм его звукового и формального строя. Рассуждая о причинах этого явления, Григорий Андреевич указывает на следующие факты: поляне и северяне были наименее удалены от своей великорусской прародины, им не приходилось ассимилировать на своей территории «инородцев». Поэтому, продолжает автор, «даже в лупу нельзя заметить в их языке никаких существенных отступлений от норм прарусского языка, поскольку он проглядывает сквозь призму церковнославянского».

Говор же вятичей, как отмечает Г. А. Ильинский, еще в X–XI вв. существенно отличался от кривицкого и повгородского. Однако отсутствие ранних сохранившихся рукописей, написанных на территории вятицкого заселения (Рязанский край), не дает возможности характеризовать этот говор в указанный период. Кривицкий говор (центры заселения – Смоленск, Витебск, Полоцк) является, по мнению ученого, переходным от полянско-северянского к словенскому (новгородскому). Из черт, сближающих этот говор с новгородским, Г. А. Ильинский отмечает цоканье. Из оригинальных черт кривицкого говора XI–XII вв. он упоминает звук *шч* на месте *щ*.

Однако наибольшее количество диалектных черт, как указывает ученый, имел новгородский говор, носители которого находились в значительном удалении от своей прародины и сравнительно слабо были связаны с Киевом. Уже в древнейших новгородских рукописях XI–XIII вв. находятся такие диалектные особенности,

как меса *ц* на *ч*, на месте ст.-слав. группы *жд* находится *жг*: *дъжгь* (вм. *дъждь*), *призважгаемъ* (вм. *призваждаемъ*; замена *ъ* звуком *и*, «особенно перед следующим узким слогом»: *търъпнише* (вм.: *търъпънише*); опущение *в* после мягкого *л* (на *Ярослави дворѣ* вм. на *Ярослави дворѣ*).

Своеобразна характеристика памятников великорусской письменности XI–XII вв., данная Г. А. Ильинским. Это памятники поляно-северянские, кривичские и новгородско-словенские. С конца XIII века Г. А. Ильинский говорит уже не об отдельных великорусских племенах, а о великорусской народности вообще, давая характеристику южновеликорусского и северновеликорусского наречий. В XV–XVI вв. он выделяет уже три группы великорусских наречий: южновеликорусское, средневеликорусское и северновеликорусское.

Образование великорусского литературного языка Григорий Андреевич связывает с ростом Московского государства, которому для растущей административной и дипломатической деятельности требовалось и развитие деловой письменности, открывшей «в резервуар церковнославянского языка широкий доступ живой разговорной речи того времени». История образования великорусского литературного языка, по мысли Г. А. Ильинского, «состояла в постепенном сближении литературного ... языка с речью деловой московской письменности». Считая, что в XIV–XV вв. в Московской Руси существовало два типа письменности: одна — это литература в собственном смысле слова, выражавшая «умственные и вообще духовные интересы московской интеллигенции, пользовалась более или менее чистым церковнославянским языком, а другая письменность свила себе гнездо в московских канцеляриях, что, однако, не мешало ей довольно точно отразить почти все главные черты тогдашнего живого московского говора».

Г. А. Ильинский указывает, что образование русской нации и русского литературного языка было обусловлено рядом причин, прежде всего географического, исторического, политического и культурного характера. Ограниченные рамки журнальной статьи не позволяют нам привести материал, собранный ученым по всем этим вопросам. Однако и краткий обзор неопубликованной книги Григория Андреевича дает представление о том, что перед нами работа большой научной важности, не утратившая своего значения и в наши дни.

"ДЪСКИ БЕЗЪ КНѢСА" В "СЛОВЕ О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ"

Т. В. Сергеева,
кандидат филологических наук

Некоторые, казалось бы, устоявшиеся объяснения «темных мест» в «Слове о полку Игореве» вызывают сомнения. К ним стоит отнести и словосочетание «дъскы безъ кнѣса» из «сна» Святослава: «Уже дъскы безъ кнѣса вмоемъ теремѣ златовръсьмъ...» Чтение первоиздателями слова «дъскы» как «доски» определило следующий перевод всей этой фразы: «уже доски без князька в моем тереме златоверхом». Такой перевод с предлогом «в» по тексту памятника («внутри, а не снаружи») закрепляет за словом *кнѣсь* в различных словарях и справочниках русского языка несколько иное значение, чем *князёк*. Ср.: И. И. Срезневский: *кнѣсь* (*князь*) — *балка в потолке* (Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам, СПб., 1893, Т. I. С. 1239); С. П. Обнорский и С. Г. Бархударов: *кнѣсь* — *балка в потолке* (Хрестоматия по истории русского языка. М., 1952. Ч. 1. 2-е изд. С. 368); М. Фасмер: *кнес* — *потолочное стропило... Слово с неясным значением* (Этимологический словарь русского языка. М., 1967. Т. II. С. 262); Словарь русского языка XI–XVII вв.: *кнѣсь* — *балка, поддерживающая потолок, матица* (М., 1980. Вып. 7. С. 195). Причем значение этого слова подкрепляется единственным примером из «Слова о полку Игореве».

В других после первоиздателей переводах и поэтических переложениях слово *кнѣсь* связывается с понятием «верхней части кровли», то есть с обозначением предмета «снаружи» терема. Оно приравнивается по значению к слову *конёк* — «*гребень кровли, стык двух скатов*» (Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. СПб., 1881. Т. II. С. 155). Ср.: у В. А. Жуковского: «А кровля без князя была на тереме моем златоверхом» (Слово о полку Игореве. Л., 1985. С. 79); у Н. А. Заболоцкого: «Златоверхий терем мой стоял без конька» (там же, с. 175). Это значение, наряду

с первым (матица), отмечается в ряде работ и справочников. Так, Д. С. Лихачев в «Археологическом комментарии» пишет: «КНѢСЬ — князёк, т. е. перекладина, на которой сходятся стропила крыши, или «матица», на которой держатся доски потолка» (Слово о полку Игореве. М.—Л., 1950. С. 426). В Словаре-справочнике «Слова о полку Игореве» *кнѣсь* толкуется как «*матица*», «*верхнее бревно*» (М., 1967. Вып. 2. С. 191), хотя и неясно, какое и где: ведь верхнее бревно может быть и у стены. В статье же Е. И. Державиной «Синее вино съ трудомъ смѣшено» при ссылке на М. П. Алексеева, связывающего «уже дьскы безъ кнѣса...» с обрядом похорон умерших, отождествляются *матица* и *конек*; *матица* (конёк) «с крыши дома снималась» (Русская речь. 1983. № 5. С. 128).

Во всех названных случаях значение слова *кнѣсь* оказалось строго «прикрепленным» к чтению «*дьскы*» как «*доски*» и переводу его в первом значении — плоский с двух сторон кусок дерева небольшой толщины. «*Дьскы*» занимает прочное место среди вариантов последнего: *дъска*, *дьска*, *дска*, *дцка*, *тцка* (Словарь русского языка XI—XVII вв. М., 1977. Вып. 4. С. 329).

«Прикрепленность», «привязанность» к «доскам» в какой-то степени звучит и у Д. С. Лихачева в названном «Археологическом комментарии», где допускается возможность того, что Святослав во фразе «уже дьскы безъ кнѣса вмоемъ теремъ златовръсьмъ» имел в виду обряд похорон. «В Древней Руси,— пишет Д. С. Лихачев,— покойника выносили из дому через отверстие в крыше». Он приводит пример из «Повести временных лет» под 1015 г. обряда похорон Владимира Святославича Киевского: «Ночью же межю двема клетми проймавше помост (потолок — прим. Д. С. Лихачева) съвесиса...» (Слово о полку Игореве. М.—Л., 1950. С. 426). Однако слово *кльть* в древнерусском языке (XII—XIII вв.) означало «жилое помещение в доме, покой, комнату» (Словарь русского языка XI—XVII вв. М., 1980. Вып. 7. С. 168); *помост* же — *пол* крытой галереи (Никитин А. Л. Наследие Бояна в «Слове о полку Игореве». Сон Святослава // «Слово о полку Игореве». Памятники литературы и искусства XI—XVII веков. М., 1978. С. 122), то есть речь в данном случае идет о том, что был разобран *пол* между двумя какими-то комнатами, покоями.

Поиски слова *кнѣсь* в древней русской письменности М. П. Алексеевым, возможности отождествления его с «князьком»-«коньком», даже при привлечении обширного этнографического материала, не дали положительных результатов (Никитин, с. 122).

Слово *князь*, равное по значению *князёк* — *верхняя кровельная балка*, — появилось в русском языке сравнительно поздно. Оно датируется 1643 г.: «куплено лѣсу бревеннаго 3 бревна на князи

по 7 сажень» (Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1980. Вып. 7. С. 208).

Вряд ли можно связывать *кнѣсь* и с *матицей*, *потолочной балкой*. Во-первых, без матицы, балки не может быть и самого потолка, тех «досок», которые держались бы без них на чем-то другом. Во-вторых, в древнерусском языке слова *балка*, *бревно* фиксируются в Псковской летописи под 1435 г. Слово же *матица* имело иные значения, чем в современном русском языке, — это «мать... пачало, основа» (Срезневский И. И. Материалы... СПб., 1895. Т. II. С. 119).

Первым усомнился в переводе «дъскы безъ кнѣса» как «доски без князька» П. Я. Черных. Он пишет: «Если бы мы никогда не забывали о том, что „слова меняют свои значения“, мы научились бы лучше понимать древние тексты» (Очерк русской исторической лексикологии. Древнерусский период. М., 1956. С. 173). Слово *дъскы/дѣскы*, по П. Я. Черных, имело в древнерусском языке не только значение «доски», но и «блюдо», «стол». Ученый допускает возможность принадлежности слова *кнѣсь* к грецизму «*knīsa* (мн.) — жир, сало, запах сжигаемого жира, какое-то лакомство». Сопоставляя его с украинским, белорусским, западославянским *книш*, *кныш* — хлеб с маслом или салом, и вологодским *книш* — пшеничный хлебец, П. Я. Черных дает приблизительный перевод этого места: «уже стол (или: столы) стоит (или: стоят) без жирных яств в моем тереме златоверхом», или: «уже вечера без *книса* в моем тереме златоверхом». Ср. полаб. *desk* — «вечера» (Черных П. Я. Очерк... С. 173).

В данном случае, в отличие от других, в основу перевода всей фразы «уже дъскы безъ кнѣса...» положено иное значение слова «дъскы» — «блюдо, стол».

Различие в переводах слова «дъскы» (а отсюда и всей фразы), собственно, не выходит за рамки его семантической характеристики. Нетрудно заметить, что в каждом из приведенных контекстов один из компонентов сочетания «...дъскы безъ кнѣса...» обязательно выступает или в прямом, или переносном значении. Между тем отмечается, что в «сне» Святослава каждое слово употребляется в своем прямом смысле (Державина Е. И. «Синее вино...» // Русская речь. 1983. № 5. С. 128). Обращает на себя внимание написание «дъскы» с гласным переднего ряда [ь] только в «Слове о полку Игореве». Другие памятники древнерусской письменности подобных фактов не отражают.

Представляется интересным предложенный А. Л. Никитиным новый вариант чтения «дъскы» не «доски», а «*дѣтъскы*» (*младшая, личная дружина князя*) со следующим переводом рассматриваемой

фразы: «уже младшая дружина (*дѣтъскы*) остались без князя (осиротели) в моем златоверхом тереме», что согласуется с основной мыслью «вещего сна» Святослава (Никитин, с. 123).

Полностью принимая чтение «дѣтъскы без князя» (а не «доски»), в порядке некоторого уточнения коснемся отдельных моментов перевода слова «дѣтъскы». Материалы древнерусской письменности как будто свидетельствуют о двух дружинах князей: «старшей» и «младшей», именуемых, видимо, «дружиной» вообще со значением «отряд, войско», и «малой» — «небольшой отряд». Ср.: «пусти дружину свою домови съ маломъ же дружины возвращати ся...» (С. П. Обнорский и С. Г. Бархударов. Хрестоматия... С. 114); «Онъ же въбързѣ въ мале дружинѣ въсѣдъ на копъ поѣха» (Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1977. Вып. 4. С. 363). Однако кажется, что в данном месте «вещего сна» имеется в виду не «младшая дружина», а нечто другое, т. к. первоначальное значение ее (как личной дружины князя) уже к середине XII в. утрачивается (Никитин, с. 123), поэтому у Святослава нет причин печалиться о ней (уже осиротела без князя).

Кроме того, сомнительно, чтобы «младшая дружина» располагалась (проживала) в «златоверхом тереме» — в верхнем жилом ярусе богатых хором, палат. «Дѣтъскы» имело иные значения. Ср., например: «Прибѣгоша изъ Руси дѣцки и повѣдаша ему» (Срезневский И. И. Материалы... Т. I. С. 798), где «дѣтъскы» далеко не дружина. В XII веке это слово обозначало должностных лиц при княжеском дворе, а также на суде (Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1977. Вып. 4. С. 239), очевидно, разных по званию, по положению («меньших» и «старших»): «...токмо отъ меншихъ дѣтъскихъ его два видивши князя своего у велику бѣду впадша» (Срезневский И. И. Материалы... Т. I. С. 798). По всей вероятности, о них (всех «дѣтъскихъ»), кто близок был князю, на ком, собственно, держался княжеский двор, и думает Святослав: «уже осталась (осиротела) вся «служба» при дворе — в «тереме златоверхом».

Не вполне убедительна и лингвистическая интерпретация слов «кнѣсь» и «дѣскы», предложенная А. Л. Никитиным. Он считает, что слово «кнѣсь» (*князь*) представляет собой сербскую форму *кнез*, «впоследствии искаженную переписчиком («кнѣса» вместо «кнеза»), но сохранившее первоначальное твердое «ѣ» (Никитин, с. 122, 123; разрядка моя — Т. С.).

В «дѣскы» из «дѣтъскы» он видит «такой же отпечаток югославянской орфографии, как предшествующий «кнѣсь» (выпадение «ѣ») и такое же искажение при переписке (превращение «ѣ» в «ѣ» и потеря выносного «Гъ»). Считает, что переосмыслению «кнѣза» в «кнѣса» и «дѣтъскы» в «дѣскы» способствовал и истори-

ческий фактор: «забвение» прежнего значения личной («младшей») дружины после Любечского съезда 1097 г. (Никитин, с. 123).

Видимо, *кнѣсь* (*кнез*) отнесен к сербизмам на основании того, что это слово обозначало с начала XVIII в. до 1882 г. в Сербии главу государства. Однако это слово восходит к праславянскому **kъnędz* с носовым гласным [ĕ], который в большинстве славянских языков изменился в «чистый» [E]: болг. *кнез* «старейшина»; словенск. *knez* «граф», «князь»; древнечешск. *kněz*; н-лужск. *kněz* «господин, священник»; в сербохорватск. *кнез* — «князь» (Фасмер М. Этимологический словарь. Т. II. С. 266), не имевшим «Ѣ», тем более какого-то «твердого».

Можно предположить, что передача «князь» с [ѣ] и [с] — *кнѣсь* — была вызвана влиянием со стороны слова *цѣсарь-цѣсарь-цесарь* (из *цѣзарь*), употреблявшегося в древнерусском языке со значением «властитель, государь», близким к слову *князь*: «Помяни, ГИ, цѣсаря и князя»; XIII в. (Срезневский И. И. Материалы... СПб., 1912. Т. III. С. 1461). Близкая семантика этих слов повлияла на сближение в их написании.

Изменение же звукового «облика» «дѣтскы» в «дѣскы», очевидно, связано с историей редуцированных гласных в русском языке периода XII—XIII веков. Признается, что по общей норме в основном слабые [ѣ], [ь] в тексте памятника отсутствуют, сильные [ѣ] и [ь] «уступили место гласным [о], [е]», но в том и другом случае наблюдаются отклонения. Среди них отмечается написание и отсутствие [ь] в адъективном суффиксе *-ьск/-ск*. Отсюда закономерна утрата слабого [ь] в *дѣтскы* → *дѣтски*. Допускаемая же потеря выносного [т] должна была привести к записи этого слова в форме «дѣскы», где корневой [ѣ] перед *-ск* был передан через [ь]. Случаи смешения *-е-ь-ѣ* (хотя и редкие) в подобной позиции, то есть перед *-ск*, отражены в тексте «Слова о полку Игореве» (см.: Обнорский С. П. Очерки по истории русского литературного языка старшего периода. М. — Л., 1946. С. 137—138, 143).

Иркутск

*Православные традиции:
праздники, обычаи, обряды*

ВОЗВРАЩЕНИЕ К ИСТОКАМ

Разрушение духовных основ жизни нашего общества обернулось безверием и цинизмом, жестокосердием и озлобленностью, привело к нравственной распущенности.

Политика «воинствующего атеизма» не могла не сказаться на общем уровне культуры, в результате чего чуть ли не нормой стало упрощенно-примитивное, вульгарное восприятие классики мирового и отечественного искусства, ибо выхолощенными (или предельно искаженными) оказались такие сущностные понятия, как «вера», «спасение», «покаяние», «таинство», «грех», «милосердие», «любовь» и многие другие. Зачастую мы не понимаем (или понимаем совершенно неправильно) мотивы и поступки даже своих любимых литературных героев, а следовательно, неверно оцениваем и все произведение.

Но ведь, пожалуй, невозможно назвать ни одного сколько-нибудь крупного, выдающегося художника, который бы не обращался в своем творчестве к библейским сюжетам и темам. Достаточно вспомнить хотя бы имена Данте, Шекспира, Гете, Пушкина, Достоевского, Баха, Бетховена, Моцарта, Чайковского, Рахманинова, Леонардо да Винчи, Рафаэля, Тициана...

Библия, бесспорно, самая выдающаяся и важнейшая по своему значению книга в истории человеческой цивилизации. Она представляет собой сборник сочинений различного характера, созданных на протяжении многих веков. Библия состоит из Ветхого Завета, создававшегося на древнееврейском и частично на арамейском языках; Священным Писанием его признают иудейская и христианская религии, а написанный на древнегреческом языке Новый Завет почитают лишь христиане.

Священная, как говорили в древности, «богодухновенная» книга христианской церкви, Библия, хотя и отразила различные воззрения древних народов по социальным, политическим, этическим и другим вопросам, на протяжении всего Средневековья и позже определяла форму выражения мысли в Европе.

Согласно христианской традиции, некоторые ветхозаветные тексты носят название книг неканонических. Книги Нового Завета соответствуют христианскому церковному канону.

Появление отдельных библейских текстов на Руси связано с

принятием христианства и деятельностью великих просветителей Кирилла и Мефодия. В 1056—1057 годах для новгородского посадника Остромира было написано Евангелие, получившее название *Остромирово* и считающееся на Руси древнейшим из дошедших до нас.

Первая в нашей стране полная рукописная славянская Библия появилась в 1499 году. Составил ее новгородский епископ Геннадий. Она стала основой для первой печатной — *Острожской Библии* (1580—1581) — и переиздавался (с некоторыми изменениями) до октября 1917 года.

Изучение Библии началось еще в древности. В средние века появляется научная дисциплина — *экзегетика*, которая ставит своей целью истолкование содержания библейских текстов.

Для пользования Библией имеются отдельно изданные алфавитные указатели всех встречающихся в книгах тематических мест, слов, собственных имен и фразеологических выражений. Такие справочники носят название *конкордаций* или *симфоний*.

Первый на Руси алфавитно-предметный указатель составлен преподавателем острожской церковной школы Тимофеем Михайловичем и отпечатан Иваном Федоровым в 1580 году в Остроге «Книжка собрание вещей нужнейших вкратце скорого ради обретения в книге Нового Завета по словесем азбуки». Наибольшую известность получают Симфония на Псалтырь, составленная выдающимся русским писателем Антиохом Кантемиром и изданная в Москве в 1727 году, и Симфония на Четвероевангелие и Деяния святых Апостолов, созданная филологом и писателем И. И. Ильинским в 1733 году. В настоящее время Московская Патриархия издает полный пятитомный указатель к русскому синодальному переводу Библии под названием «Симфония или словарь — указатель к Священному Писанию Ветхого и Нового завета». Из печати вышел первый том на буквы А—Г (М., 1988).

Для рядового читателя чтение Библии, знакомство с ней сопряжено с известными трудностями. Чтобы понять содержание «богословно-духовенной» книги, постичь глубину ее смысла, нужно быть подготовленным к этому чтению, обладать хотя бы скромными знаниями в библейской истории, истории культуры, в церковнославянском языке, а это не всегда представляется возможным. Поэтому в обществе возникает потребность в создании литературной обработки библейских текстов для широкого круга читателей или, например, для детей.

Следует напомнить и о том, что в старой России были прекрасные опыты популярного изложения библейской истории. В силу ряда обстоятельств они оказались забытыми, устранимыми

из культурного обихода. К числу таких книг относятся учебники по предмету, который в старой русской школе носил название «Закон Божий». Эти учебники, в которых излагались рассказы из библейской истории, объяснялись христианские заповеди и молитвы, толковались церковнославянские тексты, трудные для языкового понимания учащихся, давно уже стали библиографической редкостью.

Один из таких учебников, предназначенный для детей, учившихся в начальных народных и городских училищах, в средних учебных заведениях, в одноклассных церковно-приходских школах, написал протоиерей Григорий Чельцов. Этот учебник выдержал более сорока изданий — случай беспрецедентный в истории русской школы.

Написанная просто, с хорошим пониманием древней истории, с глубоким знанием церковнославянского языка, эта книга представляет интерес для современных читателей, не только детей, но и для взрослых. Она формирует нравственные начала человека, описывает его духовный облик, дает представление о характере культурных и религиозных традиций, существовавших в русских семьях, о роли церкви в истории государства.

Особая ценность этой книги заключается в том, что в ней описаны все наиболее значительные в историческом отношении библейские легенды, без знания которых затемненным оказывается смысл многих произведений мирового искусства. В самом деле, когда посетители Русского музея в Ленинграде останавливаются, к примеру, перед картиной И. Е. Репина «Воскрешение дочери Наира», не всем ясен смысл религиозного сюжета этого произведения. В предлагаемой вниманию читателей книге есть изложение этой легенды. Не меньший интерес представляют разъяснения автора о семантике цитат из Библии или фразеологических выражений (например, *Блаженни нищии духом*; *Хлеб наш насущный даждь нам днесь* и др.), о семантике слов, обозначающих понятия культового обихода (например, *алтарь*, *фелонь*, *камиллавка*, *панагия* и др.).

Журнал предоставляет вниманию читателей книгу Григория Чельцова «Объяснение Символа веры, молитв и заповедей с подготовленными к нему рассказами из священной истории и с кратким учением о Богослужении православной церкви». Книга печатается с незначительными сокращениями по изданию 43-му, вышедшему в Петербурге в 1914 году.

В. П. Вомперский,
доктор филологических наук,
главный редактор журнала
«Русская речь»

ОБЪЯСНЕНИЕ СИМВОЛА ВЕРЫ, МОЛИТВ И ЗАПОВЕДЕЙ

Бог есть *Дух* вечный, всеблагий, всеведущий, всеправедный, всемогущий, вездесущий, неизменяемый, вседовольный, всеблаженный. Он сотворил все видимое и невидимое, все содержит в Своей власти и всем управляет.

Изъяснение понятия о Боге в вопросах и ответах.

Вопрос. Почему Бог называется *Духом*?

Ответ. Потому что Он не имеет тела, и Его нельзя видеть.

Вопр. Значит, Он не имеет и таких глаз и ушей, какие у нас?

Отв. Да, Он не имеет у Себя ничего телесного, но Он без глаз и ушей все знает, все видит и слышит.

Вопр. Почему Он называется *Духом вечным*?

Отв. Потому что Он всегда был, есть и всегда будет.

Вопр. Мы еще называем Бога *Духом всеблагим*; что значит это слово, и почему Бог так называется?

Отв. Слово *всблагий* значит: премилостивый. Бог так называется потому, что Он так щедр и милостив, что всегда готов дать нам всякое благо и заботится о нас более, чем самый добрый отец о своих детях.

Вопр. Что значит слово *всевѣдущий*, и почему Бог так называется?

Отв. Слово *всевѣдущий* значит: всезнающий. Бог так называется потому, что Он все знает, что было, что есть и что будет вперед. Он знает не только то, что мы делаем, но и что говорим и даже что думаем.

Вопр. Что значит слово *всправедный*, и почему Бог так называется?

Отв. Слово *всправедный* значит: всесвятой и всеправосудный. Бог так называется потому, что Он не может погрешать и каждому воздает по делам его: хороших людей награждает, а дурных наказывает.

Вопр. Почему Бог называется *всемогущим*?

Отв. Потому что Он все может сделать, что захочет. Так, например, Он сотворил мир из ничего, одним Своим словом.

Вопр. Что значит слово *вездесущий*, и почему Бог так называется?

Отв. Слово *вездесущий* значит: везде находящийся. Бог так называется потому, что Он везде находится, и от Него мы никуда не можем скрыться.

Вопр. Почему Бог называется *неизменяемым*?

Отв. Потому что Он никогда и ни в чем не переменяется. Каким Он прежде был, таков Он и теперь, таким и всегда будет. И чего Он прежде хотел (например, чтобы люди не грешили), того Он хочет и теперь и будет хотеть всегда.

Вопр. Почему Он называется *вседовольным*?

Отв. Потому что Он ни в чем не имеет недостатка и ни в чем не нуждается, а, напротив, Сам всем помогает и оказывает милости.

Вопр. Почему Он называется *всблаженным*?

Отв. Потому что Он всегда имел и всегда будет иметь в Самом Себе полное блаженство и счастье, и мы нигде не можем найти столько блаженства и всякого счастья, как у Бога. Он также удостоивает наслаждаться блаженством и счастьем людей, если они того заслуживают.

Вопр. Почему Бог называется *Творцом*?

Отв. Потому что Он сотворил все видимое и невидимое.

Вопр. Кто содержит все в Своей власти и всем управляет?

Отв. Бог; поэтому Он называется также *Владыкою, Вседержителем и Промыслителем.*

2. О троичности лиц Божества.

Бог есть *един*. Но, будучи *един* по существу, Он, в то же время, *троичен в лицах*. Поэтому мы часто называем Бога Пресвятою Троицею и в своей молитве к Нему говорим, например, так: «*Пресвятая Троице, помилуй насъ!*» Здесь под именем *Пресвятая Троицы* нужно разуметь единого Бога в трех лицах. Первое лицо Пресвятыя Троицы есть Бог *Отец*, второе лицо — Бог *Сын*, а третье — Бог *Дух Святой*.

Каким образом Бог по Своему существу *один*, а по лицам *троичен*, этого мы не можем постигнуть своим разумом. Сам Бог повелел нам веровать, что Он *един* по существу и *троичен* по лицам. Поэтому мы так и должны веровать.

Бог Отец, Бог Сын и Бог Дух Святой равны между Собою и имеют одни и те же божеские совершенства, одинаковую силу и честь, так что как Бог Отец есть *истинный Бог*, так равно и Сын есть *истинный Бог*, и Дух Святой есть *истинный Бог*, и притом так, что в этих трех лицах есть только *один* троичный Бог. Отличаются же между Собою эти три лица одного и того же Божества только тем, что Бог Отец *не рождается от Отца, а не исходит от другого лица*, Сын *Божий рождается от Отца*, а Дух Святой *исходит от Отца*. (Нечто похожее на Троицу мы можем видеть в *солнце*. Как от солнца рождается свет и исходит теплота, так и от Бога Отца рождается Сын и исходит Дух Святой, и как от солнца нельзя отделить ни света, ни теплоты, так и от Бога Отца нельзя отделить Бога Сына и Бога Духа Святого. Поэтому мы называем Бога Пресвятою Троицею, *единосущною и нераздельною*).

3. О сотворении Богом мира.

(за 5508 лет до Рожд. Хр.)

Сначала, кроме Бога, ничего не было. Потом Бог сотворил из ничего одним Своим словом мир, то есть небо и землю, и все, что на небе и на земле: все видимое и невидимое.

Под *невидимым* разумеются, например, ангелы, которых Бог сотворил прежде человека и даже прежде всего видимого. Ангелы — это суть бестелесные *духи*, и потому мы их не видим. Но они иногда принимали на себя телесный образ, например, когда являлись святым людям. Слово «ангел» по-русски значит: *встник*. Эти духи названы *ангелами*, или, что то же, *встниками* по-

тому, что Бог посылает их на землю возвещать волю Свою людям. Высшие из ангелов называются *архангелами*, *херувимами* и *серафимами*. Тот ангел, который дается Богом человеку, чтобы охранять его от всякого зла и направлять ко всему хорошему, называется ангелом-хранителем. Все ангелы были сотворены Богом добрыми. Но потом один из высших ангелов со многими подчиненными ему ангелами возгордился и перестал повиноваться Богу. Поэтому он вместе с ними лишился небесного блаженства и сделался *злым духом*. Он называется иначе *дьяволом*, то есть клеветником и оболстителем.

Все видимое нами Бог сотворил так. Прежде Он сотворил землю. Земля сначала была неустроена, покрыта водою и тьмою, и Дух Божий носился над нею. Потом Бог дал устройство земле в продолжение шести дней. Он сказал, чтобы был свет, и, по Его слову, вдруг сделалось светло. Это был *первый* день. Когда потом после тьмы, или ночи, наступил *второй* день, то по слову Божию явилась твердь, то есть воздушное пространство и видимое нами небо. В *третий* день Бог отделил воду от земли и повелел земле произвести всякие растения. В *четвертый* — сотворил солнце, луну (или месяц) и звезды. В *пятый* — рыб и птиц. В *шестой* — животных земных и, наконец, человека. В *седьмой* день Бог почил от всех дел Своих, то есть ничего больше не творил. Этот день назван *субботою*, что значит *покой*. Бог повелел седьмой день посвящать на служение Ему, на святые и угодные Богу дела.

Сотворив мир, Бог не оставил его без Своего промысления и попечения о нем. Он все содержит в Своей власти, о всем заботится и всем управляет. Поэтому Бог называется не только Творцом и Создателем мира, но также *Владыкою*, *Вседержителем* и *Промыслителем*.

4. Сотворение и грехопадение первых людей, наказание за грех и обещание Божие о пришествии в мир Спасителя.

Первые люди, которых Бог сотворил и от которых потом произошел весь род человеческий, были Адам и Ева. Тело Адама Бог сотворил из земли, а потом в это тело вдунул бессмертную и разумную душу по образу и подобию Своему. Еву же Он сотворил из ребра Адамова, которое взял у него во время сна. Бог благословил их и сказал: «Плодитесь, размножайтесь, наполняйте

землю и обладайте ею». Адам и Ева жили в раю. Это был прекрасный сад, данный им Богом, чтобы они возделывали и хранили его. Здесь они проводили вполне блаженную и счастливую жизнь, беседуя часто с Самим Богом. В раю было много разных деревьев и всяких растений, но особенно были замечательны там два дерева: одно называлось *древом жизни*, а другое — *древом познания добра и зла*. Вкушение плодов *древа жизни* могло предохранять человека от болезни и смерти. О *дрее же познания добра и зла* Бог сказал Адаму и Еве, чтобы они не вкушали плодов этого дерева, а если вкусят, то умрут. Но диавол прельстил их нарушить эту заповедь Божию, потому что завидовал их блаженству и желал, чтобы люди, подобно ему, лишились своего блаженства и сделались злыми и непокорными Богу. Он вошел в змия и стал уверять Еву, что Бог неправду сказал, будто они умрут, если вкусят от плодов *древа познания добра и зла*, напротив: если вкусят, то сами будут как боги, знающие добро и зло. Ева поверила. К тому же плоды были прекрасны на вид. Она взяла их и ела, а потом уговорила Адама, и он ел. Когда Бог явился обличить их в грехе, они, вместо раскаяния, старались оправдать себя. Адам сказал, что жена, данная ему Богом, соблазнила его, а Ева сказала, что змий обольстил ее. Бог положил им наказание, сказав Адаму, что он в поте лица будет добывать себе хлеб, пока не умрет, а Еве, что она в болезнях будет рождать детей, и изгнал их из рая. Лишась прежнего блаженства и счастья, они должны были потом с трудом зарабатывать себе пищу, их постигли разные другие неприятности, болезни и, наконец, смерть. А диаволу, как главному виновнику зла, Бог сказал, что *Семя жены согрет ему голову*. Это значило, что родится Спаситель от Девы, Который победит диавола. При входе же в рай был поставлен херувим с пламенным мечом, чтобы охранять путь к дереву жизни.

Вопр. Перешел ли грех Адама и Евы со всеми своими дурными последствиями на их потомков?

Отв. Да, грех наших прародителей, Адама и Евы, со всеми своими дурными последствиями перешел и на их потомков, то есть на всех людей, происшедших от них. Все люди происходят от Адама и Евы, согрешивших и осужденных, и потому все рождаются грешными и осужденными.

Вопр. Один ли только прародительский грех был у потомков Адама и Евы?

Отв. Нет, к этому первородному греху они стали прибавлять еще и свои грехи, так что часто доходило до того, что люди совсем забывали Бога, вели нечестивую жизнь и, вместо истинного

Бога, поклонялись каким-нибудь идолам, или истуканам, а также солнцу, луне и другим тварям.

Вопр. А забывал ли Бог людей?

Отв. Нет, Бог никогда не забывал их. Он всегда заботился о людях более, чем самый добрый отец о своих детях. Если они заблуждались, то Он всячески старался исправлять их, научая их тому, что они должны делать и чего не должны. А что всего важнее, Он еще Адаму и Еве сказал, что со временем пошлет к людям Спасителя, который победит диавола, взявшего над ними силу, спасет их от грехов и вечной гибели. Это обещание о пришествии в мир Спасителя Бог много раз повторял людям и после.

Вопр. Как называется все время от сотворения мира до рождения Христа Спасителя?

Отв. Ветхим Заветом, или, иначе сказать, древним союзом Бога с человеками.

Вопр. В чем состоял Ветхий Завет?

Отв. Он состоял в том, что Бог обещал людям Божественного Спасителя и приготовлял их к принятию Его.

5. Каин и Авель.

Первый сын Адама и Евы был Каин, а второй Авель. Каин обрабатывал землю, Авель пас овец. Однажды они принесли Богу жертву. Каин принес в жертву плоды земные, Авель — самую лучшую овцу. Жертва Каина была негодна Богу, а жертва Авеля угодна, потому что Каин приносил свою жертву без усердия и веры, Авель же с усердием и верою. Каин позавидовал брату своему, позвал его в поле и там убил его. Бог желал обратить Каина к покаянию и спросил его: «Где Авель, брат твой?» Вместо того, чтобы раскаяться, Каин грубо ответил: «Не знаю; разве я сторож брату моему?» Тогда Бог проклял его, и Каин после того нигде не находил себе спокойного места. От Каина произошли люди нечестивые: они не почитали Бога и вели порочную жизнь. Вместо Авеля Бог дал Адаму и Еве такого же хорошего сына, Сифа. От Сифа произошли по большей части люди благочестивые, которые старались жить и во всем поступать по воле Божией. Из потомков его особенно замечательны: Энох, которого за святость жизни Бог взял живым на небо, и Ной, спасенный Богом от всемирного потопа.

6. Всемирный потоп.

(за 3246 лет до Рожд. Хр.)

После сотворения мира прошло много времени, и род человеческий увеличился. Но при этом хорошие потомки Сифа стали дружить и родниться с худыми потомками Каина и оттого сделались сами худыми: забыли Бога и стали жить нечестиво. Из них один только Ной со своим семейством оставался праведным. Бог повелел Ною проповедовать людям, что Он истребит их с лица земли, если они не покаются и не исправятся, и что Он дает им срок на это сто двадцать лет. Но люди не только не исправились, а сделались еще хуже. Тогда Бог положил истребить всех потопом, кроме Ноя с его семейством. Он велел Ною построить ковчег (то есть большой корабль), войти в него со своим семейством и взять с собою всяких птиц и животных земных, чистых по семи пар, а нечистых по две пары,— чтобы они могли снова развестись после потопа (Чистых взято более потому, что они были пужнее для человека: их приносили в жертву Богу, и они употребляются в пищу). Когда Ной это сделал, полился сильный дождь, и шел он сорок дней и сорок ночей; из морей и рек выступила вода, покрыла всю землю и поднялась выше самых больших гор. Все на земле люди и животные потонули, а Ной со всеми бывшими с ним безопасно плавал в ковчеге по воде. Потом вода стала убывать, и ковчег остановился на горе Арарате. Когда земля обсохла, Ной вышел из ковчеге со своим семейством и выпустил на волю всех птиц и животных. В благодарность за свое спасение он принес Богу жертву. Жертва эта была угодна Богу, и Он сказал Ною, что вперед такого всемирного потопа не будет, и радуга должна всегда напоминать об этом людям.

7. Дети Ноя.

У Ноя было три сына: Сим, Хам и Иафет. От них после потопа произошел весь род человеческий. По выходе из ковчеге Ной стал возделывать землю и насадил виноградник. Однажды он выпил вина из виноградного сока и оттого крепко уснул. Во время сна он обнажился. Хам увидел наготу его, пошел и рассказал братьям. Они же взяли одежду, подошли к отцу задом и прикрыли его, не видя наготы отца. Проснувшись, Ной узнал все это, осудил поступок Хама и предсказал, что потомство его будет находиться в рабстве у потомства братьев; потомки же Иафета зай-

мут наибольшее пространство земли, а в потомстве Сима сохранится истинная вера.

8. Столпотворение вавилонское, рассеяние народов и появление идолопоклонства. (за 2716 лет до Рожд. Хр.)

Прошло после потопа много времени, и число людей очень увеличилось. Однажды они вздумали строить большой город и в нем башню (наподобие *столпа*) высотой до неба, чтобы прославиться. Но Богу не было угодно это дело, и Он смешал язык их. Люди начали говорить на разных языках, перестали понимать друг друга и должны были разойтись по разным местам. Так произошли разные народы, говорящие на разных языках. Недостроенный город прозван Вавилоном, что значит *смешение*; вся же страна, где был этот город, стала называться землею Вавилонскою, а также Халдейскою.— После столпотворения и рассеяния по разным странам, люди мало-помалу стали забывать Бога и сделались нечестивыми. Вместо истинного Бога они начали почитать солнце, луну, звезды и даже животных, делать их изображения и поклоняться им. Эти изображения называются *идолами*, или *кумирами*, а почитание их *идолопоклонством*.

9. Призвание Авраама, явление ему Бога в виде трех странников и жертвоприношение Исаака. (за 2000 лет до Рожд. Хр.)

В то время, когда почти все люди забыли истинного Бога и сделались нечестивыми, жил в земле Халдейской истинно верующий и благочестивый потомок Сима, по имени Авраам. Чтобы еще более укрепить Авраама в вере, Бог часто являлся ему во сне и в разных видениях. По повелению Божию Авраам с женою своею Саррою переселился из земли Халдейской в землю Ханаанскую. Эта Ханаанская земля, в которой жили хананелле, потомки Ханаана, сына Хамова, стала называться после того *обетованною*, то есть *обещанною*, потому что Бог обещал дать ее Аврааму и его потомству. Она называется еще *Палестиною*; находится на восточном берегу Средиземного моря, а по середине ее протекает река Иордан.

Однажды Авраам сидел у своего шатра (или палатки, где он жил) и увидел трех странников. Он позвал их к себе отдохнуть и подкрепиться на дорогу пищею. Оказалось, что это были не простые странники, а Сам Бог и с Ним два ангела. В это время Господь сказал, что у Авраама и Сарры чрез год родится сын, по имени *Исаак*. Так потом и исполнилось. У них, в самом деле, родился сын Исаак, и они очень обрадовались, потому что прежде у них никогда не было детей, и они думали, что и вперед никогда не будет, так как они были уже стары: Аврааму было 100 лет, а Сарре 90.

Авраам и Сарра очень любили своего сына Исаака. Когда же он вырос, Богу угодно было испытать Авраама и показать в пример всем людям его веру и послушание. Он повелел Аврааму привести Исаака в жертву на указанной Им горе. Авраам немедленно отправился туда с Исааком и на третий день пришел на гору. Там он устроил жертвенник, положил на него дрова, а на них связанного Исаака, взял нож и хотел уже заколоть сына, как услышал с неба голос ангела Господня, который сказал ему, чтобы он не поднимал руки своей на отрока и что Бог видит теперь его веру и послушание. Авраам увидел вблизи себя агнца, который запутался в кустарнике рогами своими, и принес его в жертву Богу вместо сына своего.— За такую веру и послушание Бог благословил Авраама и обещал, что у него будет большое потомство и из его рода произойдет Спаситель мира. Такое благословение и обещание были потом подтверждены Богом Исааку и его сыну Иакову.

10. Видение Иаковом таинственной лестницы.

У Исаака и его жены Ревекки было два сына: Исав и Иаков, прозванный Израилем. Почувствовав приближение своей смерти, Исаак сначала благословил Иакова, пожелав ему всяких милостей от Бога и сказав, что брат его должен подчиняться ему, а затем по просьбе Исава благословил и его. Исав возненавидел Иакова за то, что полученное Иаковом благословение имело преимущество перед тем, какое получил он сам, и даже грозил убить его. Тогда Иаков по совету родителей отправился на родину своей матери в Месопотамию к брату ее Лавану, чтобы пожить у него, пока не пройдет гнев Исава, и при этом жениться на одной из дочерей Лавана. Не успел он далеко уйти от родительского дома, как наступила ночь, и ему пришлось одному ночевать в поле. Он положил себе камень под голову и уснул. Во сне он увидел лестницу, высокою до неба, а по пей ангелы восходят и нисходят, на верху

же ее стоит Сам Господь и говорит Иакову: «Я Бог Авраама и Исаака. Не бойся; землю, на которой ты лежишь, Я дам тебе и потомству твоему; потомства же у тебя будет так много, как песку на земле, и в Семени твоём благословятся все племена земные». Здесь под Семенем, или Потомком его, чрез Которого благословятся, то есть осчастливаются, все народы, разумеется Спаситель. Лестница же, соединявшая небо с землею, предвещала Божию Матерь, чрез Которую Сын Божий нисшел на землю для спасения людей.— Пробудившись от сна, Иаков принес Богу благодарственную жертву, возлив на камень елей, и назвал это место Вэфилем, что значит: дом Божий. После этого с надеждою на помощь Божию он спокойно продолжал свой путь в Месопотамию. Чрез несколько лет Иаков благополучно возвратился оттуда к отцу свосму в землю Ханаанскую с большою семьею и имуществом, причем радостно встретил его на пути Исав, давно не видавший брата своего. Иаков сделался родоначальником народа израильского, или, что то же, еврейского,

11. Иосиф, проданный братьями.

У Иакова было 12 сыновей. От них произошли 12 колен, или племен, народа еврейского. Из всех своих сыновей Иаков особенно любил Иосифа, потому что он был скромнее и правдивее всех. В знак особенной любви к нему он шил ему нарядную одежду. Братья завидовали Иосифу и не любили его. Они еще более стали сердиться на него с тех пор, как он рассказал им свои сны, которые предвещали, что братья будут ему кланяться. Однажды Иосифу приснилось, будто он с братьями своими вязал в поле снопы, и его сноп стоял прямо, а снопы братьев поклонились его снопу. В другой раз ему приснилось, будто солнце, луна и одиннадцать звезд кланялись ему. Братья и сам отец сказали Иосифу: неужели когда-нибудь это может случиться, что все мы придем поклониться тебе до земли?

Когда старшие братья пасли стадо далеко от своего дома, отец послал Иосифа отыскать и навестить их. Они еще издали увидели шедшего к ним Иосифа и сказали: «Вот идет сновидец; давайте убьем его и тогда посмотрим, исполнятся ли его сны». Но по совету одного из них, Иуды, они решили, что лучше продать его купцам, которые в то время проезжали мимо них с товарами в Египетскую землю. Так они и сделали, продав Иосифа за двадцать сребренников. Снятую же с него нарядную одежду братья измазали кровью козленка и послали отцу, сказав, что «они нашли эту одежду; посмотри, не Иосифа ли она?» Увидев

окровавленную одежду Иосифа, Иаков заплакал и сказал: «Верно хищный зверь растерзал его». И долго после того он горевал и плакал о нем. Между тем купцы привезли Иосифа в Египет и там продали его одному царедворцу, по имени Пентефрию (или Потифару). Пентефрий полюбил Иосифа и сделал его управляющим в своем доме. Но дурная и злая жена Пентефриева оклеветала Иосифа перед своим мужем. Пентефрий поверил ей и посадил его в тюрьму.

12. Слава Иосифа в Египте, свидание его с братьями и переселение Иакова с семейством в Египет.

Бог видел невинность Иосифа и скоро прославил его. Он дал ему уменье объяснять сны. Однажды царь египетский, называвшийся иначе фараоном, видел два сна, и никто не мог ему объяснить их, кроме Иосифа, которого он призвал к себе из тюрьмы. Фараону снилось, будто он стоит на берегу реки, и из реки вышли сначала семь коров полных, а потом семь коров тощих, и тощие съели полных, а сами не сделались полнее. Другой же сон был такой: будто на одном стебле выросли сначала семь колосьев полных, с зернами, а потом семь колосьев пустых, без зерен, и пустые съели полных, а сами не пополнились. Иосиф сказал фараону, что эти оба сна означают одно и то же: сначала будет семь лет урожайных, а потом семь лет голодных. При этом Иосиф посоветовал фараону найти такого разумного человека, который мог бы заготовить поболее хлеба на голодные годы. Фараон ему самому поручил это дело и, в награду за объяснение снов и за хороший совет, сделал его начальником всего Египта, вторым после себя.

Как сказал Иосиф, так и случилось. Сначала было семь лет урожайных, и Иосиф заготовил много хлеба. Потом наступил голод, и Иосиф начал всем продавать припасенный хлеб. Голод был как в Египте, так и в земле Ханаанской. Сыновья Иакова поехали в Египет купить себе хлеба, пришли к Иосифу и поклонились ему до земли. Иосиф узнал своих братьев. Они же не узнали его, потому что он возмужал и заговорил с ними не по-еврейски, а по-египетски, чрез переводчика. Иосифу хотелось испытать их, исправились они или нет. Он сказал им: «Мне кажется, что вы соглядаты и приехали сюда затем, чтобы высмотреть у нас все». — «Нет, — отвечали братья, — мы люди честные и приехали сюда из

земли Ханаанской купить себе хлеба. Все мы дети одного отца, и нас было 12 братьев, но одного давно не стало, а еще один, младший, остался дома с отцом». — «Если вы говорите правду, — сказал им Иосиф, — то привезите ко мне младшего брата, а один из вас пусть останется здесь». Он велел насыпать им в мешки хлеба и отпустить, а чтобы они его не обманули, он, как бы в залог, оставил у себя Симеона.

Через год братья Иосифа опять приехали за хлебом вместе с младшим своим братом Вениамином. Иосиф очень обрадовался, когда его увидел, и от радости прослезился. Чтобы братья не заметили его слез, он ушел в другую комнату и умыл свое лицо. Потом он пригласил братьев к обеду. После обеда он велел насыпать им в мешки хлеба, а в мешок Вениамина, кроме того, незаметно положить свою серебряную чашу, из которой он сам всегда пил. Братья поехали домой. Он велел своему управителю догнать и обыскать их, не найдется ли у кого пропавшая чаша. Ее нашли в мешке Вениамина. Все братья воротились к Иосифу, упали к его ногам и сказали: «Господин наш! Мы не брали твоей чаши, а это, верно, Бог наказывает нас за прежние наши грехи; теперь все мы будем твоими рабами». — «Нет, — сказал Иосиф, — все вы можете ехать домой, а у меня останется рабом только тот, у кого нашлась чаша». Тогда Иуда сказал Иосифу: «Господин наш! Отец наш стар, и этого сына он особенно любит; я поручился привезти его в целости назад; пусть лучше я останусь рабом у тебя вместо него, а его отпусти с братьями к отцу; иначе отец наш умрет с горя». Иосиф не мог более удержаться, выслал всех слуг из комнаты, заплакал и сказал братьям: «Ведь я Иосиф, брат ваш, которого вы продали в Египет!» Братья увидели, что действительно это он, смутились и ничего не могли ответить. Но Иосиф сказал им: «Не печальтесь теперь и не жалейте о том, что вы продали меня сюда, потому что это Бог устроил так для сохранения вашей жизни». При этом он добавил, чтобы они отправлялись скорее домой, рассказали все отцу и вместе с ним переселились в Египет, потому что два голодных года прошли, а еще остается пять лет. И потом стал он, плача от радости, обнимать и целовать Вениамина и остальных братьев.

Отец очень обрадовался, когда узнал, что Иосиф жив и притом в такой славе у египтян. Он переселился с детьми и внуками в Египет к Иосифу. Иосиф с радостью встретил отца своего, Иакова, поселил его со всем его семейством в самой плодородной Гесемской местности и заботился об отце и братьях до самой их смерти.

Когда умер Иосиф и братья его, потомство их, называвшееся

народом израильским, или еврейским, оставалось в Египте и умножалось все более и более.

13. Рождение пророка Моисея и призвание его к освобождению евреев от власти египтян.

Пасха и исход евреев из Египта.

Прошло довольно много времени после смерти Иосифа и братьев его. Новый фараон не знал заслуг Иосифовых и начал опасаться размножения евреев, как чужеземцев. Чтобы они меньше размножались, он стал изнурять их тяжелыми работами. Но, чем более изнуряли их, тем более они умножались. Тогда фараон повелел умерщвлять или же бросать в реку всех новорожденных еврейских мальчиков. Бог умилосердился над евреями и послал им избавителя Моисея, который происходил из колена Левиина.

Когда Моисей родился, мать три месяца скрывала его от египтян. Видя же, что нельзя было более скрывать, она положила младенца в осмоленную корзинку и поставила ее в тростнике у берега реки, а сестра его, Мариам, издали наблюдала, что́ будет с ним. Туда пришла купаться царская дочь со служанками. Она велела достать корзинку и, увидев в ней плачущего младенца, сжалилась над ним. Мариам подошла к ней и сказала: «Не поискать ли для него кормилицу?» Царевна просила ее пойти и поискать. Она привела мать. Царевна сказала: «Возьми этого младенца и вскорми его мне; я дам тебе плату»,— и та охотно согласилась. Когда же он подрос, привела его к царевне, и он был у нее вместо сына. Она дала ему имя *Моисей*, что значит: *вынутый из воды*.

Моисей был научен всей премудрости египетской. Ему дали хорошую должность при дворце царском. Но Моисей знал, что он родом еврей, что у него есть родная мать, есть сестра и старший брат, Аарон. Ему жалко было евреев, терпевших много горя от египтян. Раз ему случилось увидеть, что египтянин бьет еврея. Он заступился за еврея и убил египтянина. Фараон хотел за это казнить Моисея. Но Моисей удалился из Египта в землю Мадямскую (в Аравии) и там поселился у священника Иофора. Он женился на его дочери и стал у него пасти овец. По смерти же того фараона стал царствовать в Египте новый фараон. Он обращался с евреями еще хуже, и Моисей еще более горевал об их несчастии.

Однажды Моисей пас овец у горы Хорива и увидел куст, который горел и не сгорал (*неопалимая купина*). Он подошел к нему и оттуда услышал голос Божий. Бог сказал ему, что Он хочет вывести народ еврейский из Египта в землю Ханаанскую, в которой жили прежде Авраам, Исаак и Иаков и которую Он обещал дать им и всему их потомству. «Иди к фараону, — сказал Ему Господь, — и выведи народ Мой из Египта». При этом Бог дал ему силу творить чудеса, чтобы всякий видел, что он послан от Самого Бога. Фараон же сказал Моисею: «Я не знаю Бога евреев и не отпущу их». Но Господь смирил его и заставил послушаться, когда за один год поразил египтян десятью большими бедствиями, или казнями. Первая казнь была та, что вся вода у египтян обратилась в кровь, и ее нельзя было пить. При следующих затем казнях фараон обещал Моисею отпустить евреев, если он помолится, чтобы прекратилась казнь, но всякий раз обманывал и не исполнял своего обещания. Тогда наступила последняя, ужасная казнь: ангел Господень в одну ночь умертвил всех первенцев египетских. После этого фараон поспешно призвал Моисея и сказал ему, чтобы он скорее уходил с народом еврейским. Евреи были готовы и тотчас же отправились из Египта в землю Ханаанскую.

Накануне выхода евреев из Египта, в ту ночь, когда ангел-губитель умерщвлял первенцев египетских, каждое еврейское семейство должно было, по повелению Господню, заколоть агнца (то есть ягненка), не имевшего в себе никакого порока, испечь и есть его с горькими травами и пресным хлебом, не ломая костей, а кровью его помазать двери у домов своих. Видя эту кровь, ангел обходил их дома мимо. Этот агнец служил прообразом Иисуса Христа и предвестником того, что пролитая на кресте кровь Его будет спасительна для людей. Господь повелел евреям ежегодно потом праздновать день своего выхода из Египта и в этот день закалывать и есть агнца. Этот праздничный день назван *Пасхою*. Агнец же, которого закалывали и ели в этот день, прозван агнцем пасхальным. Слово «Пасха» значит: *прохождение мимо*, или *избавление от беды*.

14. Чудеса Божии во время путешествия евреев из Египта в землю обетованную.

Господь был очень милостив к евреям и, чтобы укрепить их в вере, сотворил много чудес во время их путешествия из Египта в землю обетованную.

Как только они стали выходить из Египта, явился столп, который был во время дня облачным, а ночью огненным и показывал им путь.

На третий день по выходе из Египта евреи подошли к Черному (или *Красному*) морю и с ужасом увидели догонявшее их египетское войско с самим фараоном, который хотел воротить евреев назад, чтобы они опять работали на египтян. Моисей, по повелению Божию, ударил жезлом своим по морю; вода расступилась, и евреи свободно перешли на другой берег по дну морскому. Египтяне думали, что и они перейдут, и пошли также по дну моря. Но Моисей опять ударил своим жезлом по воде, и она слилась и затопила египтян.

Однажды евреи пришли в такое место, где вода была горькая. По указанию Божию Моисей положил в нее одно дерево, и она сделалась хорошею.— В другой раз они пришли в такое место, где совсем не было воды. Бог велел Моисею ударить жезлом по каменной скале, и из нее потекла вода.

У евреев вышел весь хлеб, и им нечего было есть. Моисей помолился Богу, и Бог послал им с неба манну. Она была похожа на белые маленькие крупинки, а вкусом — на муку, смешанную с медом. Манна сходилла во все время их путешествия каждый день, кроме субботы. Когда неоткуда было взять мяса, а евреям очень хотелось его, Бог послал им множество перепелов, и евреи употребляли их в пищу, а иные ели их даже сверх меры. За свою прихотливость и невоздержание многие были наказаны смертию. Место, где они были похоронены, было прозвано *гробами прихоти и невоздержания*.

15. Синайское законодательство.

В 50-й день по выходе евреев из Египта Моисей, по повелению Божию, привел их к горе Синаю, и на ней Господь явил им Свое присутствие. Гора сильно колебалась и дымилась, а над нею было густое облако, сверкала молния, гремел гром и раздавался сильный трубный звук. Затем все стихло, и тогда послышался голос Божий: *«Азъ есмь Господь Богъ твой, да не будутъ тебѣ ббзи инѣи, рѣзвѣ Менѣ»*. Господь изрек при этом десять заповедей о любви к Богу и к ближним и велел соблюдать их. Потом Моисей, по повелению Божию, пошел на гору, и Господь дал ему две скрижали, или каменные доски, на которых были написаны 10 заповедей. Кроме того, Он дал ему разные другие законы и велел написать и объявить их народу, а также устроить *скинию*, или переносный храм Божий,— со всеми ее принадлежностями.

16. Скиния.

Скиния была похожа на палатку. Она имела три отделения: *двор, святилище и святое-святых*. Во двор входил народ для молитвы, и здесь стояли жертвенник и умывальница. Во святилище входили священники, и тут были семисвечник, стол с хлебами и кадильный алтарь. Во святое-святых мог входить только первосвященник, или архиерей, да и то один раз в год; здесь стоял *кивот завета*. Кивотом, или ковчегом завета, назывался ящик, сделанный из дерева и обложенный внутри и снаружи золотом, с золотой крышкою и золотыми на ней изображениями двух херувимов; на двух сторонах его было по два золотых кольца, куда вкладывались позолоченные шесты, чтобы носить его. В нем хранились две скрижали, чаша с манною и жезл Ааронов. Моисей освятил скинию с ее принадлежностями священным миром [благовонным маслом — *ред.*], и при этом слава Господня в виде облака покрыла ее и с того времени всегда находилась над нею. Для служения при скинии были определены: первосвященник, священники и простые служители. Первосвященником был поставлен Аарон, священниками были сделаны его четыре сына, а простыми служителями прочие потомки Левия, сына Иаковлева, называвшиеся потому левитами. Бог положил, чтобы на будущее время старший из рода Ааронова был первосвященником, а прочие из его рода были священниками.

17. Осуждение евреев на сорокалетнее странствование, медный змий и смерть Моисея.

Евреи подошли к земле Ханаанской, или обетованной. Моисей послал туда 12 человек, — по одному из каждого колена, — чтобы осмотреть эту землю; в том числе были Иисус Навин и Халев. Когда они оттуда возвратились, то два из них, Иисус Навин и Халев, хвалили эту землю, а остальные десять говорили, что хотя эта земля и плодородна, но ее никак нельзя завоевать: народ там живет очень сильный, города большие и весьма укрепленные, и их там всех перебьют. Евреи подняли плач и ропот, зачем их напрасно вывели из Египта. Моисей с Аароном и Иисус Навин с Халевом стали уговаривать всех и сказали, что нужно верить и надеяться на Бога и что если Он прежде во всем помогал им, то поможет и теперь. Народ не слушал их и хотел даже побить их камнями. За то, что евреи так мало веровали в Бога и мало надеялись на Его помощь, Бог объявил им, что они

должны опять воротиться к Чермному морю, снова путешествовать по пустыне и войдут в землю Ханаанскую не ранее, как пройдет сорок лет после их выхода из Египта.

Во время этого сорокалетнего странствования евреи в одном месте за свой ропот на Бога были наказаны появлением мпожества змей. От их ядовитых укусов погибло много народа. Евреи раскаялись и упросили Моисея помолиться о них Богу. Бог смилостивился и повелел ему сделать медного змия и повесить на знамя. Кто из укушенных успевал с верою взглянуть на него, тот исцелялся. Этот медный змий служил прообразом распятого на кресте Иисуса Христа, спасающего всех, с верою взирающих на Него.

Когда 40 лет прошло, Моисей подвел евреев к обетованной земле, издали полюбовался на нее и умер на горе Навав. Он написал первые пять священных книг Ветхого Завета. В них он описал все, что было от сотворения мира вплоть до его смерти. После него сделался вождем народа еврейского Иисус Навин.

18. Иисус Навин, вступление евреев в обетованную землю, завоевание и разделение ее.

Иисусу Навину Господь помог ввести народ еврейский в землю обетованную и завоевать ее. Когда Иисус Навин подошел с народом к реке Иордану, священники, по повелению Божию, взяли кивот завета и едва вошли в воду, как она расступилась, и весь народ свободно перешел на другой берег. Когда потом евреи под начальством Иисуса Навина стали завоевывать города земли Ханаанской, они увидели, что город Иерихон окружен высокими и крепкими стенами, и потому его никак нельзя завоевать. По указанию Божию священники в предшествии вооруженных воинов и в сопровождении народа несколько раз обнесли вокруг города кивот завета, и стены иерихонские обрушились до основания при трубном звуке священников и громком восклицании всего народа.— После завоевания Ханаанской земли Иисус Навин разделил ее на двенадцать участков по числу колен, или, что то же, племен народа израильского, и дал каждому колену по участку.

19. Судии.

(с 1550-го по 1100-й год до Рожд. Хр.)

По смерти Иисуса Павина евреи начали заводить дружбу с язычниками, и язычники вовлекли их в идолопоклонство. За это Бог наказывал евреев. Соседние языческие народы побеждали их и подчиняли своей власти. Евреи много бед терпели от них. Но такое несчастье вразумляло их и заставляло вспоминать опять о Боге. Когда они раскаивались в своих грехах, Бог посылал им избавителей, которые известны под именем *Судей Израилевых*. По Божьему велению эти судии принимали начальство над евреями, побивали врагов и доставляли евреям спокойствие. Таких судей было у евреев в разное время тринадцать. Особенно замечательны из них: *Гедеон, Самсон и Самуил*.

1) Однажды на евреев напали мадианитяне. Евреи обратились с раскаянием к Богу, и Он послал им избавителя, Гедеона. Сам Гедеон хотел было скрыться куда-нибудь от врагов и стал молотить пшеницу, чтобы взять ее с собою на дорогу для пропитания. Вдруг ему явился ангел Господень и от имени Божия повелел собрать войско и идти против врагов. Гедеон собрал 32 тысячи человек. Но, чтобы евреи после не могли подумать, что победа над врагами зависела от их силы, Бог сказал, что этого слишком много, и велел отпустить домой всех боязливых и робких. Тогда у Гедеона осталось только 10 тысяч. Бог сказал, что и этого много. Он велел подвести их к реке и взять с собою только тех, которые будут пить воду горстью, а не прямо из реки. Оказалось, что пивших горстью, как более терпеливых, было только триста человек. И с этими-то тремястами человек Гедеон без всякого оружия и только с одною надеждою на помощь Божию победил бесчисленное множество врагов. В полночь, когда враги спали, он дал каждому из своих воинов по трубе, по светильнику, или факелу, и по пустому кувшину для прикрытия этих светильников, чтобы враги не приметили света. Потом он подошел к неприятельскому лагерю и поставил вокруг него своих воинов. По данному знаку, вдруг они разбили свои кувшины, засветили факелы, затрубили в трубы и громким голосом воскликнули: «Меч Господень и Гедеонов!» Враги испугались, думая, что на них напало очень большое войско. В смятении и темноте они начали убивать друг друга, а остальные хотели убежать, но их догнали и перебили. Весь лагерь и все имущество врагов достались победителям. В благодарность за избавление от врагов евреи предлагали Гедеону царский венец. Но он отказался от этого и сказал: «Пусть Сам Бог царствует над вами!»

2) После смерти Гедеона евреи опять забыли Бога, и Бог предал их в руки филистимлян, которые долго не давали им покоя. Когда же евреи обратились с раскаянием к истинному Богу, Он дал им избавителя. Это был *Самсон*. С самого рождения своего Самсон, по наставлению ангела Господня, был посвящен своими родителями Богу и в знак этого не должен был стричь своих волос. Когда Самсон пришел в возраст, у него оказалась необыкновенная телесная сила, данная ему Богом. Раз он схватил за пасть льва, напавшего на него в поле, и разорвал его руками надвое; в другой раз ослиною челюстью убил до тысячи филистимлян. Однажды жители филистимского города Газы узнали, что Самсон пришел в их город и остался в нем ночевать. Они сговорились подстеречь у городских ворот возвращение Самсона и убить его тут. В полночь Самсон проснулся, подошел к воротам и, увидев, что они заперты, схватил и поднял их вместе с запором, положил на свои плечи и отнес на вершину близлежащей горы. Филистимляне не могли понять, откуда у Самсона такая сила. Но филистимлянка Далила, которую он полюбил, выведала от него, что он посвящен Богу и что если остричь ему волосы, то он делается бессильным. Когда Самсон уснул, она остригла его и кликнула филистимлян. Они взяли его, выкололи ему глаза и посадили в темницу. Там он очистил свою душу покаянием и у него опять отросли волосы, а вместе с ними воротилась и его сила. Однажды филистимляне привели Самсона в капище (то есть идольский храм) и стали смеяться над ним и над Богом, Которому он поклонялся. Тогда Самсон решился пожертвовать своею жизнью, чтобы наказать врагов народа еврейского. Он попросил подвести его к столбам, на которых держалось все здание, и, призвав Бога на помощь, уперся в них руками с такою силою, что сдвинул их со своих мест, и вдруг все здание обрушилось и задавило до трех тысяч филистимлян, а также и его самого.

3) *Самуил*, пророк и судья, с малолетства был посвящен на служение Богу при скинии. Бог открывал чрез него Свою волю людям, помог ему очистить землю еврейскую от филистимлян и уговорить евреев к прославлению истинного Бога. Евреи очень любили его, и он управлял ими хорошо. Под старость Самуил поручил своим сыновьям управлять ими. Его сыновья не были похожи на него. Они брали подарки с подсудимых и часто виновных оправдывали, а невинных осуждали. Евреи сказали Самуилу, что они недовольны его сыновьями и хотят, чтобы у них с этих пор, по примеру других народов, были цари, которые постоянно управляли бы ими. Самуил обратился с молитвою к Богу, и Бог сказал ему, что на другой день придет к нему человек, которого он должен помазать в цари народа еврейского.

Что означают имена? *

А. В. Суперанская,
доктор филологических наук

Означают ли что-нибудь наши имена? Этот вопрос интересует многих читателей. Иногда полагают, что в именах содержится какое-то неведомое, таинственное значение, которое следует непременно узнать.

Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо остановиться на различии имен собственных и нарицательных. И те, и другие — полноправные слова нашего языка, но имена нарицательные служат нам своим значением, а имена собственные — звучанием. Вот почему при переводе на другой язык имена нарицательные заменяются соответствующими им словами, а имена собственные передаются по звучанию: *Джон* и *Мери* поехали в *Лондон*.

Чтобы показать, насколько значение имен не влияет на характер сообщения, заменим их другими словами: *молодой человек* и *девушка* поехали в *столицу*; *он* и *она* поехали в *город*; *А* и *В* поехали в *С*. Смысл фразы сохранился, но она утратила конкретность: *некие лица* поехали в *какую-то точку* на земной поверхности.

Значит, имена собственные придают высказыванию определенность, конкретность. Если нас интересует лишь то, что случилось в дороге с какими-то людьми, для нас не имеет значения, как их звали. Но если нам необходимо узнать, кто именно и куда поехал, *Джон* или *Ваня*, в *Лондон* или в *Москву*, мы непременно обращаемся к собственным именам.

Таким образом, собственные имена служат для индивидуализации личностей, а также географических и иных объектов, которые рассматриваются особо, отдельно от прочих. В отличие от них, имена нарицательные способствуют общению отдельных предметов в целый класс аналогичных и даются любому представителю класса. Например, любой крупный населенный пункт можно назвать городом, любую молодую особу женского пола — девушкой, любого взрослого человека мужского пола — мужчиной.

* Продолжение. Начало см.: Русская речь. 1991. № 1,

Представим себе, хотя бы на минуту, что все собственные имена исчезли... Учитель в школе не знает, кого спрашивать и кому ставить отметки, мастер на производстве не может рассчитать зарплату, поезд движется в непредсказуемых направлениях, полное замешательство на городском транспорте. Одним словом, почти как в сказке: «Пойди туда, не знаю куда».

Идентифицирующая роль личных имен, фамилий и географических названий делает их незаменимыми маркерами и в таких официальных документах, как свидетельство о рождении, паспорт, постановления и решения государственных органов, дипломатическая переписка, а также в словарях, справочниках, энциклопедиях, специальных списках различного назначения и т. д.

Поскольку имена собственные в документах имеют юридическую силу, то и написание обретает юридическую значимость. Это легко проверить на простом примере: выдаст ли почтовое отделение посылку или денежный перевод человеку, у которого в паспорте написано *Свищев Косма Стефанович*, а на бланке перевода — *Свищову Кузьме Степановичу*; или — *Арсеньева Матрена Константиновна*, а на посылке — *Арсентьевой Моте Костентинне*. По-видимому, на этот вопрос нельзя ответить однозначно: многое зависит от личности почтового оператора и получателя. Нам известен случай, когда человек, живя на Украине, «писался» *Микола*, а после переезда в Краснодарский край был записан *Николаем*. Ему пришлось долго хлопотать о получении пенсии, поскольку часть его трудового стажа пришлось на *Миколу*, а часть — на *Николая*, а сотрудники собеса сочли, что не все из предъявленных документов принадлежат ему. У юристов есть даже особый вид деятельности — подтвердить принадлежность документов определенному лицу на основании различных данных, в том числе и идентичности форм имен. В помощь им языковеды составляют словари-справочники личных имен, где, помимо официальных форм имен, представлены также и неофициальные — народные, разговорные, сокращенные и т. д.

Убедившись, насколько важны имена собственные для человека, мы вправе высказать предположение, что они существовали всегда, потому что невозможно представить себе язык, в котором не было бы собственных имен. Очевидно, они существуют с тех пор, как человек стал считать себя человеком и пользоваться языком как средством общения. Имена собственные — это часть языка, они, как правило, состоят из тех же звуков, слогов и прочих элементов, что и другие слова.

Возникает вопрос, что появилось раньше, имена собственные или варицательные. Возможно, они создавались одновременно, за-

имствуя друг у друга языковой материал. Ведь и в наши дни мы нередко оказываемся свидетелями того, как оди́н тип имен переходит в другой. Сравните: *Дон Кихот* — герой романа Сервантеса и *донкихот* — трогательный, бескорыстный, немного чудаковатый борец за справедливость; *сибиряк* — житель Сибири и *Сибиряк* — фамилия; *городок* — маленький город и *Городок* — название города. Следует предположить, что подобный обмен между именами собственными и нарицательными, а также между именами собственными разных категорий происходил постоянно, с самых древних времен. И сейчас в нашем языке есть собственные имена, образованные от имен нарицательных и от других собственных имен.

Необходимо отметить многоступенчатость перехода имен нарицательных в собственные, вследствие чего трудно бывает определить, когда и от какого слова произошло то или иное имя собственное. Например, русская фамилия *Башмаков* происходит от слова *башмак*. Но между *башмаком* — обувью и фамилией *Башмаков* располагается ряд промежуточных форм. Само слово *башмак* заимствовано из тюркских языков. Но фамилию *Башмаков* нельзя считать татарской или ногайской, потому что весь путь от слова к фамилии осуществлялся по нормам русского языка.

Прежде всего слово *башмак* стало именем или прозвищем человека — *Башмак*. Почему название обуви стало именем человека, сказать трудно. Возможно, у кого-то форма носа или губ напоминала башмак, иной был занят в сапожном деле. Наконец, в определенных условиях существовала традиция давать имена по разного рода предметам: *Ухват*, *Кочерга*, *Корчага*, *Подушка*, *Армяк*... Имя *Башмак* могло возникнуть в этом ряду. К сожалению, у нас нет возможности восстановить ситуацию, в которой происходило становление имен, поэтому ответить на поставленный вопрос мы можем лишь предположительно.

Еще труднее судить о происхождении традиционных русских имен. Ведь почти все они заимствованы из Византии вместе с христианством. Они включены в календари, приурочены к определенным дням года, поэтому и называются календарными. Все они — очень древние образования, служившие именами задолго до включения в календари. Поэтому мы не имеем права однозначно возводить их к какому-нибудь слову, например, *Валентина* — *здоровая*; *Виктор* — *победитель* и т. д. Слова, от которых образовались эти имена несколько тысяч лет назад, могли иметь эти значения наряду с прочими. Но эта связь далеко не так прямолинейна. Прежде всего существует немало многозначных слов,

например, греч. *глафюре*, откуда происходит наше имя *Глафира*, означало *изящная, искусная, утонченная*. Какое из этих значений способствовало тому, чтобы слово стало именем? Возможно, никакое; возможно, превращению в женское имя слово обязано лишь мелодичности своего звучания и положительности эмоций, вызываемых всеми значениями этого слова.

Но важно и следующее: отмежевываясь от имени нарицательного и став собственным, имя развивается независимо от значения тех элементов, которые формируют смысл имени нарицательного. Например, фамилию *Репин* мы не ставим в ряд с *Картошкин, Морковкин*, а с фамилиями художников *Нестеров, Федотов, Тропинин, Васнецов*; фамилия немецкого философа *Фихте* (по-немецки *фихте* значит *сосна*) попадает в ряд с фамилиями *Гегель* и *Кант*, а не *Бирке* (*береза*), *Танненбаум* (*ель*). Значит, человек и его деяния уводят его имя (фамилию) от тех слов, от которых оно когда-то образовалось, объединяют с именами других людей, родственных ему по духу, ведут к перестройкам имен собственных на основе совершенно иных закономерностей.

И тем не менее, можно выделить ряд универсальных факторов, к которым люди обращались и продолжают обращаться при создании имен. Это — внешний вид человека, ср. древнерусские имена *Большой, Долгий, Малыш, Толстик, Худышка*, греч. *Платон* (широкоплечий), лат. *Лонгин* (длинный); черты характера: древнерусские имена *Добрый, Щедрый, Скупой*, ср. арабское *Рахман* (милосердный). При именовании людей во все эпохи обращались к названиям животных; правда, причины этого были различными. Согласно древнейшим тотемистическим верованиям, тот или иной род людей вел свое происхождение от определенного вида животных, чьим именем и звался. Таковы древнерусские имена *Волк, Заяц, Лебедь, Скворец* и др. В позднейшее время прозвища типа *Волк, Медведь, Заяц, Лиса, Гусь* и т. д. могли даваться метафорически, на основе некоторого сходства человека с определенным животным.

В древние времена была традиция именовании человека по малоценным предметам «от глаза», чтобы предохранить ребенка от порчи. На иных этапах развития общества обращались к звонким, пышным именам, чтобы прославить человека через его имя. Например, у древних греков имена *Ипатий* (греч. *хипатос* высочайший), *Ириней* (*иринеос* мирный), *Кир* (*кирос* власть, право, сила), *Василий* (*басилейос* царственный), *Георгий* (*георгос* земледелец) были образованы, казалось бы, от простых слов греческого языка. Но все это — эпитеты Зевса, верховного бога греков. Таким образом, давая подобное имя, греки думали не о тех нарицатель-

ных именах, которые лежали в основе этих эпитетов, а стремились прославить себя и свой род, приближая себя к Зевсу или какому-либо другому богу, чей эпитет также использовался в качестве личного имени человека.

В русской практике неоднократно наблюдалось нечто подобное. Например, первый русский герольдмейстер *Колычев*, чей род происходил от человека по имени *Кобыла*, жаловался, что переписчики якобы исказили имя его родоначальника, который на самом деле звался *Кампила* и приехал на царскую службу из чужих краев. Идея «выезда» из чужих земель служила своеобразным доводом в пользу знатного происхождения. И сейчас люди с фамилиями, кажущимися им недостаточно звучными, пытаются переставить в них ударение, объяснить их как якобы польские, французские и т. д.

Итак, наши имена означают прежде всего, что они имена, то есть своеобразные метки, помогающие выделять каждое живое существо или место на земной поверхности и служащие нам своим звучанием (написанием), а не нарицательным значением слов, из которых они были когда-то созданы. Отмежевавшись много веков назад от имен нарицательных, имена собственные развивались по своим закономерностям. Особенно важно подчеркнуть юридическую значимость имен собственных и необходимость писать их единообразно во всех документах, которые человек получает на протяжении своей жизни.

Зевс и его эпитеты

Верховным божеством у греков считался Зевс. В греческой мифологии находим многочисленные истории, связанные с ним. Например, превратившись в быка, он похитил Европу; превратившись в лебедя, явился к Леде и сделался отцом Елены Прекрасной, Кастора и Поллукса. Но были у него и свои обязанности и функции, благодаря чему он получал разнообразные эпитеты. Имя Зевса и его эпитеты легли в основу многих имен, которыми звались греки. Ряд этих имен впоследствии был заимствован русскими.

Прежде всего — само имя *Зевс*. При его склонении в греческом языке наблюдалось чередование основ. В именительном падеже *Зевс* (*Zeus*), а в родительном — *Диос*, последняя форма дала имя *Дий*, разговорное *Дей*, которое входило в число традиционных русских. Варианты его в русском языке *Деян* и *Диян*, откуда, в частности, фамилии *Деянов* и *Дианов*.

Зевс охотно помогал труженикам, покровительствовал земле-

делию, в особенности — разведению маслин. Поэтому одним из эпитетов Зевса был *Георгос* — земледелец. Отсюда наше имя *Георгий*.

Греки называли своих богов лучшими и бессмертными. Отсюда их эпитеты *Аристос* и *Афанатос* и наши имена *Арист* и *Афанасий*. По преданию, местом их пребывания была гора Олимп в Греции. Поэтому богов называли также олимпийцами; ср. наши мужские имена *Олимп* и *Олимпий* и женские *Олимпия* и *Олимпиада*.

Кроме этого, в отдельных частях древнего мира многие греческие боги имели свои местные названия, которые в процессе объединения Греции добавлялись к старым эпитетам. Если сравнить список традиционных русских имен с различными добавочными именами Зевса, обнаружатся и другие параллели, которые намного увеличивают древность наших имен как особых специальных слов. Таковы имена *Агафий*, *Аникита*, *Арис*, *Аристарх*, *Вакх*, *Василий*, *Дионис*, *Фалассий*, *Каллиник*, *Кирий*, *Харитон* и ряд других.

Из древней истории мы знаем, что *Дионис* у греков, а *Вакх* у римлян почитались как самостоятельные божества, покровительствующие вину, веселью, поэтическому вдохновению. Но, по видимому, эти позднейшие, младшие божества развились как вспомогательные в связи с тем, что Зевс покровительствовал разведению винограда. Имя *Агафий* связано с греч. словом со значением *благо*, *добро*. В русской традиции преобладает женская форма этого имени *Агафья*. Имя *Аникита* состоит из отрицания *а* и основы слова со значением *побеждать*, то есть непобедимый. Ср. имя *Никита*, связанное со словом *победитель*. Имя *Арис* связано с глаголом *мстить*: мститель. Имя *Аристарх* образовано от основ слов *лучший* + *повелитель*; имя *Василий* — от слова *царственный*; *Фалассий* — от слова со значением *морской*; *Каллиник* — от основ слов со значением *прекрасный* и *побеждать*. От эпитета Зевса *Кирий* образовано традиционное русское имя *Кир*. Оба имени связаны с греческим словом, обозначающим *власть*, *право*, *силу*. Имя *Харитон* образовано от слов со значениями *красота*, *слава*, *благосклонность*.

Удивительно и то, что многие эпитеты греческого Зевса аналогичны эпитетам арабского Аллаха; это говорит о глубокой древности процесса формирования имен.

Е. С. Отин,
доктор филологических наук

Город Харьков, областной центр в СССР, находится на одновименной реке, впадающей в Лопань — один из притоков реки Уды (или Уда) в бассейне Северского Донца, который, начинаясь в Белгородской области РСФСР, протекает через несколько областей восточной Украины и впадает в Дон в пределах Ростовской области РСФСР ниже Цимлянского водохранилища. Одноименность города и реки вызывает вопрос о том, какой из омонимичных топонимов появился вначале, а какой позже — уже как повторение более раннего названия. Единства во взглядах здесь нет. Одни допускают, что вначале появился гидроним (Городские поселения в Российской империи. Т. 5, ч. I. СПб., 1883; Никонов В. А. Краткий топонимический словарь). Другие, наоборот, считают, что вначале возникло поселение с названием *Харьков*, которое затем перешло на протекавшую рядом речку (Семенов А. Географическо-статистический словарь Российской империи, Т. 5. СПб., 1885). Н. Костомаров, ссылаясь, как и все другие, на бытующее народное предание, название *Харьков* производит от *Харькоб*, рассматривая данный антропоним как «сокращенную» форму от *Захарько* (<*Захар*), не касаясь вопроса о том, какое название — города или реки — появилось раньше (Костомаров Н. Предания первоначальной русской летописи. — «Вестник Европы». СПб., 1873, т. I). Были попытки объяснить топоним *Харьков* и на основе неславянских языков. Историк Н. Я. Аристов название *Харь-*

ков выводил из имени половецкого города *Шарукань* – через «промежуточные» варианты *Харькань*, *Гаркань* и *Каркань*. Этот топоним, по его мнению, был «переименован малороссийскими казаками на свой лад и неверно произведен от казака Харько» (Аристов Н. Я. О земле Половецкой. Киев, 1877). Точка зрения Н. Я. Аристова позднее получила поддержку со стороны А. А. Потебни (Известия XII археологического съезда в Харькове, № 14, 1902). Н. Я. Марр возводил название *Харьков* к этнониму *харсар*, *хазар* (Марр Н. Я. Избранные работы. Т. 5). Совсем недавно против «традиционного выведения топонима *Харьков* (укр. *Харків*) от собственного имени *Харько* (укр. *Харко* – от *Харитон*)» выступил И. Г. Добродомов. Его главный аргумент: «несовпадение ударения в предполагаемом этнониме и анализируемом топониме» (Здійснення лєнінської національної політики на Донбасі. Тези доповідей і повідомлень республіканської наукової конференції. Донецьк, 1990). Название реки *Харьков* он выводит из гипотетического аланского названия местности *Хаер-кіеу* «большая область (пастбище)», которое, по его мнению, «хорошо объясняет особенности ударения современного названия города Харьков».

Названия реки и поселения на ней в документах появляются примерно в одно время – в начале XVII ст. О реке *Харькова* (*Харкова*) сообщается в «Книге Большому чертежу» – описании несохранившейся карты России начала XVII в., составленном в Разрядном приказе в 1627 г.: «а в *Харькову* пала речка *Лопань*». Позднее эта форма гидронима женского рода повторится в ряде источников XVII в. и будет встречаться до первой половины XIX в. [Акты Московского государства. Т. 2. СПб., 1894; Книга, представляющая часть Харьковского и Воронежского наместничества по смежности с Азовскою губерніею. Сочинена июля 21 дня 1781 года. Рукопись. Центральный государственный военно-исторический архив (далее – ЦГВИА)]. Уже в XVII в. появляется хорошо известная и в наше время форма женского рода *Харьковка*, распространенная суффиксом *-ка*, образование которой было вызвано тенденцией к расподоблению с омонимичным названием города (ср. аналогично: р. *Изюмец* – г. *Изюм*, р. *Торец* – г. *Тор*, р. *Орлик*, в прошлом *Орел* – г. *Орел* и др.).

Чем же вызвано широкое употребление варианта мужского рода *Харьков*? Мы придерживаемся традиционной точки зрения о славянском – антропонимном происхождении топонима *Харьков*: от сокращенной формы *Харько* из полного имени *Харитон*. К сожалению, эта версия в топонимической науке не получила должной разработки (как, впрочем, и противостоящие ей гипотезы, доказательная сила которых невелика). В донской гидрони-

мии, а также, например, гидронимии Днепра и Оки отмечены и другие названия водотоков с этой антропонимной основой. Например: *Харьковка* (Маштаков П. Л. Список рек Днепровского бассейна. СПб., 1913); овр. *Харьков* — верховье протока Рутки (План окрестностей г. Чугуева, 1845 г., ЦГВИА); *Харьковской* — в устье р. Осетр, правый приток (Смолицкая Г. П. Гидронимия бассейна Оки. М., 1976); овраг *Харьковской* — прав. приток реки Тысья, прав. приток Оки (там же) и др. Следует иметь в виду также и то, что в образовании названий мелких гидрообъектов принимал участие и другой вариант сокращенной формы антропонима *Харитон* — *Харя*. Он, правда, отсутствует в «Словаре древне-русских личных собственных имен» Н. М. Тупикова (СПб., 1903), но зарегистрирован в ряде документов XVII в., например, в одной из перечневых выписей о селах и деревнях Троице-Сергиева монастыря в Радонеже 1503/1504—1540 гг. (Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV — начала XVI в. Т. I М., 1952), в некоторых юридических документах этого периода: «Жалоба ми, г(осподи)не, на Овдрея Иванова сына Кохтина, да на Фому на Баршу Евсеева сына, да на *Харю* на Далеева» (1548 г.) [Акты, относящиеся до гражданской расправы древней России. Собрал и издал А. Федотов-Чеховский. Киев, 1860]; в писцовой книге конца XVI в.: «и *Харя* умер въ 89-мъ году» (Майков В. В. Книга писцовая по Новгороду Великому конца XVI в. СПб., 1911) и др. Отражения этой производной формы от имени *Харитон* мы обнаруживаем в таких гидронимах, как: овр. *Харин* — в бассейне Жиздры, лев. приток Оки (Смолицкая Г. П. Указ. соч.; характерно, что рядом находится овр. *Ларин*, от *Ларя* из *Ларион*); речка *Харина* — лев. приток Красной, лев. приток Северского Донца, прав. приток Дона (она же ручей *Харин*, *Харина долина*), на берегу которой в середине XIX в. было село *Харино* (оно же Свистуновское). Самая ранняя фиксация последнего названия относится к 1792 г. на карте Воронежского наместничества в «Российском атласе» 1792 г.

Застывшая в современном гидрониме форма мужского рода отантропонимного притяжательного прилагательного объясняется тем, что это прилагательное когда-то определяло народный географический термин *колодезь* «речка, ручей», широко распространенный в XVII—XVIII вв. в живой речи и в гидронимии южно-русских губерний, а также на территории Слободской Украины — исторической области, в состав которой входили земли нынешних Харьковской и частично Сумской, Донецкой, Луганской, Белгородской, Курской и Воронежской областей. Об этом свидетельствует частое его употребление в текстах того времени, например: «лео

большой по колодезю вверх» (1615 г.), «от реки от Воропежа вверх колодезем» (1629 г.) и т. д. (Материалы для истории Воронежской и соседних губерний. Воронежские писцовые книги. Т. 2. Воронеж, 1891). Верхнее Придонецье в старину изобиловало названиями водотоков, в состав которых включался гидрографический термин *колодезь*. Только на участке до устья правого притока Северского Донца реки Мож, следующего (после реки Уды) крупного его притока, нами зарегистрировано, по документам XVI–XVII вв., более пятидесяти названий с этим термином: *колодезь Муром (Муром-колодезь), Смородинный колодезь, Болховой колодезь, Заморный колодезь, Синий колодезь (или просто Колодезь), Салтовской колодезь, Каганский колодезь, Опоков (Апоков) колодезь, Малиновый колодезь, Ледный колодезь, колодезь Немышля, колодезь Жихорь, Студенок-колодезь, Вязовой колодезь, Люботин колодезь* и др., среди которых имеются и составные гидронимы с отантропонимными притяжательными прилагательными, например, *Хорошев колодезь (от Хорош), Сорокин колодезь (от Сорока), Угрим-колодезь (Угрымский колодезь)* и др. В пояснении нуждается последнее название, которое, очевидно, связано со старинным личным именем *Угрим*, употребление которого в документах XV–XVII вв. богато проиллюстрировано в словаре Н. М. Тушикова. Ср. еще: «*Угримъ* Феодоровъ сынъ Кутусова» (Акты, относящиеся до гражданской расправы древней России, XV в.); «белгородец Тит Анофриев, сын *Угримовъ*» (1668 г.). [Материалы для истории колонизации и быта степной окраины Московского государства (Харьковской и отчасти Курской и Воронежской губ.) в XVI–XVIII столетии, собранные в разных архивах и редактированные Д. И. Багалеем. Харьков, 1886] и др. Как свидетельствует последний пример, антропоним *Угрим* в XVII в. был известен и в антропонимиконе населения Слобожанщины. Возник он, вероятно, из *Угрин* (кстати, такое личное имя отмечено Н. М. Тушиковым в двух документах XVI в.), скорее всего, от этнонима *угрин* «венгр» с суффиксом *-ин*, как, например, из этнонима *отин*, или *вотин*, со значением «удмурт». От *воть/отъ* – собирательного этнонима со значением «вотьяки, удмурты» – впоследствии образовалось прозвище, сохранившееся в современной фамилии *Отин*. Замена конечного *н* на *м* отмечена в отдельных словах, например, *бардадым* «здоровяк; недотепа; король черной масти (в картах)» из *бардадын*, сохраняемой белорусским языком формы, восходящей к польск. *bernardyn* «монах ордена св. Бернарда» (Этимологічний словник української мови. Т. 1. К., 1982). Определенную роль здесь могла сыграть тенденция к расщеплению личного имени и этнонима в процессе перехода по-

следнего в антропоним, т. е. когда присвоение имени *Угрин* уже не связывалось с этнической принадлежностью или соотносительностью его носителя. Первоначальной формой гидронима, очевидно, было определительное словосочетание *Угримов колодезь*, как и *Жижарева колодезь* — от *Жижарь*, *Жижорь* < *жижарь*, русского диалектного слова с множеством значений, среди которых и «насмешник; обидчик», «веселый, разбитной парень» (Словарь русских народных говоров). Впоследствии в этих описательных образованиях прилагательные утратили свои суффиксы (как, например, *Иваново озеро* в истоках Дона изменилось в *Иван-озеро*, *озеро Иван*). Уже в гидронимии Придонечья XVII в. эти названия употреблялись в деформированном состоянии: *Угрим-колодезь*, *Жижорь-колодезь*, после чего стала возможной и перестановка их частей (*колодезь Угрим*, *колодезь Жижорь*) и, наконец, употребление их без определяемого термина (*Угрим*, *Жижорь*).

Подавляющее большинство когда-то составных гидронимов с компонентом *колодезь*, относящихся к вышеуказанному региону, впоследствии теряют этот термин, и в гидронимии Придонечья более позднего времени, судя по дошедшим до нас документам, стали употребляться их более поздние варианты (нередко с другими терминами — *яр*, *овраг*, *балка* и т. д.), часть из которых испытала вторичную суффиксацию, например: вместо *Болховой колодезь*, *Студеный колодезь*, *Разрытый колодезь*, *Никольский колодезь*, *Ледяной колодезь*, *Проходной колодезь*, *Ольховой колодезь* — *Болховец*, *Студенок*, *Разрытая*, *Никольский яр*, *овраг Ледяной*, *балка Проходная*, *Ольховец* и др. Примечательно, что в ряде случаев утрата термина не приводит к смене грамматического рода притяжательного прилагательного, обусловленного грамматическим родом термина. Так было, например, с гидронимом *Булавин*. В настоящее время такое название носит левый приток Крышки, правого притока Миуса, впадающего в Таганрогский залив Азовского моря. Этот приазовский гидроним, вначале представлявший собой притяжательное прилагательное — от прозвищного имени *Булавá*, прошел следующие этапы своего развития: *Булавин колодезь* (эта структура отмечается рукописными картами XVIII в., хранящимися в ЦГВИА и Центральном государственном архиве древних актов) > *Булавин* (современная форма названия реки). О сильном влиянии рода термина на форму связанного с ним гидронима свидетельствуют и факты изменения суффиксального исхода в названии другого, расположенного рядом с рекой Харьков (но выше ее), притока реки Уды — *Лопань*. В Книге Большому чертежу и в других источниках XVII в., например, в «Росписи польским дорогам», составленной в период

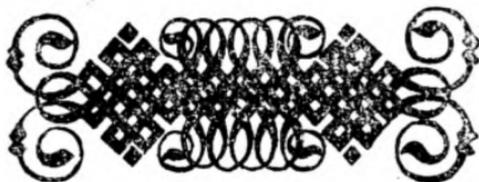
царствования Федора Ивановича, неоднократно встречается вариант гидронима *Лопин* (из колодезь *Лопань* или *Лопань-колодезь* > колодезь *Лопин* или *Лопин колодезь* > *Лопин* (например: «верх Угрима и Лопина» (1629 г.) [Акты Московского государства. Т. I. СПб., 1890]; «по Харькову и по Лопину», «от реки Лопина вверх» (Материалы для истории колонизации и быта...) и др. Аналогичным образом термин *река, речка* воздействовал на переформление этого названия-существительного в название-прилагательное: «от *Лопиной*», «а в *Харькову* (такой же результат влияния термина. — Е. О.) пала речка *Лопина*» (Книга Большому чертежу).

По этой же причине современный гидроним *Харьков* сохраняет старую форму мужского рода. В его основе лежит не зарегистрированное документами составное название *Харьков колодезь*, типичное для гидронимии верхнего Приднестря XVII—XVIII вв. Дальнейшее развитие гидронима было связано не только с утратой термина, но и с оттяжкой ударения на первый слог, что привело к расподоблению географического имени с формой притяжательного прилагательного от украинского и русского народного личного имени *Харько*. Процесс расподобления посредством изменения места ударения отмечается не только при столкновении омонимичных собственных имен с нарицательными (например, *пески* и *Пёски*, *снежное* и *Снежное*, *рогач* и фамилия *Рогач* и т. д.), но и у самих собственных имен при необходимости разграничить имена разных видов и разрядов (например, имена *Богдан*, *Борис* и фамилии *Богдан*, *Борис* и т. д.). Оттяжке ударения могло способствовать и параллельное употребление сокращенной формы *Харя* (от *Харитон*) с ее производным *хари* (-а, -о).

Все эти данные позволяют нам ответить на вопрос, какое название возникло раньше — реки или поселения на ней. Если поселения, то определяемой частью составного названия могли быть только слова *город* (*городок*) или *хутор*. Об укрепленном поселении с названием *Харьков* (<*Харьков город*) или о хуторе *Харькове* в конце XVI — начале XVII в. каких-либо сведений не сохранилось. Топоним *Харьков* мог возникнуть одновременно как название небольшого поселения — хутора, основателем которого был Харько, и протекавшей поблизости степной речки — колодезь, также получившей это отантропонимное определение. Наименования многих рек обнаруживают подобное «очаговое» происхождение. Возникнув в каком-то определенном месте, гидроним, имевший вначале локальную привязку и отразивший конкретную местную реалию (в данном случае — отношение к угольям, кото-

рыми владел Харько), постепенно распространяется на всю длину речного русла, становясь общим названием всей реки. Прямой перенос формы *Харьков* из *Харьков хутор* (или *городок*) на реку без опоры на гидрографический термин *колодезь* не привел бы к сохранению в течение столь длительного времени формы мужского рода, так как данное прилагательное обязательно испытало бы воздействие грамматического рода термина *река* (что в отдельных случаях и имело место, как об этом свидетельствуют рассмотренные ранее примеры из текста Книги Большому чертежу). Устойчивость формы мужского рода гидронима — свидетельство того, что это воздействие было сильным. Даже отсутствуя, благодаря пропуску, в гидрониме, он (*колодезь*) легко восстанавливался или продолжал оставаться в сознании его употреблявшего населения, так как сам гидроним *Харьков* функционировал в контексте других многочисленных названий с этим термином.

Донецк

А. Н. Шустов

Мы уже давно привыкли к иностранному слову *café*. Три с половиной века назад во Франции название «*Café*» означало «помещение, где продают кофе». Аналогично нашим магазинным вывескам: «Хлеб», «Мясо», «Овощи». Со временем значение слова *café* расширилось. Его история представляет определенный интерес, тем более, что началась она не во Франции...

Немецкие кондитерские лавочки, в которых можно было выпить порцию горячего кофе, получили в свое время название *Kaffeeschenk* — кофейный трактир, кабачок (в русском языке XVIII века *кофешенком* называлась придворная должность смотрителя за кофе и шоколадом). Одновременно возникло и другое существительное — *Kaffeehaus* (кофейный дом), заимствованное, как считают немецкие лексикографы, из английского языка (*coffeehouse*). Первые немецкие кофейни (*Koffeehaus*) по лондонскому образцу появились в конце XVII века в Гамбурге. В XVIII веке они получили широкое распространение не только как кондитерские, но и как «игровые помещения», где можно было сыграть в шахматы, бильярд и т. п. Несколько позже эти кофейные дома получили иное название, уже на французский манер: *Kaffee* (в Цюрихе с 1770 г.), а затем — *Café Français* — французское кафе (в Берлине с 1833 г.). Французские обычаи и мода, как видим, потеснили у немцев их местные названия.

Русские путешественники, выезжавшие за границу, естественно, познакомились в Германии с этими заведениями и позаимствовали их название, сняв лексическую кальку: Kaffeehaus – *кофейный дом*. По подобию уже существовавшего к тому времени названия российских казенных лавок – *питейный дом* (*кабак, шинок*). Но русские бывали не только в Германии. В XVIII веке ездили они и во Францию. Тамешние *café* они называли либо привычно *трактирами*, либо описательно – *кофейный дом*. В одной из старых комедий говорилось: «Он его видел в кофейном доме» («Переодевки Арлекиновы», 1733; написание *кафейный* показывает франц. влияние). Поэт В. И. Майков писал о Париже:

А если весело там время проводить,
Так должно по домам кофейным походить...

Елисей, или Раздраженный Вакх, 1769

Д. И. Фонвизин сообщал сестре из Франции: «Часто шатаюсь поутру по книжным лавкам и по кофейным домам, прихожу к графу Перигору...» (письмо от 31 дек. 1777). Десять лет спустя Н. М. Карамзин рассказал о посещении им аналогичного заведения, но уже сочетающего в себе элемент читальни: «Вместе с г. Левадом был я в „Cafe littéraire“ («Литературном кафе», как бы мы теперь сказали. – А. Ш.), где можно читать французские, английские и немецкие журналы. Я намерен часто посещать этот кофейный дом, пока буду в Лозанне» (Письма русского путешественника, 1789). Карамзин часто употребляет французское слово *café* в различных названиях, аналогичных приведенному выше, но для наименования кондитерской он использует только привычное словосочетание: в гостиницах, «кроме комнаты и услуги, ничего не имеется. Кофе и чай приносят вам из ближайшего кофейного дома» (там же). О кофейных домах писали и многие другие русские авторы.

Сочетание *кофейный дом* по-русски звучит, однако, двусмысленно: дом, где продают кофе; дом, где пьют кофе и, наконец, просто – дом кофейного цвета. Эта неоднозначность, кстати, отмечена в «Словаре Академии Российской» (ч. 3, СПб., 1792).

Напиток кофе был хорошо известен в России еще с середины XVII века; «...и паки пили кофе с сахаром» (Суханов А. Прокшицитарий, 1649–1653). В XV–XVII вв. Аравия была единственной страной, поставляющей кофейные зерна в Европу. Отсюда и происхождение названия: арабск. *qahwa* (от назв. эфиопск. геогр. области *Kaffa* – родины кофе), вошедшее в европейские языки, возможно, не без турецкого влияния – *kahve*. В русском заимствовано из английского – *coffee*.

В XVIII в. питье кофе (*кофепитие*) в России получило широкое распространение в состоятельных кругах общества. В примечании к своей второй сатире (1743) А. Д. Кантемир писал: «Лучший кофе приходит из Аравии, но и во всех Индиях тот овощ обилен. Всем уж у нас известно, что тот овощ сжарив, смолов мелко и сваря в воде, вместо завтрака служит, и прихотливым — в забаву после обеда». Во второй половине XVIII века кофе был известен уже не только как напиток. Среди дворянства было распространено гадание на кофейной гуще (*кофегадание*). И тогда же в языке возникли слова для обозначения «профессии» прорицательниц (мужчины этим не занимались): *кофегадательница* и *кофейница*. В своем сатирическом журнале Н. И. Новиков писал: «Кофегадательница достойна омерзения и гнева, потому что она есть обманщица» (Живописец, 1772).

За три с половиной века слово *кофе* сменило в русском языке множество письменных и разговорных форм: *кофей*, *кофий*, *кофа*, *кава*, *кафе*, *кафей*, *кефа*, *козей*, *кохвей*, *кохвий*, *кофь*... К нашему времени сохранились лишь *кофе* (самая древняя, с XVII в.), *кофей* и *кофий* (разговорные формы). Долгое время грамматический ряд слова *кофе* в русском языке был неустойчивым, что явно обуславливалось множественностью форм. В XVIII в. равноправно употреблялись формы мужского и среднего рода (а *кофь* относилась к женскому роду). В XIX веке нормой был исключительно мужской род, а в XX веке вновь (особенно в разговорной речи) появились рецидивы среднего рода. Современная литературная норма рекомендует лишь мужской род. (Подробнее об истории слова *кофе* — «Русская речь», 1972, № 2; см. также «Словарь русского языка», т. 4, вып. 8, Изд., 1914). Вернемся, однако, к *кофейному дому*.

Обычно русские лексикографы XVIII века французское слово *caf(f)é* «переводили» как *кафе*, *кофь*, *кофе* — «бобы», «а из них делается под именем кафе известное питье» (Волчков С. Новый лексикон., СПб., 1773; его же: Французский подробный лексикон., СПб., 1778). Кстати говоря, вариант *кофь* был достаточно активным в русском литературном языке XVIII в.: «Аксютка принесла кофь (так произносилось это слово в семействе Багровых)» (Аксаков С. Семейная хроника). Первый шаг к внедрению слова *кафе* в значении «кофейня» был сделан в «Российском с немецким и французским переводами словаре» И. Нордстета (1780). К словосочетанию *кофейный дом* автор дал эквиваленты: *Kaffeehaus* (нем.) и *caffé* (франц.)

К концу XVIII века заведения, подобные французским *café*, были уже и в Петербурге, но название они сохраняли старое, что

и отмечено в «Новом словотолкователе» Н. Яновского: «*Кофейный дом*, каковых в Петербурге довольно, есть публичный дом, в котором сходятся пить кофе, шоколад, ликеры, курить табак, играть в карты, в бильярд, читать газеты, трактовать о политических, экономических, коммерческих делах, для свидания и проч. и проч. Таковые дома большею частью служат местом собрания людей, проводящих время в праздности» (ч. 2, СПб., 1804).

Со временем в словосочетании *кофейный дом* второе слово для краткости стали отбрасывать, и прилагательное превратилось в субстантивированное существительное (с изменением грамматического рода) — *кофейная*. Новое слово легко вошло в ряд таких названий российской «сферы общественного питания», как *чайная*, *блинная*, *булочная*, *пивная* и т. п. Слово *кофейная*, хотя и продержалось в русском языке более столетия (оно встречается у П. А. Вяземского, И. С. Тургенева...), долгое время было как бы «незаконным». Академический словарь русского языка (1914) даже не приводит отдельной статьи на *кофейную*, считая это существительное синонимом *кофейного дома* и толкуя его как *кофейня*.

По данным «Этимологического словаря русского языка» (изд. МГУ, т. 2, вып. 8), слово *кофейня* зафиксировано под 1814 г. Пушкин писал, например: «Их можно всегда было видеть в кофейнях полутурецкой Бессарабии...» (Кирджали, 1834).

Казалось бы, новое название найдено. И все же словосочетание *кофейный дом* оказалось очень устойчивым; оно находилось в ином стилистическом ряду, чем *кофейня*, и перешло из XVIII в XIX век. Театрал С. П. Жихарев писал в 1807 г. о цеском машинисте сцены, который затем «сделался содержателем кофейного дома и загородного воксала». В апреле 1827 г. газета «Северная пчела» сообщала о том, что в Петербурге в Летнем саду «в большом каменном гроте устроен Кофейный дом». О *кофейных домах* писали В. К. Кюхельбекер (1820), А. И. Тургенев (1826, 1836) и другие. Как анахронизм это сочетание перевалило далеко за середину века: оно встречается в петербургских фельетонах Н. А. Некрасова и даже у Л. Н. Толстого (в «Отрочестве»).

В первой четверти XIX века в русский язык на смену *кофейному дому* и в противовес «вульгарной» *кофейне* русские галломаны вводят новое, более «элегантное» название, ставшее к тому времени интернациональным. Сначала оно писалось по-французски:

...не вечно, брат, рейнвейны
В Café de France ты будешь пить...

А. И. Полежаев. Сашка, 1825

Речь идет о петербургском «французском кафе». «Я отира-
вился завтракать в любимый мой café, на площадь...» (Турге-
нев А. И. Хроника русского, 1835).

К новому названию быстро привыкли. Оставалось совсем пе-
много — произнести транслитерацию. Это было несложно, по-
скольку предедит такого написания в русском языке уже имел-
ся: ведь в XVIII веке слово *кофе* писалось зачастую как *кафе*.
Таким образом, одновременно с французским café стали появ-
ляться и его русские «модификации». Поэт С. П. Шевырев в сти-
хотворном послании Н. В. Гоголю (1838) писал:

На улицах, на площадях, в кафе,
Где нараспашку виден итальянец...

Первое официально так названное кафе было открыто в
России в Петербурге в мае 1841 года известным кондитером До-
миником. В ассортименте были не только кофе, прохладительные
напитки и сладкие блюда, но к услугам посетителей предлага-
лись газеты на разных языках, шашки, домино, бильярд. Столич-
ная «Северная пчела» писала: «Кондитерским лавкам позволено
открыть так называемые кафе-рестораны на парижский образец».

Первые русские кафе, как и полагалось по их статусу, спе-
циализировались на десерте. Но уже в конце XIX века словом
кафе стали называться заведения, где можно было получить
простейшие закуски, а затем и обеды. В наши дни ассортимент
кафе настолько расширился, что они превратились в столовые
или небольшие рестораны, что и нашло отражение в словарях.
А слово *кофейня* из-за своей «узкой специализации» утратило
активность и получило в словарях помету: «устаревшее».

Когда в 1910-х годах во многих российских городах стали по-
являться различные поэтические кафе, возникло и соответствующее
прилагательное: «...стихотворцы уютянулись к импровизиро-
ванным кафедрам в разные кафе, отчего этот период русской
поэзии и называют иные «кафейным» (Брюсов В. Я. Вчера, сегод-
ня и завтра русской поэзии, 1922). Это же прилагательное встре-
чается у Вл. Маяковского: «...слова и губы и скулы кофейный
гомон сливал» (Кафе, 1925). Однако к языку оно не закрепилось.
Сейчас, да и то редко, употребляется иная форма: «...мой прия-
тель откинулся на спинку кофейного стульчика» (Смена, 13 сент.
1989).

Еще в конце XIX в. писатель П. Д. Боборыкин придумал шу-
точно-уменьшительную форму: *кафешка*. Ныне это слово после
многих лет забвения возрождается в языке: «...пужны маленькие
„кафешки“, барчики, ресторанички» (Литерат. Россия, 3 окт. 1986).

У этой формы появились и разговорные синонимы: *кафушка*, *кафеюшка*, а также «официальный» вариант — *микрокафе*.

Сегодня слово *кафе* является продуктивным для создания сложносоставных терминов, подчеркивающих функциональное назначение заведения: *видео-кафе*, *диско-кафе*, *джаз-кафе*, *кино-кафе*, *театр-кафе*, *хард-рок-кафе* и т. д. Многие из них зафиксированы в выпусках «Новое в русской лексике» и в картотеке автора статьи.

Ленинград

ЧИТАТЕЛЬ СПРАШИВАЕТ

«Что такое *sachet*? Из какого языка это слово, где ударение ставить? Увидела его на ценнике в галантерейном магазине (помому, на обыкновенной косметичке).»

И. Тарасова, Москва

Sachet (фр. *Sachet*) — это, во-первых, ароматическая подушечка, наполненная смесью твердых душистых веществ, которая кладется в белье или бумагу; и, во-вторых, это матерчатая сумочка или небольшой матерчатый конверт, украшенный рукоделием, для хранения носовых платков, расчесок и т. п.

Еще раз о кузькиной матери

И. Г. Добродомов,
доктор филологических наук

На мою статью «Кто такая *кузькина мать*?», опубликованную в № 1 журнала «Русская речь» за 1990 год, пришли читательские отклики с предложением новых объяснений истоков фразеологического оборота *показать кузькину мать* или общей критикой моих соображений.

С. К. Рязанцева из Перми вспоминает басню И. А. Крылова о ларчике, который «просто открывался», и далее излагает свою версию возникновения угрозы *показать кузькину мать*, которая, по ее мнению, «появилась без всякой мистики из-за очень простой житейской истории» и которую слышала мать читательницы в 20-х годах нашего столетия в селе Матышево тогда Аткарского или Камышинского уезда: «Где-то в начале XIX столетия в волостное управление пришла некая вдова и попросила найти управу на ее непутевого сына, непочтительного к старшим, ленивого и т. д. Ей сказали, чтобы она привела сына „Поговорим, высечем. Сразу в ум войдет“. По пути за сыном вдове стало жаль его, и она под каким-то предлогом привела чужого парня. Когда того стали упрекать в плохом отношении к ней, он сказал: „Что вы? Это же не моя мать. Это *Кузькина мать*!“ Сына вдовы звали Кузьмой. На это Кузькина мать воскликнула: „Ну вот! Видите, какой бессовестный: при народе и в таком месте от родной матери отказывается!“ Тогда старший из волостных в сердцах сказал: „Вот я покажу тебе Кузькину мать! Секите его“. Парня высекли. Чтобы избежать дополнительной порки, он вынужден был признать Кузькину мать за свою. Потом, конечно, об этой истории он не смолчал, и вскоре вся округа, а потом и вся Россия стала смеяться над этим происшествием».

Эта версия представляется весьма интересной и заманчивой, но остается совершенно бездоказательной. Она — яркий образец позднего художественного осмысления ходячих выражений в духе замысловатостей «народной этимологии».

Читателя Корюкина из Москвы удовлетворила лишь первая часть статьи, где излагались некоторые старые попытки объяснить происхождение загадочного выражения, для которых он хотел бы

получить оценку с точки зрения степени их вероятности. Но ведь все приведенные мною попытки носят чисто умозрительный характер, не опираются на достоверные факты, в них представлена лишь «народная этимология». Читателя удручают поиски источника для прилагательного в сочетании *кузькина мать* за пределами русского языка на базе коми-зырянского и коми-пермяцкого названия черта или лешего *кузь*, *кузьд*, которые представляют собою старые болгарско-чувашские заимствования в этих языках.

Моего критика смутило, вероятно, то, что после неудачи с объяснением выражения *показать кузькину мать* на чисто русской почве я вынужден был обратиться к такому не очень популярному источнику, как пермская ветвь финно-угорских языков, из которых в русском языке сравнительно мало заимствований. Но они все-таки есть, и нельзя загодя исключать для загадочной *кузькиной матери* возможных связей с ними, если основное внимание при анализе обращать на прилагательное, которое во все не обязательно исконным образом связано с собственным именем, как мы, вероятно, имеем дело и в жаргонном обозначении большого количества *до фени* (или *до черта*). Здесь мы совершенно безуспешно будем искать какую-либо связь с уменьшительной формой *Феня* от женских зачастую редких личных имен *Агриппина, Анфия, Еванфия, Ифигения, Каллисфения, Марфа, Трифена, Феодоза, Фекла, Фекуса, Феогния, Феодора, Феодосия, Феодотия, Феоктиста, Феонисия* и т. п. или от аналогичных мужских *Парфен(гий), Феогний, Феогност, Феодосий, Феопент* и т. п. Загадочная *феня* в жаргонном выражении *до фени—до черта* самым неожиданным образом обнаруживает поразительное соответствие в венгерском языке, где есть выражение *egy feqe, egy ördög* в значении «один черт, один дьявол» (Балашна Й. Венгерский язык. М., 1951, с. 114, ср. также простонародное выражение *egyen meg a feqe* «черт побери», с. 272). Следовательно, скорее всего в выражении *до фени* следует искать отражение венгерского созвучного *feqe* «черт», чем личного имени *Феня*, которое никак не может объяснить внутреннюю форму выражения *до фени*.

Если прилагательное в сочетании *кузькина мать* не было образовано от личного имени *Кузька*, то оно должно было бы быть связанным с чем-то страшным. В ходе дальнейших рассуждений привлечение пермских названий лешего или черта *кузь*, *кузьд*, встречающегося сейчас в коми-зырянском и коми-пермяцком языках, выглядит вполне оправданным. Ведь знакомство с матерью лешего или черта представляет собою вполне реальную

угор. Сравнение определения в выражении *кузькина мать* с по-русски названиями *кузь*, *кузьб* «черт, леший» все-таки до какой-то степени раскрывает первоначальную пугающую образность оставшегося в других случаях загадочным фразеологическим выражением *показать кузькину мать*.

Учитывая незначительность вклада пермских финно-угорских языков в русский язык, а также ограниченность современных контактов их с русским при широкой распространенности идиомы, можно предположить, что источник заимствования мог быть другой, но близкий к названному. В качестве такого можно привлечь уже исчезнувший мерянский язык, который также входил в число древних финно-угорских языков. Он был распространен в районе Верхней Волги на территории нынешних Ярославской, Ивановской, Костромской и некоторых соседних областей. Мерянский язык исчез из обихода к XVIII веку, на бывшей территории его распространения остались редкие диалектные слова и географические названия (топонимы), которые и дали возможность восстановить элементы исчезнувшего языка по этим его пережиткам в русском языке и, особенно, в его говорах на бывшей мерянской территории, что сделано в специальной монографии киевского языковеда О. Б. Ткаченко «Мерянский язык» (Киев, 1985. Ср. также: Ткаченко О. Б. Очерки истории языкового субстрата. Киев, 1989).

Мерянский народ, забыв свой прежний язык, стал говорить по-русски и вошел в состав русского народа, поэтому мерянский источник для *кузькиной матери* не может считаться абсолютно чуждым нам.

В языкознании существует особый термин *субстрат*, которым принято называть прежний язык народа, перешедшего на другой язык и забывшего свой прежний. *Субстратом* также именуется следы прежнего языка, отразившиеся в новом языке народа. В русском языке тех мест, где когда-то обитала меря со своим языком, сохранились какие-то своеобразные субстратные черты, придавшие русскому языку этих мест своеобразный колорит.

Сложные проблемы финно-угорского субстрата применительно к русскому языку суммированы в солидной немецкой монографии на эту тему финно-угроведа Вольфганга Феенкера, вышедшей в 1967 году [Veenker W. Die Frage des finno-ugrischen Substrats in der russischen Sprache. Bloomington-Hague: Mouton, 1967. XV+329S. (Ind. Univ. Publ. / Uralic and Altaic ser. Bd. 82)].

Есть финно-угорские субстратные элементы и в русской фразеологии, хотя они исследованы довольно плохо. Однако в связи с этим мы должны помнить, что и в русской фразеологии (идио-

матике), выражаясь словами А. А. Блока,

Чудь начудила, да мера намерила
Гатей, дорог да столбов верстовых.

Родина

Недавно было высказано предположение о том, что чисто русскому и весьма привычному зачину русских сказок *жил-был* (*жила-была, жили-были*) мы обязаны мерянскому языку. Дело в том, что из всех близкородственных славянских народов этот зачин известен только русским, которые активно общались с финно-угорскими народами, а у последних имеется аналогичный сказочный зачин. О. Б. Ткаченко для исчезнувшего мерянского языка реконструирует его в виде **eļä – wole* и считает, что этот мерянский сказочный зачин был буквально переведен, или, как говорят лингвисты, калькирован по-русски как *жил-был* [Ткаченко О. Б. Одна общая семантико-фразеологическая изоглосса финно-угорских и русского языка (к вопросу финно-угорского субстрата в русском языке) // Советское финно-угроведение, т. XII, № 4, 1976, с. 245–256. В расширенном виде: Ткаченко О. Б. Сопоставительно-историческая фразеология славянских и финно-угорских языков. Киев, 1979, 297 с.].

В системе русской фразеологии имеются две пары синонимических фразеологизмов для обозначения невнимательного, ненапряженного слушания или рассматривания: *слушать* (*слышать*) *вполуха* и *слушать* (*слышать*) *одним ухом* и, соответственно, *смотреть* (*видеть*) *вполглаза* и *смотреть* (*видеть*) *одним глазом*. Эти выражения обозначают незаинтересованное, рассеянное слушание и рассматривание, причем в выражениях *слушать* (*слышать*) *одним ухом* и *смотреть* (*видеть*) *одним глазом* есть логика, которая начисто отсутствует у загадочных синонимических им фразеологизмов *слушать* (*слышать*) *вполуха* и *смотреть* (*видеть*) *вполглаза*. Как это можно применять только половину органа чувств? Почему не треть или не четверть? На эти вопросы невозможно ответить, если не учесть полную синонимичность этих выражений и то обстоятельство, что многие финно-угорские народы для обозначения парных предметов (особенно парных органов человека и животных) употребляют единственное число, а для обозначения только одного из парных предметов употребляется это же название в сочетании со словом «половина» [Основы финно-угорского языкознания (вопросы происхождения и развития финно-угорских языков). М., 1974, с. 219–220, 229]. Например, *szem* по-венгерски обозначает «глаза» (т. е. два глаза, пару глаз), а для называния одного глаза употребляется сложное

слово с первым элементом *fél* «половина» — *félszem*, буквально «полглаза»; *fül* «уши» (пара) — *félfül* «одно ухо». Аналогичная картина наблюдается, например, в родственном венгерскому марийском языке *пелпӱльыш* «одно ухо» (*пӱле* «половина» + *пӱльыш* «ухо, уши»); *пелшинчӱ* «один глаз» (*пӱле* «половина» + *шинчӱ* «глаз, глаза»).

Конкретизация финно-угорского образа половины глаза при невнимательном разглядывании или половины уха при невнимательном слушании отразилась в русской фразеологии как *смотреть краем глаза* или *слушать краем уха*. Здесь уже исчезает загадочная математичность. Этот же самый принцип был положен в основу названия легкой телеги на двух колесах *одноколка* (или *одноколеска*) с одной осью, поскольку обычно на одной оси бывает пара колес, которая рассматривается как единое целое. В. И. Даль в своем «Толковом словаре живого великорусского языка» справедливо покритиковал с точки зрения современной логики это название: «ОДНОКОЛЕСКА, ОДНОКОЛКА вернее бы двуколка, двуколая тележка разн. вида...» Название *двуколка*, действительно, более логично.

Как бы то ни было, привлечение названий черта и лешего *кузь*, *кузьб* из пермских языков для объяснения выражения *показать кузькину мать* способно осветить внутреннюю логику (внутреннюю форму) идиомы в момент ее возникновения. Эта гипотеза опирается на языковые факты, а не на предания о случаях, которые историей никак не подтверждаются, оставаясь на уровне народноэтимологических рассказов.

За историей выражения *показать кузькину мать* стоят своеобразные факты истории русского и мерянского народов, события исторической этнографии. Вероятность предложенного объяснения до какой-то степени подтверждается фактами аналогии: еще, по крайней мере, два фразеологизма и одно слово (*одноколка*) можно связывать с загадочным, впрочем, мерянским источником.

За знакомой строкой

«И, флёр от шляпы отвернув...»

З. А. Носкова,
кандидат филологических наук

В шестой главе «Евгения Онегина» А. С. Пушкин рисует очень точную в деталях картину у ручья, где «в тени густой поставлен памятник простой»:

Под ним (как начинает канать
Весенний дождь на злак полей)
Пастух, плетя свой пестрый лапоть,
Поет про волжских рыбаей;
И горожанка молодая,
В деревне лето провождая,
Когда стремглав верхом она
Несется по полям одна,
Копя пред ним останавлиет,
Ремянный повод натянув,
И, флер от шляпы отвернув,
Глазами беглыми читает
Простую надпись — и слеза
Туманит нежные глаза.

Любознательному читателю всегда небезынтересна предметная среда эпохи, изображенной в том или ином произведении. Знание деталей помогает «оживить» образы и картины, способствует более глубокому восприятию текста. Для читателей XIX века — современников поэта — описание бытовых подробностей было близким, вызывало определенные образы, так как предметы в процессе своего существования становились знаком, символом определенных понятий.

Обратимся к слову *флёр*. У Пушкина оно встречается лишь один раз в приведенном отрывке для обозначения «прозрачной, обычно шелковой ткани». Но есть и другие случаи упоминания флера в литературе первой половины XIX века или в произведениях об этом времени. Например, в «Воспоминаниях» И. А. Гончарова *флер* так же, как и у Пушкина, употреблен в печальном контексте: «Только портрет моей покойной жещы сиротливо висел на стене под флером». Если судить по примерам, то можно сделать вывод, что флер был тканью траурного цвета и предназначения. Между тем так было не всегда.

Слово в форме *флорь* и *фроль* известно по письменным источникам с конца XVIII века (следует заметить, что словари обозначают более позднее время первой фиксации — 1724 г.). Так, в материалах о московском театре в записи за 1675 г. о постановке шести комедий значится: «К Артаксерксовой комедии на белое платье Есфири куплено у Гостиного двора в лавке у мещанина у Гришки Есина 2 рубка, дано рубль 30 алт., да полтретья аршина фрюлю белого с золотными полосками, дано по 10 алт. за оршин, итого 25 алт. Всего за рубки и за флорь дано 2 рубля 21 алт.»

Как видно из текста, флер отнюдь не был только черного цвета. Это же подтверждает торговый морской устав 1724 года: «Флеры шелковые, и крепые, флеры... и черные, и белые травчатые...» (Картотека Словаря русского языка XI–XVII вв.). Очевидно, ткань была самой обычной, а не строго ограниченной сферы использования. Из нее шили разные вещи: платья, галстуки, косынки. Этому тоже есть письменные свидетельства: «...били его Ивана и увечили палками, топтутками и сбили с него шляпу пуховую с пуговицею жемчужною — цена 3 рубли, перчатки оленьи — цена 11 алтын 2 деньга, галздук флеровой — цена 8 алтын, 2 деньга» (О немецких школах в Москве в первой четверти XVIII в.). В конце XVIII века в моде были флеровые косынки:

Для чужой жены во торг пойду,
Я чужой жене пукет куплю,
Из пукету балахон сошью,
Балахон золотым гасом обложу,
Объяринну алу юбочку сошью,
Косыночку тонку флеровую,
А шапочку — все серебряны цветы...

Соболевский. Великорусские народные песни

И. А. Крылов тоже упоминает флер при описании убранства «милых дам»:

Поддельна грудь из тонких флеров,
Приманка взорам — сердцу яд —
Была милей всех их уборов,
Мой развлекает жадный взгляд.

К другу моему А. И. К(лушину)

Флер мог применяться и для самых незатейливых нужд: «А соль кипящую растолочь, просеять сквозь флеру» («Книга охотничей регул, или порядок о содержании псовой охоты». Перевод с немец., XVIII в.).

Но уже с начала XVIII века флер ввиду того, что мог быть черного цвета, стал употребляться в сугубо определенных случаях: в траурных церемониях, в ритуале казни и т. п. Так, в дипломатических мемуарах князя Б. И. Куракина за 1713 г. упоминается следующее событие: «В той каморе были министры прусские посланник чрезвычайный барон Гиммен да резидент, оба убраны в печальном платье с епанчами и с флерами...». В переводной «Повести о приключении аглинского милорда Георга и о брандбургской маркграфине Фридерике Луизе» (СПб., 1782) флером были убраны предвестники казни: «Не успел он окончать сих печальных слов, как увидел отворившиеся на двор ворота, в которыя вошли восемь человек в длинных епанчах, с розпущенными на головах с черным флером шляпами».

В начале XIX века употребление слова *флер* как символа печали, знака беды становится обычным и преобладающим. Очевидно, и у Пушкина молодая горожанка отворачивает от шляпы именно черный флер.

Но история слова *флер* на этом не заканчивается. Уже в творчестве М. Ю. Лермонтова, поэтический язык которого отличается возрастающей образностью, слово *флер* употребляется в составе метафоры:

Лишь год назад два талисмана
Светилися в тени твоей,
И ниже замысла обмана
Не скрылося в душе детей!..

Детей! — о! да, я был ребенок! —
Промчался легкой страсти сон;
Дремоты флёр был слишком тонок —
В единый миг прорвался он.

Дереву

Постепенно за словом *флер* закрепилось переносное значение «полупрозрачный покров, целена, дымка». Сейчас слово в этом значении входит в активный словарь, а значение ткани, бывшее начальным, считается уже устаревшим.

Со словом *флер* в переносном значении сложилось устойчивое словосочетание: *накинуть (набросить) флер* в значении «придать таинственность чему-либо» (Фразеологический словарь русского языка. Под ред. А. И. Молоткова).

В переносном значении слово *флер* используют и современные авторы: «Варя знала, что это не так, что людей, которые все могут и которым все дозволено, не существует. Но был флер, была видимость» (Рыбаков. Тридцать пятый и другие годы). В данном случае слово употреблено в несколько ином переносном значении, нежели указано в Словаре русского языка. Возможно, значение «видимость» сложилось под влиянием фразеологического оборота. Следует заметить, что в переносном значении стало употребляться и производное от *флер* прилагательное *флеровый* — *флеровый туман*.

Возможно, что слово *флер* постигнет та же участь, что и наименование *дымка*. Его судьба — пример изменения соотношения значений. Первичное значение ткани у слова *дымка* было утрачено. В настоящее время слово употребляется в значении «легкое облако тумана, испарения». Народная этимология сближает на основе фонетического сходства дымку с дымом — здесь, возможно, переносное значение даже повлияло на переосмысление внутренней формы слова. Материальное сходство тканей дымка и флер (легкость, воздушность), одинаковый путь развития переносного значения на основе метафоры и позволяет сделать прогноз о судьбе слова *флер*.

Слово *флер* пришло в русский язык через голландское посредство (*floors*) из нем. *Flog*, которое восходит к латинскому *villosus* «ворсистый, волосатый» (Фасмер М. Этимологический словарь русского языка). К этому же латинскому корню восходит и заимствование из французского *велюр* (от франц. *velours* — бархат). В русском языке это слово появилось значительно позже, чем *флер*. Регистрируется словарями с 30-х годов XX века: «Велюр — фр. (*velours*) замшевидная плотная кожа хромового дубления, из которой изготавливается верх легкой обуви; текст. название лучших сортов драпа, бархата, плюша» (Словарь иностранных слов). Более поздние словари отмечают для наименования *велюр* как первичное значение ткани (за исключением «Словаря иностранных слов»). Ни слово *велюр*, ни производное прилагательное *велюровый* не приобрели переносного значения, как слова *флер* и *флеровый*, несмотря на то, что судьба слов, обозначающих понятия одного тематического круга, зачастую сходна. Этого не произошло, возможно, потому, что *велюр* является более поздним заимствованием, чем *флер*, имеет относительно узкую сферу функционирования и является менее распространенным по отношению к словам, обозначающим смежные понятия (замша, бархат, плюш, драп).

Слово *велюр* отличает другая интересная черта. Оно приобрело символическое значение. Одежда и ткани могут говорить о многом: возрасте, профессии, имущественном положении, вкусе, принадлежности к определенной социальной группе. Так, у слова *флер* символическое значение «знак печали» начинало формироваться, но этот процесс не завершился, так как слово было вытеснено другими наименованиями, обозначающими ту же реалию. «Флер или чаще креп — шелковая ткань полотняного (тафтяного) переплетения...» — констатирует «Энциклопедический словарь» Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. Велюр же, а особенно вельюровая шляпа, стали знаком лица, принадлежащего к бюрократической верхушке общества. Е. Евтушенко в стихотворении «Прошпидей» таким образом описывает «крупняка из области»:

И явился, брови хмурия,
Сам —
 всех прочих во главе.
Габардин во всей фигуре
И велюр —
 на голове.

Таким образом, слова *флер* и *велюр* можно назвать этимологическими дублетами. Имея общий латинский источник, они возникли в разное время и пришли в русский язык различными путями, обозначая близкие, но не тождественные реалии.

Луганск

«Язык мой — друг мой»

Секция литературы и искусства Дома ученых АН СССР и научно-общественный совет «Родной язык» Советского Фонда культуры организовали цикл лекций «Язык мой — друг мой», в рамках которого в октябре прошлого года состоялась беседа за «круглым столом», посвященная проблемам культуры русской речи.

Вел встречу доктор филологических наук, лауреат Государственной премии СССР, председатель научно-общественного совета «Родной язык» при Советском Фонде культуры И. С. Улуханов. Он остановился на актуальных вопросах культуры речи, отметив, в частности, что в условиях демократизации нашего общества язык приобретает не только общекультурное, но и общественно-политическое значение. Неслучайно этой проблемой (при всех наших трудностях) занимается Верховный Совет СССР.

К сожалению, есть и такой уровень «культуры», которым должна заниматься милиция. Нецензурная брань, особенно в молодежной среде, стала едва ли не массовым явлением. Как с этим бороться, должны подумать и ученые-языковеды.

Задача лингвистов в повышении культурно-речевого уровня населения состоит и в том, чтобы не только установить степень нормативности и ненормативности употребления многих слов и выражений, встречающихся в повседневной практике, но и объяснить эти нормы. Может быть, трудно (с позиций лингвистики) объяснить, почему при обращении нельзя считать нормой употребление слов «мужчина» и «женщина» или слова «ложить» вместо «класть», но ненормативность такого слова, как «разгосударствление», очевидна. Эти искусственно созданные слова противоречат словообразовательным нормам, громоздки и для повседневного употребления неудобны.

Человек усваивает тот или иной факт языка, когда понимает ошибочность того или иного словоупотребления.

Свое выступление И. С. Улуханов проиллюстрировал яркими примерами из газет, публичных выступлений, прозвучавших по радио и телевидению.

О связи культуры речи с культурой общения говорил Е. Н. Ширяев, доктор филологических наук, заведующий отделом

культуры речи Института русского языка АН СССР. Связь эта очевидна не только на уровне этики, логики, психологии, но и лингвистики. Е. Н. Ширяев подчеркнул необходимость возрождения риторики как учения о речевом поведении. Он отметил, что, кроме «канцелярита», ставшего хроническим недугом, выхолащивающим мысль, общество поражено «ярлыковой болезнью», характерной для «митинговой демократии», проникшей и в наш парламент. (В отделе культуры речи Института русского языка АН СССР готовится к печати сборник статей «Культура парламентской речи».) Ярким симптомом «ярлыковой болезни» становится стремление выступающего не назвать явление или событие, дать ему объективную оценку, а «обозвать» оппонента, обидеть его; при «ярлыковой болезни» характерна апелляция не к фактам, а эмоциям, бездоказательным утверждениям.

О важности возрождения искусства риторики, культуры устной речи говорил и доктор филологических наук, главный редактор журнала «Русская речь» В. П. Вомперский. Он отметил, что проблемы культуры речи интересовали ученых давно. Лингвисты, начиная с М. В. Ломоносова, уделяли им большое внимание и никогда не уходили от проблем современности. В. П. Вомперский привел выразительные примеры, связанные с творчеством таких выдающихся ученых, как Я. К. Грот, А. А. Шахматов, Л. В. Щерба, В. В. Виноградов и др.

Лингвисты не просто наблюдают факты языка, но и дают свои рекомендации. Культура народа отражается, материализуется в языке, а формирование полноценной личности невозможно без культуры речи. Реализации этой задачи и посвящен цикл лекций «Язык мой – друг мой».

В. А. Кожевников

Авангард в отечественной культуре

«Проблемы русского и украинского авангарда: история, поэтика, традиции (1910–1990)» – так называлась всесоюзная научная конференция, проведенная Херсонским педагогическим институтом с 15 по 20 октября прошлого года. Место проведения конференции было выбрано не случайно, ведь Херсон имеет непосредственное отношение к становлению раннего русского авангарда: недалеко от города располагается бывшая усадьба Бурлюков Червянка, где гостили и работали такие столпы русского футуризма, как В. В. Маяковский и А. В. Крученых.

На конференции выступали филологи и искусствоведы из многих городов нашей страны, а также из Австрии, Болгарии, Италии, США. Работали секции, на которых рассматривались историко-филологические и эстетические основы авангардного искусства, поэтика литературы начала XX века. В особую группу были выделены проблемы, касающиеся форм и модификаций авангардизма, а также лингвостилистики этого направления.

Трактовка проблем левых направлений в докладах участников конференции зачастую осуществлялась с диаметрально противоположных позиций, это выражалось и в оценках творчества тех или иных представителей авангардных школ. Для одних авангард представляется как «наиболее честная часть искусства, бунт против стереотипов, отчаянная попытка спасти себя» (С. Сигей, Ейск). Для других это «знак страшной болезни искусства, порождение революционного сознания, которое всегда кончается революционным синдромом» (Е. Добренко, Одесса).

Одним из вопросов, который пытались выяснить участники конференции, стало терминологическое определение понятия авангард, в частности – его хронологические рамки. Относится ли этот термин только к искусству 1910–1920-х годов, или его правомерно использовать и по отношению к таким современным явлениям, как соцарт, концептуализм, метафоризм? Может быть, к последним более применимо такое определение, как постмодернизм? Конечно, дискуссия о терминологии имела совсем не умозрительную ценность – по сути дела речь шла о содержательной, сущностной стороне новых направлений, о том, какой

конкретный вклад внесла та или иная поэтическая или художественная школа в общее развитие литературы и искусства.

Нужно отметить, что такого рода конференция в СССР проводилась впервые и отчасти, несмотря на некоторые организационные просчеты, все-таки удалась. Большой интерес вызвали доклады «От символизма к авангардизму», «Триптих стихотворения „Дыр бул щыл“ А. Е. Кручных», «О мире и человеке в поэзии Д. Пригова», «Современный русский авангардистский рассказ и эстетика „нового романа“», «Визуальная поэзия», «Соцарт: история, эстетика, поэзия». В то же время выступления показали, что многие проблемы нуждаются в более углубленном исследовании, и требуются большие усилия литературоведов и критиков для широкого ознакомления читателей с формальными и смысловыми открытиями приверженцев авангардистских направлений.

К сожалению, при всем разнообразии устремлений и научных интересов участников конференции, на обрисованной ею географической карте авангарда, особенно современного, все же остались белые пятна. В прочитанных докладах ни разу не прозвучали такие названия, как «лианозовская школа», «СМОГ», не было уделено внимания таким ярким явлениям поэтического авангарда, каким представляется творчество Я. Сатуновского, Вс. Некрасова, Л. Рубинштейна. Впрочем, все эти недостатки не могут умалить главного: сделаны первые шаги в деле серьезного, подлинно научного изучения такого яркого явления отечественной культуры, которым является авангард.

Е. И. Трофимова

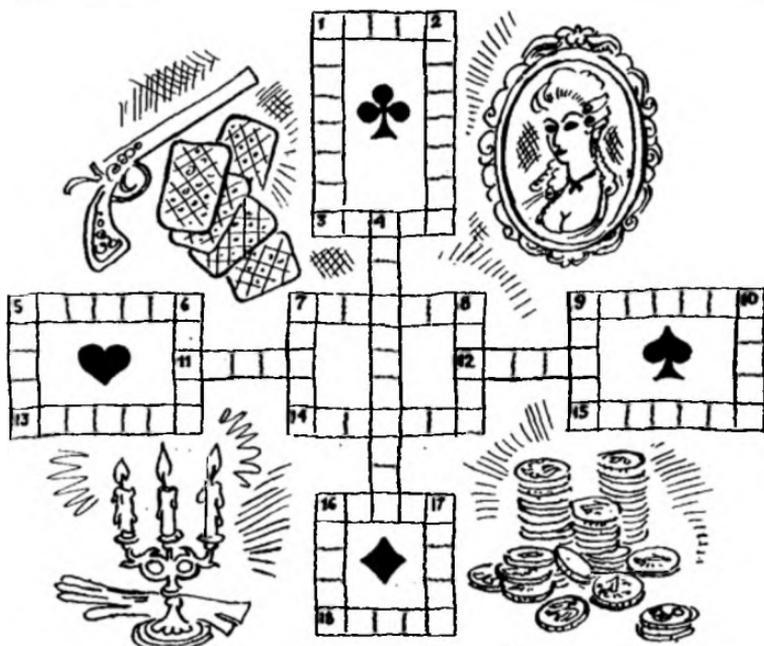

К сведению читателей

Выходит из печати во 2-м издании «Алфавитно-частотный словоуказатель к Полному собранию сочинений В. И. Ленина» – результат завершения одного из этапов сложнейшей работы по подготовке фундаментального толково-энциклопедического «Словаря языка В. И. Ленина» в Институте русского языка АН СССР. В Словоуказателе содержится около 40 тысяч слов, употребленных В. И. Лениным, с указанием: 1) индекса абсолютной частоты встречаемости каждого слова и 2) «адресов» – номеров томов и страниц, отсылающих к ПСС В. И. Ленина. Всего в Словоуказателе имеется свыше 350 тыс. отсылок-«адресов». В Приложениях даются статистические сведения, повышающие информативность основного корпуса Словоуказателя.

Словоуказатель является ценным справочником универсального назначения для работы с ленинскими текстами, он будет интересен и полезен не только филологам, но и специалистам других областей – философам, историкам, экономистам, журналистам, переводчикам, а также широкому кругу общественных деятелей, политологов, массовому читателю.

Заявки направлять по адресу: 103009, Москва, Тверская ул., д. 19а, Магазины «Академкнига» № 1; 117312, Москва, ул. Вавилова, д. 55/7, Магазины «Академкнига» № 2 или в местное отделение «Академкниги». «Словарь языка В. И. Ленина (Алфавитно-частотный словоуказатель к Полному собранию сочинений)». Институт русского языка АН СССР. – М.; Наука, II полугодие 1990 г.

КРОССВОРД
 «А. С. ПУШКИН.
 ПИКОВАЯ ДАМА»

По горизонтали 1. Город, в «игречких домах» которого Германн хотел, используя тройку, семерку и туза, «вынудить клад у очаровательной фортуны». 3. Знак препинания. 5. Что случилось с Лизаветой Ивановной на похоронах старой графини? 7. Что во множестве использовала графиня для своего украшения? 9. Русский поэт, слова которого Пушкин поставил эниграммой ко второй главе повести. 11. Имя князя, приславшего старой графине книги. 12. Большое по объему повествовательное произведение. 13. Происшествие, событие необычного характера, слышанное много раз от графини ее внуком. 14. Кто рассказывал в кругу игроков историю трех карт? 15. Княжна, которой восторгался Томский. 16. Секрет, скрываемый, по мнению Германна, графиней. 18. Старинное название рубина и сапфира.

По вертикали: 1. Оружие, которым Германн пригрозил старой графине. 2. Брачный союз, которого с нетерпением ожидала «домашняя мученица» Лизавета Ивановна. 4. Один из богатых московских игроков, выигравший в Петербурге все деньги у Германна. 5. Чувство, испытанное Лизаветой Ивановной после рассказа Германна в ее комнате. 6. Женское домашнее платье свободного покроя, в котором героиня сопровождала старую графиню. 7. Искусство театрального танца. 8. Церковно-официальное название священника в православной церкви. 9. Великий итальянский поэт, слова которого цитирует Пушкин: «Горек чужой хлеб...» 10. Плодовое дерево или кустарник. 16. Круг карточной игры до окончания колоды у банкмета или срыва банка. 17. Что владело Германном во время игры?

ЧИТАТЕЛЬ СПРАШИВАЕТ

«В рассказе Е. Замятина „Африка“ мне встретилось несколько непонятных, незнакомых слов. Прочитирую эти фразы.

„Мое слово – *безоблыжное*.“

„Два дня за китом *всугонь* бежали.“

Помогите, пожалуйста, разобраться.»

Н. И. Сидоренко, г. Краснопереконск,
Крымской области

Объяснение мы нашли в «Толковом словаре живого великорусского языка» В. И. Даля: *безоблыжный* – необлыжный, безобманный, неложный; правдивый, верный, истинный. *Безоблыжность* – правдивость.

Всугонь (*всугонку*) – в погоню, вдогонку.

К СВЕДЕНИЮ ЧИТАТЕЛЕЙ

В издательстве Университета дружбы народов выходит на печати книга М. В. Горбаневского «В начале было слово...: малоизвестные страницы истории советской лингвистики». В ней рассказывается о непростой судьбе отечественного языкознания, в котором долгие годы господствовал марризм. Автор книги, пользуясь многочисленными источниками, рассказывает о борьбе идей в советской лингвистике в 20–50-е годы, широко привлекая и историко-политический материал.

Написанная в публицистическом ключе книга М. В. Горбаневского адресована не только лингвистам, но и широкому кругу читателей.

Заказы на книгу можно посылать по адресу:
117923, ГСП-1, Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3
Издательство УДН.

Новое ли слово судьбоносный?

«Я постоянный читатель вашего журнала. Можно даже сказать, что он является моей „настойной книгой“, т. к. русский язык — безграничное море для познания.

В середине 80-х годов мой слух резануло выражение, сказанное с высокой трибуны: „судьбоносное значение“. Такое уж оно искусственное, чуть ли не из пальца высосанное, что моя душа воспротивилась ему...

Ответьте, пожалуйста, приемлете ли вы такое словообразование?»

С. И. Кондраткова, Душанбе

На это письмо мы попросили ответить кандидата филологических наук В. Н. Сергеева.

Прилагательное *судьбоносный*, по данным картотеки Словарного отдела Института русского языка АН СССР, впервые появилось в 1973 году на страницах журнала «Новый мир» и с этого времени получило относительно широкое распространение в периодической печати, в теле- и радиопередачах. Новизна, необычность этого слова авторами ощущается по-разному. Отсюда и разные способы введения его в текст: из 61 цитаты только в шести случаях слово было заключено в кавычки: дважды в 1988 и четырежды в 1990 году.

В современном русском литературном языке сложных прилагательных со второй частью *-носный* насчитывается не более 50. Одни из них образованы от сложных существительных (броненосный — броненосец, водоносный — водопос и др.), другие же созданы из основы имени существительного и основы глагола, осложненного суффиксом *-н-* (кровеносный, смертоносный и др.). Слово *судьбоносный* относится ко второй группе. Словообразовательная модель, по которой созданы эти слова, известна давно. Не-

которые из слов зарегистрировал в своих «Материалах для Словаря древнерусского языка по письменным памятникам» И. И. Срезневский (плодоносный, победоносный, светоносный, смертоносный, цветоносный). Позднее по этой модели создавались другие слова и входили в состав русского языка.

Так, Вейсманн помещает в «Немецко-латинский и русский лексикон» (1731) слова *звездоносный* и *медноносный*; Алексеев в «Церковном словаре...» (1776) отмечает *крестоносный*; Иван Нордстет включает в свой словарь (1780, 1782) *водоносный*, *вредоносный*, *дожденосный*, *жалоносный*, *семеноносный*, в «Словаре Академии Российской» (1789, 1792) находим *венценосный*, *кровеносный*, *молниеносный*, *пурпуроносный*.

В XIX веке идет лексикографическая фиксация как новых слов, так и слов, отсутствующих в ранее изданных словарях. Составители «Словаря Академии Российской» (1822) помещают слово *ядоносный*; П. Соколов вводит в свой словарь (1834) *громоносный*; в «Словарь Академии наук» (1847) включаются *броненосный*, *воздухоносный*, *знаменосный*, *золотоносный*, *шишконосный*; В. И. Даль вносит в «Толковый словарь» *градоносный*, *копьеносный*, *рудоносный*, *рясоносный*.

В XX веке составители словарей продолжают включать подобные слова. «Словарь Академии наук» (1910, 1915) помещает *клубненосный*, *лавроносный*. *Газоносный*, *металлоносный*, *миноносный*, *нефтеносный*, *орденоносный*, *сахароносный* находим в «Толковом словаре русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова. В первом издании Словаря русского языка С. И. Ожегова (1949) есть слово *каучуконосный*, в последующих — *торпедоносный*, *эфироносный*. Лексикографическая фиксация этих слов пополняется в 17-томном словаре двумя словами — *маслоносный* и *нектароносный*, а во втором издании 4-томного словаря словом *ракетоносный*.

Как же в современном русском языке живет слово *судьбоносный*? «Говоря несколько приподнято, — пишет В. Шубкин, — семнадцать — двадцать пять — это судьбоносный период в жизни человека» (Новый мир. 1976. № 2. С. 189). Автор подчеркивает «приподнятость» слова *судьбоносный*. Следовательно, оно стилистически не нейтрально, оно принадлежит высокому стилю речи. Не случайно его часто используют государственные и общественные деятели, публицисты, писатели.

Каково же отношение общества к слову? Его не критикуют, не предлагают наложить табу. Появляются даже восторженные отзывы: «О наших переживаниях не стоило бы сообщать, если бы день этот не был судьбоносным (какое прекрасное слово!)»

в истории громадного города» (В. Морозов. Что за день в календаре? // Вечерний Ленинград. 1990. 6 июля). Кому же мы обязаны созданием слова *судьбоносный*?

Самое первое употребление прилагательного *судьбоносный* найдено в книге Ф. И. Шаляпина «Маска и душа. Мои сорок лет на театрах», которая вышла на русском языке в Париже в 1932 году. В СССР полностью книга вышла в 1989 году в издательстве «Московский рабочий». Вот этот текст, в который Ф. И. Шаляпин включил слово *судьбоносный*: «Большое мое огорчение в жизни, что не встретил Мусоргского. Он умер до моего появления в Петербурге. Мое горе. Это все равно что опоздать на судьбоносный поезд. Приходишь на станцию, а поезд на глазах у тебя уходит — навсегда!» (С. 158). Всего один раз употребил Ф. И. Шаляпин это слово в книге, без кавычек, без какого-либо комментария, полагая, что слово понятно всем. Мог ли Ф. И. Шаляпин создать его? Вполне возможно. Действительно, Ф. И. Шаляпин прекрасно владел лексическим и фразеологическим богатством русского языка, его изобразительно-выразительными средствами. Он использовал пословицы и поговорки, крылатые выражения, фразеологизмы, вводил в текст латинские, французские, английские выражения. Только тот способен преобразовывать устойчивые выражения русского языка, употреблять образно и переносно общеизвестные слова, кто хорошо знает свой язык во всех его проявлениях.

Не исключено, что Ф. И. Шаляпин преобразовал на русский лад услышанное им во время гастрольных поездок и болгарское слово *съдбоносен*. В болгарском языке это прилагательное известно, по крайней мере, с конца XIX века в значении «такой, от которого зависит судьба, жизнь кого-либо». Слово *съдбоносен* помещено в толковые, переводные и другие словари болгарского языка. Так, в «Полном болгарско-английском словаре» К. Стефанова (София, 1914. С. 772) *съдбоносен* рекомендуется переводить английскими словами *fateful, eventful*. *Съдбоносен* находим и в «Этимологическом словаре болгарского языка» С. Младенова (София, 1941. С. 627).

Болгарское слово *съдбоносен* помещается наряду со словом *съдбовен* в толковые и переводные, орфографические и другие словари болгарского языка. Прилагательные *съдбовен, съдбоносен* и наречие *съдбоносно* можно найти в «Болгарском толковом словаре», составленном Л. Андрейчиным, Л. Георгиевым и др. (1-о изд. 1955) и в «Словаре современного болгарского литературного языка», подготовленного в Болгарской АП (София, 1954–1959). В «Болгарско-русском словаре» С. Б. Бернштейна (М., 1975.

С. 644) *сѣдбоген* сопровождается пометой *редко*, а *сѣдбоносен* рекомендуется переводить словами *роковой, фатальный, решающий*.

Ф. И. Шаляпин, как уже было сказано, слово *судьбоносный* употребил всего один раз. В других литературных и иных источниках до 70-х годов XX века оно не встретилось. Как ни странно, но слово не появилось и в период Великой Отечественной войны, когда Родина была в опасности, когда ее судьба зависела от тех, кто сражался на фронте, кто ковал победу в тылу.

В настоящее время слово *судьбоносный* стало очень популярным. Оно употребляется в составе целого ряда словосочетаний, например, таких, как *судьбоносное время, судьбоносный момент, судьбоносные задачи, судьбоносные решения, судьбоносная линия, судьбоносные инициативы, судьбоносный съезд, судьбоносные события, судьбоносные законопроекты, судьбоносные преобразования* и т. п. Наречия *судьбоносно* в русском языке пока не создано. В 1987 году в печати появилось существительное *судьбоносность*: «Иван Павлович уважал голос этого телефона, *судьбоносность* его» (Карелин Л. Даю уроки. Огонек. 1987. № 34. С. 19).

Как в дальнейшем сложится судьба слов *судьбоносный* и *судьбоносность*, будут ли еще образованы другие слова, покажет время. Сейчас *судьбоносный* широко употребляется в периодической печати, реже в произведениях художественной литературы, и имеет все основания для включения в словари современного русского литературного языка.

Ленинград

Высокая трибуна обязывает

Латинское слово *культура* имеет много значений. Одно из них — степень совершенства в овладении той или иной отраслью знания или деятельности (культура труда, речи, земледелия и т. д.)

Применительно к красноречию — это высокая степень овладения средствами языка и воспитание вкуса к хорошей речи, которая является составной и органичной частью общей культуры человека.

Публичное выступление — это звучащее слово, и от того, насколько оно правильно произнесено, точно и уместно употреблено, зависит его действенность. В своей повседневной жизни мы зачастую недооцениваем силу и возможности слова.

Еще двадцать четыре века тому назад древнегреческий оратор, политик и публицист Исократ писал: «Слово не только высвободило нас из оков животной жизни; благодаря ему мы построили города, установили законы, изобрели искусства. Его мощь такова, что ничего из разумного не происходит без помощи слова. Слово является вождем всех дел и всех замыслов».

Публичная речь обязывает, в ней идеальным должно быть не только содержание, но и форма (средства выражения), в которую оно облачается. Поэтому вполне правомерны слова, сказанные Цицероном: «Мудрость в содержании без красноречия мало приносит пользы...». По мнению Цицерона, «идеальный оратор» — это убежденный в правоте своего дела и всесторонне образованный политический деятель, перед которым ставятся три задачи: 1) доказать свою точку зрения истинными фактами и аргументами; 2) доставить слушателям эстетическое удовольствие (мастерством и манерой говорить); 3) воздействовать на волю и поведение слушателей и побудить их к действию.

В период гласности и демократии, особенно в последние годы, высокая трибуна стала доступной для многих. К сожалению, выступления на сессиях и съездах Верховного Совета не всегда отвечают требованиям культуры речи. В своем письме в редакцию газеты «Советская культура», опубликованном под рубрикой «Разговор с читателем» 26 мая 1990 г., автор пишет: «Внимательно смотрела и слушала все съезды народных депутатов, сессии, просто интервью с избранниками народа по ТВ. Я не филолог,

не лингвист, но у меня уши вяли, когда я слышала, как многие из них изъясняются. Безумные ударения, невероятные обороты речи, кощунственные неологизмы».

Штампованные фразы, трафаретные средства выражения, засоренность речи не отличают одно выступление от другого, следовательно, не затрагивают ум и чувства слушателей и, конечно же, не достигают цели. А когда многие ораторы отрываются от своих записей, то речь их опускается до уровня неофициальных диалогов, до употребления бытового просторечия. И становится обидно за русский язык, богатый лексикой, стилистическими ресурсами и выразительными возможностями, за то, как коверкают его нормы наши законодатели, допускающие множество разнообразных орфоэпических и стилистических ошибок (я имею в виду основных носителей русского языка — представителей русской нации).

Если речевые ошибки (акцент, замедленность речи, неправильные ударения и др.) прощительны в какой-то степени нерусским, то для русских обращаться со своим родным языком неряшливо или знать его плохо, видимо, должно быть неудобно. Безграмотность не только отвлекает внимание от содержания выступления, но и, безусловно, не прибавляет авторитета выступающему.

Самым слабым местом для наших ораторов оказалось ударение. Допускаются ошибки в произношении даже тех слов, которые ежедневно сотни раз звучат по радио и телевидению. Ниже приводится список наиболее частых ошибок, встречающихся в публичных выступлениях.

Итак:

правильно	неправильно
уирбчение	упрочёние
фенбмен	феномён
пра́вы	правы́
хозя́ева	хозяева́
созы́в	созыв
квартáл	квартал
обеспёчение	обеспечёние
досúг	дбсуг
нормированный	нормйрованный
срédства	срeдства
гражданство	гра́жданство
приговóр	приговор
на вы́борах	на выбо́рах

принять	принять
призыв	призыв
начать	начать
облегчить	облегчить
взглянуть	взглянуть
изобретение	изобретение
меньшинство	меньшинство
углубить	углубить

Недопустимо и употребление просторечного «ложить» вместо литературного «класть».

Совершенно запутались ораторы при употреблении слов-омографов *отзыв* и *отзье* (депутата). *Отзыв* — это отклик, мнение, условный ответ: *отзыв о работе, товарище*; *отзье* — от глагола отзывать (действие по глаголу): *отзье депутата*.

В русском языке есть такие слова, которые образуются от одного корня, мало отличаются в произношении, но имеют совершенно разные значения, паронимы: *невежа* — *невежда*, *здравица* — *здравица* и др. Слова *языковбй* и *языкбый* относятся к этим паронимам: *языкбый* (сделанный из языка) — *языкбвая колбаса*, но *языковбй барьер*, *языковбие проблемы*.

На съездах и сессиях Верховных Советов постоянно звучит фраза: «Слово представляется». Неверно! *Представляется* и *предоставляется* — тоже паронимы. Они отличаются не только семантикой, но и сочетаемостью с другими словами и употреблением: *представляется* (к чему?) *к награде*, но *предоставляется* (что?) *слово*. Эти ошибки связаны с тем, что носитель языка не знает смысловых различий этих слов или имеет о них приблизительное представление.

Перечень ошибок можно продолжать и продолжать. Без сомнения, они не украшают публичные выступления ораторов

Давайте же повнимательнее относиться к тому, как мы говорим. И не будем забывать о том, что если плюрализм мнений в политике — хорошо, то в красноречии — плохо! Нормы языка едины для всех.

М. М. Урумов,
доцент кафедры русского языка СОГУ
Владикавказ

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД

«А. С. Пушкин.

Пиковая дама»

По горизонтали: 1. Париж. 2. Женитьба. 3. Точка. 4. Чекалинский. 5. Обморок. 6. Капот. 7. Булавки. 8. Обида. 9. Давыдов. 10. Данте. 11. Павел. 12. Роман. 13. Анекдот. 14. Томский. 15. Елецкая. 16. Тайна. 17. Яхонт.

По вертикали: 1. Пистолет. 2. Женитьба. 3. Точка. 4. Чекалинский. 5. Обида. 6. Капот. 7. Балет. 8. Иерей. 9. Данте. 10. Вишня. 11. Яхонт. 12. Роман. 13. Анекдот. 14. Томский. 15. Елецкая. 16. Тайна. 17. Азарт.

Номер оформили художники: *Н. Беланов, В. Леонов, М. Симонова, Е. Чуканова* ©

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

В. П. ВОМПЕРСКИЙ (главный редактор), **Л. К. ГРАУДИНА**,
В. П. ГРЕБЕНЮК, **В. П. ГРИГОРЬЕВ**, **А. Ф. ЖУРАВЛЕВ**,
Ю. Н. КАРАУЛОВ, **Л. М. ЛЕОНОВ**, **Л. Ю. МАКСИМОВ**,
И. Г. МИЛОСЛАВСКИЙ, **Л. А. НОВИКОВ** (зам. главного редактора),
Н. А. РЕВЕНСКАЯ (зам. главного редактора),
Н. И. ТОЛСТОЙ, **В. Ю. ТРОИЦКИЙ**, **А. П. ЧУДАКОВ**,
Е. Н. ШИРЯЕВ, **Д. Н. ШМЕЛЕВ**

Заведующая редакцией

Т. С. Колмакова

Художественный редактор

В. А. Леонов

Корректоры

В. В. Беляев, М. Б. Рыбина

Сдано в набор 18.12.90

Подписано к печати 6.02.91

Формат бумаги 84×108/32

Бумага типографская № 2.

Печать высокая. Усл. печ. л. 8,4.

Усл. кр.-отт. 262,6 тыс.

Уч.-изд. л. 10,0. Бум. л. 2,5.

Тираж 30500

Заказ 854. Цена 75 к.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Наука».
Адрес редакции: 121019, Москва, Г-19, Волхонка, 18/2. Телефон: 202-65-25,
2-я типография издательства «Наука»,
121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 6